

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОВЫМ·83

6 ИЮНЬ

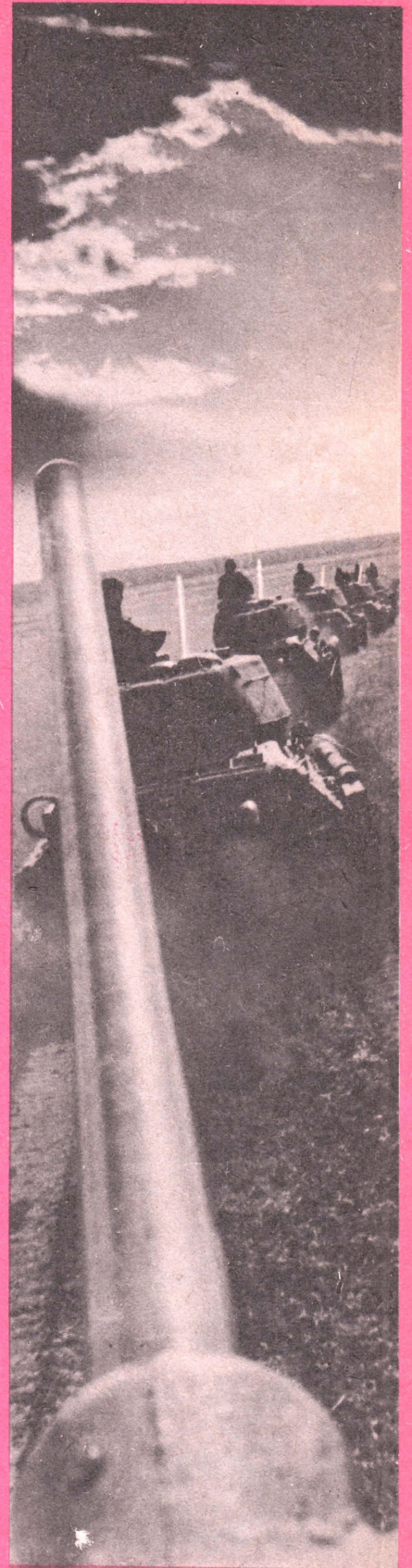
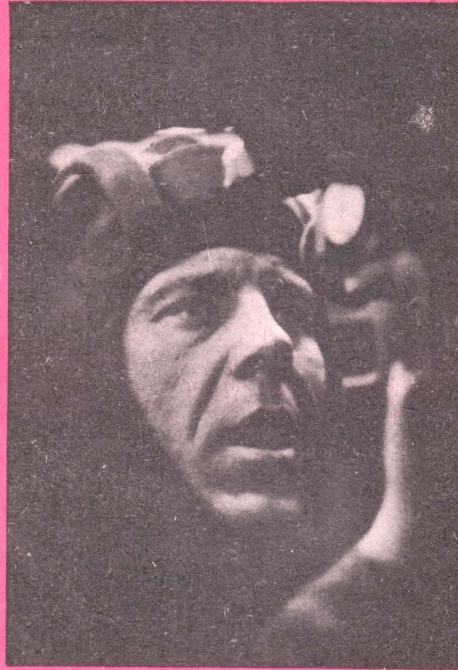

Фото А. Лысякова

Читайте стр. 8-ю.

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ-83

6 ИЮНЬ

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

В номере:

Е. Ховив «ДЕЛО СДЕЛАНО. ЗАВОД ПОСТРОЕН. ПАРТИЯ ЛЕНИНА ПОБЕДИЛА!»	2
50 ЛЕТ ЧТЗ	5
ОГНЕННОЕ КРЕЩЕНИЕ	8
Муса Гали КУРАЙ МОЙ ЗВОНКИЙ. Стихи	10
Е. Пинаев «СЕРЕБРЯНАЯ ГИТАРА»	12
А. Пудваль УРОКИ КОНСТАНТИНА СИМОНОВА	20
С. Смирнова ХРОНИКА ЖИЗНИ КАВАЛЕРИСТ-ДЕВИЦЫ	24
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	28
А. Филиппович СТАЯ. ЕГОР И МИХАЙЛОВНА. Рассказы	31
С. Захаров ИМЯ НА БАРЕЛЬЕФЕ	47
М. Люгарин МАГНИТОСТРОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	48
Б. Зеличенко ОН ОСТАЕТСЯ В СТРОЮ	50
И. Семенчик МЕЧ ЧЕСТИ	51
А. Воробьев ДВА КАПИТАНА	51
Е. Филенко ЛОВУШКА ДЛЯ ПАДАЮЩИХ ЗВЕЗД. Рассказ	52
КАЛЕЙДОСКОП. МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА	57
ИЗОБРЕЛИ ШКОЛЬНИКИ	58
В. Дульский НА АРЕНЕ И ЭСТРАДЕ	60
Ю. Липатников О ЧЕМ МОЛЧАТ ЛЯГУШКИ	68
А. Омельчук КРЕЩЕНИЕ ПОЛЯРНЫМ УРАЛОМ	72
В. Попугайло ...И ВЕЛИКИЕ МЕДИКИ	74
Н. Неруш ГАРМОНЬ МОЯ...	76
МИР НА ЛАДОНИ	79

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
 (главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Спартак КИПРИН,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
 (заместитель главного
 редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Владимир СТАРИКОВ
 (ответственный секретарь)

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
 Технический редактор
Людмила БУДРИНА
 Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
 620219.
 Свердловск, ГСП-353,
 ул. 8 Марта, 8
 Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
 Сдано в набор 01.03.83.
 НС 11048.
 Подписано к печати 27.04.83.
 Формат бумаги 84×108^{1/8}.
 Бумага типографская № 3.
 Высокая печать
 Усл. печатных листов 8,61.
 Усл. кр.-отг. 9,24.
 Учетно-издательских листов 10,7.
 Тираж 287 000.
 Заказ 451.
 Цена 40 коп.
 Типография издательства
 «Уральский рабочий».
 Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — ри-
 сунок Розы АТЛАС.

© «Уральский следопыт», 1983 г.

«Дело сделано. Завод построен. Партия Ленина победила!»

**Ефим
ХОВИВ**

Этот снимок можно увидеть в школьном учебнике истории нашей страны. Тысячи людей собрались на заводском дворе. Празднично украшены новенькие здания цехов. И среди расступившейся людской громады, по живому коридору, движутся тракторы.

Лица людей на старом снимке неразличимы. Но мы знаем, где это происходит, знаем точную дату события, которое золотой строкой вошло в летопись первых пятилеток и которому газета «Правда» полвека назад посвятила почти целых три страницы.

1 июня 1933 года. В этот день приказом наркома тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе в число действующих предприятий страны был введен Челябинский тракторный завод. А машины, которые видны на снимке, — первые советские гусеничные тракторы.

«Дело сделано. Завод построен. Партия Ленина победила!» — писал в «Правде» один из героев стройки, начальник промстроительства ЧТЗ Леон Богданович Сафразьян.

Заглянем в журнал «СССР на стройке» за 1933 год, в номер, который целиком посвящен строительству и пуску Челябинского тракторного. На его первой странице, буквально поднимая свой трактор на дыбы, радостно размахивает кепкой над головой молодой парень. Под фотографией подпись: бригадир сборщиков Марк Макагон.

Личная судьба этого человека на протяжении всех пятидесяти лет неотделима от замечательной истории ЧТЗ.

Шел 1931 год. Позади уже остался «век земли», когда Тракторострой напоминал гигантский муравейник. Теперь здесь полным ходом шли бетонные работы, все выше поднимались стены первых цехов.

Стройка не замирала и по ночам. Это были знаменитые «бетонные ночи», когда ударные бригады Ивана Монахова и Федора Капралова при свете прожекторов, под музыку духового оркестра устанавливали невиданные рекорды.

Марк Макагон, крестьянский парень с Украины, только накануне стал тракторостроевцем.

— Мне еще в совхозе на Киевщине довелось поработать на американском тракторе, — через много лет расскажет Марк Яковлевич. — Слабосильный он был, этот «фордзон» на колесном ходу, часто буксовал, чихал, но и он мог заменить много человеческих рук. Завладела мной эта машина. Служа в Красной Армии, узнал о начавшемся строительстве тракторного завода на Урале. И, когда настало время, не задумываясь, по путевке армейского комсомола поехал в Челябинск.

Из многих тысяч людей, работавших в то время на стройке ЧТЗ, большинство только здесь впервые увидело трактор. Кстати, он был единственный на всем строительстве. Но так как Марк Макагон уже работал на тракторе, его направили на опытный завод слесарем-сборщиком.

Здесь он учился читать чертежи, участвовал в сборке первого, пока еще опытного трактора.

Однажды Марка вызвали к директору опытного завода Поваляеву.

— Тебе поручается составить нормы выработки по сборке трактора, — сказал он Макагону.

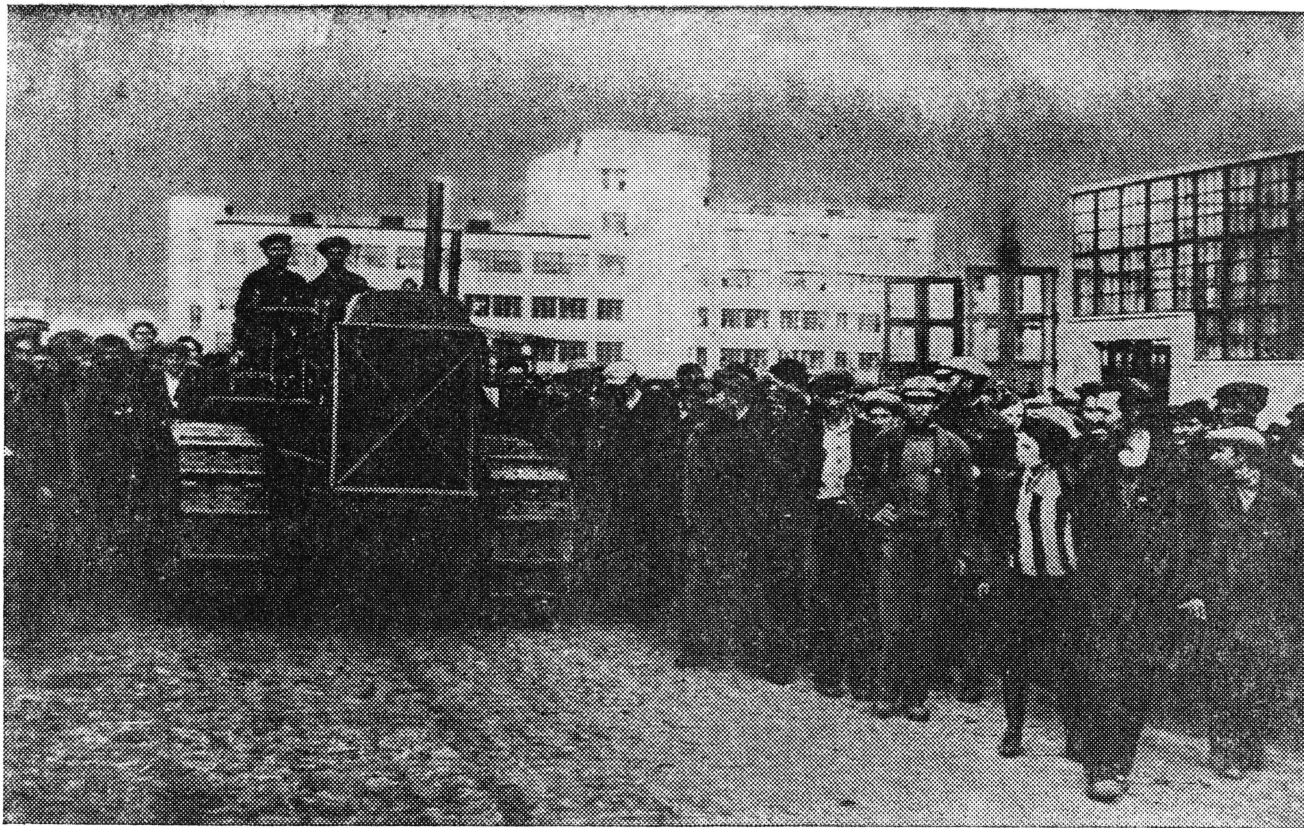
— Та я ж не умею, — растерялся тот.

— Я тоже многого не умею, но делаю, — сказал Поваляев, который раньше был железнодорожным рабочим. — А вот тебе в напарники Соловей, — кивнул он на парня, который присутствовал при этом разговоре. — В общем, действуйте.

Работали они так. Макагон собирал трактор от первой детали до последней, а нормировщик Соловей последовательно учитывал, сколько времени затрачивалось на каждую операцию.

Так был составлен первый в истории ЧТЗ технологический процесс сборки. Конечно, потом и эти нормы, и весь этот процесс уточнялись, корректировались. Но то, что сделали Макагон и Соловей, легло в основу технологии конвейерной сборки.

Шло время. Наступила последняя весна Тракторостроя. В начале мая 1933 года Марка Мака-

Первый трактор ЧТЗ.

гона назначили мастером участка в сборочном отделении основного завода. Приближался день официального пуска ЧТЗ. Была получена и первая производственная программа — 12 тракторов.

В эти горячие предпусковые дни молодые сборщики-комсомольцы забыли о доме, об отдыхе. Спали несколько часов в сутки, примостившись на досках в сушильной камере. И вот первый советский гусеничный трактор собран.

В эти же дни комсомольцы-сборщики бросили клич: «Дадим к пуску завода свой комсомольский трактор — тринадцатый!»

Наступило утро 1 июня 1933 года. На стенде испытывался последний из тринадцати — комсомольский трактор. В этот момент в цехе, сопровождаемый руководителями завода и гостями, прибывшими на пуск ЧТЗ, появился председатель ЦИК СССР Михаил Иванович Калинин. И сразу же направился к сборщикам.

— Ну, как дела? — спросил он у Макагона.

— Хорошо, Михаил Иванович, — ответил мастер. — Программу выполнили. Вот тринадцатый, сверхплановый кончаем, даже четырнадцатый собирать начали, но уже не сумеем...

Михаил Иванович внимательно осмотрел пер-

вый, самый нарядный трактор, украшенный флагами.

— Хороша машина!

И вот колонна тракторов выходит из цеха на залитую солнцем широкую площадь заводского двора. Вся она заполнена народом. Впереди пионеры с барабанами и горнами. Один из них, Боря Ваганов, особенно волнуется: в соревновании пионерских горнистов школ Челябинска он завоевал право дать сигнал к торжественному пуску ЧТЗ.

(Ровно через 45 лет на большом заводском вечере в театре ЧТЗ снова послышится дробь пионерских барабанов. Взмахнуто замрет зал, и выйдет на сцену в сопровождении ребят-ассистентов седой человек с алой лентой через плечо, вся грудь в наградах — и фронтовых, и трудовых. Выйдет на сцену пионерский горнист из 33-го года, ветеран ЧТЗ Борис Иванович Ваганов, вскинет пионерский горн, и снова прозвучит, как 45 лет назад, торжественный сигнал: «Слушайте все!»)

Медленно трогает Марк Макагон с места первый трактор. Рядом с ним в белоснежной рубашке — Михаил Храпко, начальник сборочного отделения. Вторую машину ведет комсомолка Маша Суровцева, на третьей — Григорий Богословский.

Пионеры разрезают алую ленту. Звучит горн, его сигнал подхватывает оркестр. Под ликующие возгласы тысяч людей колонна движется к трибуне и замирает недалеко от того места, где стоит улыбающийся Калинин.

2 часа 15 минут дня. В наступившей тишине хорошо слышен голос начальника строительства и первого директора ЧТЗ Казимира Петровича Ловина:

— Приказом народного комиссара тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе Челябинский тракторный завод с 1 июня 1933 года вводится в число действующих предприятий страны.

В этот момент раздаются гудки всех заводов, всех предприятий Челябинска — ЧГРЭСа, ферросплавного, цинкового... Они приветствуют рождение своего нового собрата, которому предстоит особая судьба не только в истории города, но и всей страны.

Над заводской площадью звучит «Интернационал».

В начале ноября 1933 года Марк Макагон выехал в Москву по вызову Серго Орджоникидзе. Вспомнилась первая встреча с наркомом.

Было это в последних числах июля, когда на сборке шла напряженная работа по выполнению месячной программы. В это время в цехе появилась Серго Орджоникидзе.

Товарищ Серго поздоровался со сборщиками, спросил:

- Какой трактор сдаете?
- Шестьдесят шестой, — ответил Макагон.
- Значит, четыре еще?
- Да, четыре до плана осталось. Вот они на конвейере, заканчиваем сборку.

Орджоникидзе повернулся к сопровождавшим его магнитогорцам:

— Мне данная арифметика нравится. Программа на июль — 70, сдано 66 и четыре заканчиваются сборкой! А ну, хозяин, — повернулся нарком к Макагону, — покажи нам, пожалуйста, свою машину в действии.

Макагон садится на трактор, выводит его из цеха, делает круг по заводскому двору. Машина послушна рукам, легко вращается на одном месте.

— Хороша! — радуется Орджоникидзе. Он не случайно привез на ЧТЗ магнитогорцев: пусть посмотрят, куда идет их металл, и дадут его побольше. Ведь челябинский трактор — машина особая, не зря партия придавала огромное значение работе ЧТЗ, не случайно так часто приезжали сюда члены Политбюро и правительства.

А теперь перед Макагоном стоит особенно ответственная задача. Накануне годовщины Великого Октября завод отправил в Москву шестнадцать тракторов. Они должны пройти во время

октябрьского парада через Красную площадь, показать всему миру растущую мощь советской промышленности. И Макагону поручалось возглавить эту колонну.

Из Подмоскovie, где находились тракторы, колонна тронулась в путь еще ночью. На рассвете сделали стоянку. Водители ушли отдыхать, а Макагон задержался у тракторов. Неожиданно послышался шум автомобилей. Смотрит — из подъехавших машин выходят и идут к нему члены Политбюро ЦК ВКП(б): Сталин, Молотов, Калинин. Послышался знакомый голос Серго Орджоникидзе:

— Вот и опять увиделись, товарищ Макагон! Здравствуйте!

По просьбе наркома Макагон садится на трактор, берется за рычаги. Он делает развороты, меняет скорости, кружит трактор на месте. Руководители партии и правительства довольны, хвалят машину, желают Макагону и его товарищам успеха на праздничном параде.

Много интересного можно было бы рассказать о работе Марка Макагона на заводе в годы войны, когда ЧТЗ стал Танкоградом. Он возглавлял службу технического контроля сборочного цеха. Но на ЧТЗ имя Макагона связывают, главным образом, еще с двумя мирными событиями, между которыми больше четверти века.

30 марта 1940 года. Под сводами сборочного цеха звучит музыка. С конвейера сходит стотысячный трактор ЧТЗ, и ведет его коммунист Марк Макагон.

26 мая 1966 года. На Комсомольскую площадь Челябинска движется нескончаемая колонна тракторостроителей. Во главе ее — трактор с порядковым номером 500 000. Ведет его вместе с двумя молодыми ассистентами Марк Яковлевич Макагон.

Шли годы, менялись марки тракторов ЧТЗ, они становились более мощными и совершенными. Неизменными оставались традиции коллектива прославленного завода. Не за горами уже и тот день, когда ЧТЗ выпустит свой миллионный трактор. Возможно, это будет серийный Т-130 или им окажется уральский богатырь ДЭТ-250. И, наверное, в кабине юбилейной машины, рядом с молодым водителем, мы снова увидим седого человека, имя которого неотделимо от истории ЧТЗ.

50 ЛЕТ ЧТЗ.

Страницы биографии

«Красная книга»

строителей

...В конце декабря 1929 года на площадке были заложены первые бараки для рабочих. Не имея жилья, в голой степи, при снежных буранах и 40-градусных морозах начали строители создавать за южными отрогами Уральских гор один из крупнейших тракторостроительных заводов.

...Здесь, в ударных бригадах, на площадке тракторного, зародились и, выдвинутые рабочими, были поддержаны строителями всего Союза ценнейшие предложения о формировании индустриальных бригад строительных рабочих, о заключении социалистических соглашений об экономии стройматериалов. Здесь же зародилась и прекрасная рабочая инициатива бригадира Ивана Монахова по созданию курсов «Красной книги», давших из среды строителей, после переподготовки, значительное количество квалифицированных рабочих цехам основного завода.

К. П. ЛОВИН,
начальник строительства и первый директор ЧТЗ.

Газета «Наш трактор», 1 июня 1933 года.

Наша марка

...Утро застало трактор у камеры окраски. Его обчищали, снаряжали арматурой, подготавливали к вводу в камеру.

В 8 часов 45 минут утра 15 мая контролер произвел наружный осмотр трактора, минутой спустя трактор вошел в камеру. Сталинец т. Кушнер направил в него из пульверизатора сильную струю серой краски, пропитывающей все части трактора. Старший маляр, американец т. Крамаренко, работавший в Сталинграде и оставшийся у нас в СССР, пошел вперед осмотреть камеру сушки.

...13 часов 20 минут. Трактор тронулся из сушильной камеры. Железная лента конвейера осторожно несла его вперед. У самого выхода маляр красной краской

Один из ударников Тракторострой — плотник Фролов — был сфотографирован для этого агитплаката.

обвел литую марку «ЧТЗ» на радиаторе. Это уже наша третья марка. Первая марка вышла в Сталинграде в 1930 году, вторая — в Харькове в 1931 году, сегодня, 15 мая 1933 года, страна вооружилась еще более мощной маркой трактора С-60.

...15 часов 50 минут. Бригадир сборщиков Макагон ухватился за рукоятки скоростей, трактор подался назад и секундой позднее рванулся вперед. Макагон провел 60-сильную машину среди расступившихся рабочих цеха.

10 минут спустя тут же в цехе у главного конвейера открылся митинг...

По телеграфу от выездной бригады газеты «Правда», 16 мая 1933 года.

У всех на виду

...Ваш завод стоит на виду. За вашей работой, как за успехами, так и за неполадками, будут следить во всем мире. Будут следить и наши друзья, и наши противники. Этого не надо забывать всем товарищам с

1 июня 1933 г. на торжественный пуск ЧТЗ прибыл председатель ВЦИК М. И. Калинин. Справа от него — начальник строительства и первый директор ЧТЗ К. П. Ловин.

тракторного завода. На вас ложатся большие обязанности и ответственность.

...Роль челябинского гусеничного трактора огромна. Для чего он нам нужен? У нас есть огромные площади, которые требуют именно таких тракторов. Например, возьмите Дальний Восток, Восточную Сибирь, северную часть Сибири, где на расстоянии 100 километров от железной дороги — тайга. А между тем урожайность там может быть гораздо выше, чем, например, в Казахстане, но землю там можно разрабатывать только гусеничными тракторами... И последнее, вы знаете, какую огромную роль гусеничный трактор играет в усилении обороноспособности страны.

М. И. КАЛИНИН.

Из речи на собрании ударников и технического персонала ЧТЗ, 2 июня 1933 года.

Роскошнейший завод

...Если взять наш Челябинский тракторный завод, то такого крупнейшего и роскошнейшего завода нет не только в Европе, но, кажется, и в Америке.

Я много видел у нас различныхстроек — и хороших и плохих, но такой прелестной стройки, как Челябинский тракторный завод, другой такой у нас нет. Надо отдать справедливость и строителям и товарищам уральцам, что завод построили отлично.

Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ.

Из речи на XVII съезде ВКП(б) 29 января 1934 года.

Десять Днепрогэсов

...30 марта 1940 года с главного конвейера ЧТЗ сошел стотысячный гусеничный трактор.

...Мечта Владимира Ильича Ленина воплощена нашим заводом в ста тысячах мощных гусеничных машин.

...Мощность выпущенных 100 тысяч тракторов равна, примерно, мощности десяти Днепрогэсов и превышает мощность всех гусеничных тракторов, выпущенных за последние 10 лет всеми заводами США...

И. Д. СОЛОМОНОВИЧ,

директор ЧТЗ в 1939—40 гг.

Журнал «Сталинец-65», № 3—4, 1940 год.

Жемчужина пятилеток

...Челябинский завод — один из самых крупных, популярных и любимых заводов. Это гордость страны социализма, жемчужина пятилеток... В годы Отечественной войны Челябинский завод, переключившись на производство танков, быстро увеличил, количественно и особенно качественно, боевую мощь вооруженных сил Советского государства.

К. Е. ВОРОШИЛОВ.

Из приветствия к 15-летию ЧТЗ. Газета «За трудовую доблесть», 4 июня 1948 года.

В глубь Антарктиды

...Антарктический внутриконтинентальный поезд завершил свой поход в глубь Антарктиды, надежно обеспечив всем необходимым работу научных полярных станций...

Гусеничные машины вашего завода прошли 4000 километров в крайне тяжелых условиях — при низких температурах, доходящих до шестидесяти градусов, низком барометрическом давлении, по твердым застругам, сыпучим снегам — и с честью выдержали эти суровые испытания. Благодарим коллектив завода за эти замечательные машины, которые позволили нам выполнить задание Родины.

ТОЛСТИКОВ, БУГАЕВ, ПАРФЕНОВ, НИКОЛАЕВ.
Поселок Мирный, Антарктида. 1956 год.

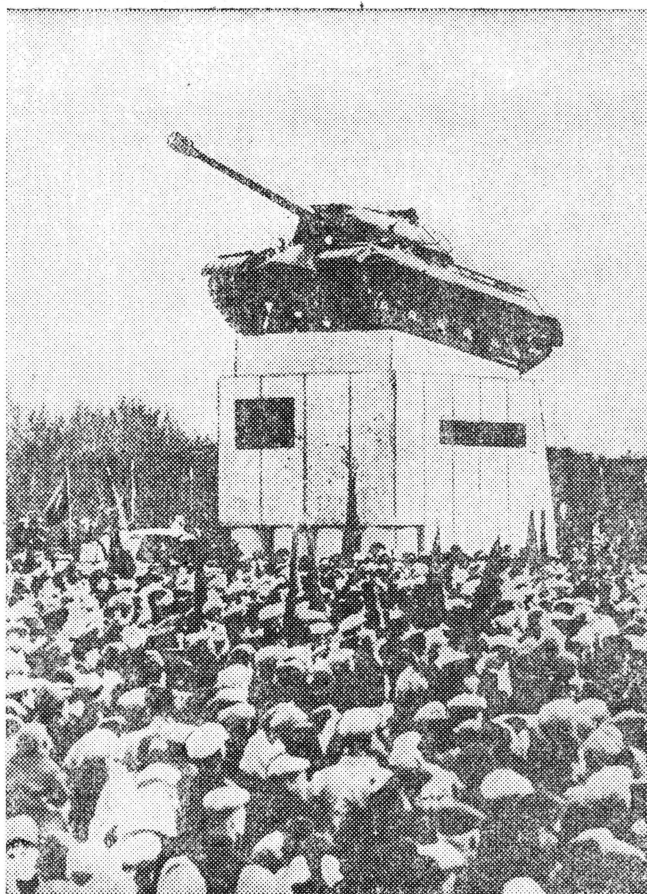
В памяти народа...

Ваш завод — одно из самых заслуженных предприятий Советского Союза, вклад которого в победу над гитлеровской Германией наш народ будет всегда помнить, как одну из блестящих страниц в истории нашей страны.

Вы можете гордиться и большими достижениями в наше мирное время в области тракторостроения. Ваш трактор — один из лучших в стране, и он заслуженно получил эту оценку у работников сельского хозяйства и промышленности...

А. Н. КОСЫГИН.

Из записи в Книге почетных посетителей музея ЧТЗ. 5 января 1967 года.

Танкоград

Танкоград... Не было такого названия на географических картах. Но с каким уважением произносилось оно на фронтах Великой Отечественной войны. Из этой крепости, находящейся за Уральскими горами, рабочие, инженеры, конструкторы трех заводов — ЧТЗ, Ленинградского Кировского и Харьковского дизель-моторного, слившихся в единый танковый арсенал, — слали на фронты танки «КВ», «Т-34», «ИС», самоходки «СУ-122», «СУ-152».

Самый последний танк, сошедший с конвейера 9 мая 1945 года, застыл на вечные времена на краю пятиметрового постаменты на Комсомольской площади Челябинска. На плите отлиты из металла слова:

Уральцы!
Вам,
чьи руки золотые
ковали здесь
Победу над врагом.

Этот памятник — символ Танкограда. Танк на пьедестале — один из почти 18-тысячной армады машин, которые танкостроители Челябинска дали Советской Армии за годы войны. Они первыми вошли в Берлин, а потом и в Прагу. В столице Чехословакии стоит точно такой же танк на пьедестале как символ братства и дружбы, как дань великому подвигу советских воинов-освободителей.

Фото М. Петрова

ОБЛЕЧЕНИЕ

С.и. 2-ю стр. обложки

...Привокзальная площадь Свердловска. На гранитной глыбе стоят рабочий и воин. Памятник посвящен Уральскому танковому добровольческому корпусу. В образе рабочего воплощены мощь, умение и высокий патриотизм тружеников края, снарядившего добровольческий корпус — уникальное воинское соединение в Советской Армии — всем необходимым для победы над врагом. Героисты, послужившие реальным прототипом для скульптора, прошли трудным и победным маршем от Орла до Берлина и Праги.

Сорок лет назад, 27 июля 1943 года, корпус принял первое боевое крещение. Орловско-Курская дуга, вошедшее в историю танковое сражение... Атаки, контратаки, лязг боевых машин, вой самолетов (для психологического устрашения немцы вместе с бомбами бросали продырявленные бочки, издающие дикий свист), разрывы снарядов — война предстала перед вчерашними рабочими и колхозниками, не нюхавшими доселе пороха, в самом страшном своем обличье.

Смерть шагала рядом с жизнью. В первом же бою погиб уралмашевский экипаж «тридцатьчетверки»: Антон Огарок, Петр Трещачев и Геннадий Нестеров. Танк вырвался к окопам врага и был подбит. Боевая машина стала стреляющей крепостью, вела неравный бой в горящем танке с тремя «тиграми». «Т-34» взорвался, герои погибли, а фашисты продолжали стрелять по советской машине.

Летопись корпуса хранит немало страниц, которые звучат гимном храбрости и стойкости уральским добровольцам. Они сдержали клятву, которую дали своим землякам перед отправкой на фронт: «Мы не дрогнем в боях за русскую землю. Не пожалеем крови и самой жизни ради свободы и счастья нашего народа, ради полного освобождения родной земли».

В известной песенной строчке утверждается, что «последний бой, он трудный самый». Видимо, у каждого воевавшего есть свой главный бой, но первый, особенно когда он приходится на один из пиков военного противоборства, когда лоб в лоб сшибаются танковые армии и человеку кажется, да что кажется, так оно и было, что негде укрыться от пуль и осколков — такое крещение навечно врезается в память.

Высшее мужество человека — ради жизни идти на смерть. Сознать, что для тебя солнце, наверное, последний раз выглянуло на миг, из-за дымовых туч, что ты не увидишь родного дома и близких, но ради солнца, ради земли, без которой не мыслишь всего, что зовется Родиной, идти в схватку с врагом, бить его до последнего дыхания — это и зовется высоким словом Подвиг.

«До последнего дыхания...» — это не просто публицистический оборот речи. В один из моментов боя фашистские самоходки устремились на наши окопы. Положение становилось критическим. Противотанковая артиллерия выдвинулась на открытую позицию и прямой наводкой расстреливала вражеские машины. Командир орудия комсорг батареи Давыдкин был смертельно ранен. Чувствуя, как с каждой секундой уходит жизнь, он продолжал подавать команду: «Огонь! Огонь!» С этим словом на устах он и умер.

Отчий дом, родная земля и родная семья светлым видением в последние минуты всплыли в сознании лейтенанта Чертыгашева,

начальника штаба батальона автоматчиков. В полузабытьи, умирая, он пел: «Прощай, любимый город...»

Можно приводить десятки, сотни примеров мужества уральских воинов. С полным правом, с чувством гордости за наших земляков скажем, что это было коллективное мужество. Одиночки, какими бы ни были они героическими личностями, не решают судьбу военного сражения. И лучшим доказательством именно массового героизма служит тот факт, что свыше двух тысяч солдат, сержантов и офицеров корпуса награждены за бои на Орловщине орденами и медалями Советского Союза.

5 августа 1943 года столица Родины салютовала победителям. В числе отличившихся частей и соединений Ставка Верховного Главнокомандования назвала 10-й танковый добровольческий корпус, получивший право называться гвардейским.

Сорок зим и сорок весен прошумели на планете с того июльского сражения. Но память вновь и вновь обращает нас к этим дням. Память воевавших и тех, кому посчастливилось родиться, когда на полях бывших сражений снова, как и до войны, колосится пшеница.

Незримые, но очень прочные нити связывают мирные восьмидесятые с порохowymi сороковыми. Мы черпаем у поколения фронтовиков уроки нравственной зрелости, гражданской ответственности за судьбу всей страны. Мы учимся у них преданной любви к Родине. Сегодня, когда империалисты нацеливают ракетные установки на нашу страну и подсчитывают, за сколько минут или секунд ядерная боеголовка достигнет Урала, память воскрешает уроки истории, которые, увы, наконец забыла воинственная администрация Рейгана. Уроки войны, в том числе и Курско-Орловской битвы, которые со всей ясностью показали миру, что советский народ ни перед кем не встанет на колени.

В МАРТОВСКИЕ ДНИ, КОГДА УРАЛ, ВСЯ СТРАНА ОТМЕЧАЛИ 40-ЛЕТИЕ С МОМЕНТА СОЗДАНИЯ УРАЛЬСКОГО ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ТАНКОВОГО КОРПУСА, В СВЕРДЛОВСК СЪЕХАЛИСЬ ЕГО ВЕТЕРАНЫ.

НАД ГОЛОВАМИ ГВАРДЕЙЦЕВ-ОДНОПОЛЧАН СНОВА РАЗВЕВАЛОСЬ БОЕВОЕ ЗНАМЯ, ПРОНЕСЕННОЕ ОТ ОРЛА И КУРСКА ДО БЕРЛИНА И ПРАГИ.

БЫЛА МИНУТА МОЛЧАНИЯ — В ПАМЯТЬ О ТЕХ, КТО НЕ ВЕРНУЛСЯ С ВОЙНЫ.

И БЫЛ ТОРЖЕСТВЕННЫЙ МИТИНГ У ПАМЯТНИКА НА ПРИВОКЗАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ — ТАМ, ОТКУДА СОРОК ЛЕТ НАЗАД ЧАСТИ КОРПУСА ОТПРАВЛЯЛИСЬ НА ФРОНТ, БЫЛО ОБЪЯВЛЕНО, ЧТО ОТНЫНЕ И ВОЕКИ ЭТА ПЛОЩАДЬ БУДЕТ НАЗЫВАТЬСЯ ПЛОЩАДЬЮ УРАЛЬСКОГО ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ТАНКОВОГО КОРПУСА.

Муса Гали

«Я корнями своими с родимой землею сплетен...»

Рисунки
Е. Охотникова

Горе черным крылом рано коснулось Мусы Гали. Он осиротел за три месяца до своего появления на свет: отца убили бандиты. Двадцати лет от роду, в переломном 1943 году, он форсирует Днепр и получает тяжелое ранение. Да, поэт не был баловнем судьбы, его биография вписывается в трудную биографию страны, в борьбе и муках кующую свое счастье. Эта слитность, сопричастность судеб — собственной и своего народа — ощущается во всем творчестве известного башкирского поэта. Его голосу чужда декламационная интонация, ему присущи раздумчивость, лиричность, философичность; поэт предпочитает обо всем судить со скромной позиции собственного «я», но когда в этом «я» заключены счастье и боль страны, когда в его сердце вмещаются тревоги планеты нашей, поэзия перестает быть узкокамерной, она, не теряя природного обаяния, приобретает гражданское звучание.

«Я застыл в удивленье пред миром» — в этих авторских словах ключ к пониманию творчества Мусы Гали. Более сорока книг издано им в местных и центральных издательствах, и в каждой строчке отлито сердцем изумление перед миром, перед жизнью самой, которую чем глубже постигаешь, тем больше находишь в ней непостижимые таинства.

Члену редколлегии журнала «Уральский следопыт» Мусе Гали исполняется ныне 60 лет. Как пишет он сам, «духом тверже я сделался — сердцем нежней». Как и в молодости, его звонкий курай поет о родных башкирских степях, о любви и дружбе, о счастье трудных дорог, об ответственности человека за будущее родной планеты.

...С душой распахнутой — без слов
Пылающее солнце на ладони
Я людям в дар преподнести готов.

Станислав
МЕШАВКИН

Читайте стр. 10—11

КУРАЙ МОЙ ЗВОНКИЙ...

**Муса
ГАЛИ**

Курай мой звонкий, песню начинай...

Явилась песня, тихая, простая,
С какой-то незнакомой стороны,
С груди полей дыханьем долетая?
От взглядов, что добром озарены?
Ах, как близки мне эти переливы
Мелодии... Я слышу их впервой!
Леса ли зашептались торопливо?
Ветра ли пронеслись над головой?
В душе горячей песен всех начало!
Заметно по лицу и по глазам —
Душа поет, и песня зазвучала,
И оказалось, что запел я сам.

Так начинай же песню, мой курай!

Курай, о жизни громче прозвени...

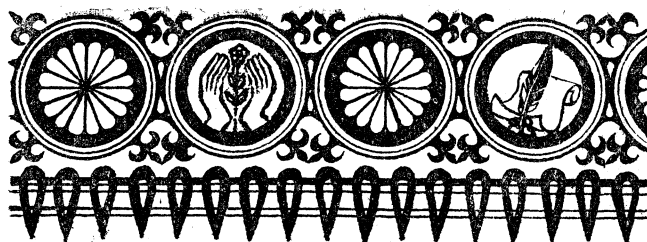
Весенняя Идель неукротима —
Лед трескается, движется, плывет,
И вместе с ним, почти необратимо,
Уходит жизнь за дальний поворот...
Плывет шалаш, плывет на льдине тропка,—
Чей путь оборван вешнею водой?
Плывет собака, взвизгивая робко,
И дерево... Выносит на стремнину,
Шумит грознее времени река,
И каждый всплеск подтачивает льдину,
А впереди безмолвные века...

О жизни громче прозвени, курай!

Курай, о тайне человека пой...

Мы говорим о тайнах всей вселенной,
Но человек — загадка похитрей...

От солнца мысль возникла в плоти тленной?
Пришла с земных равнин или морей?
Кто человек? Безумец или гений?
Добряк из добряков или злодей?
Один за друга гибнет без сомнений,
Другой жалеет слова для людей.
И полон рот хлопот, и страсти мучат,
С рожденья смерть дежурит у дверей...
Глядим на небо: что скрывают тучи?
Но человек — загадка похитрей!

О тайне человека пой, курай!

Курай мой, о приметах жизни пой...

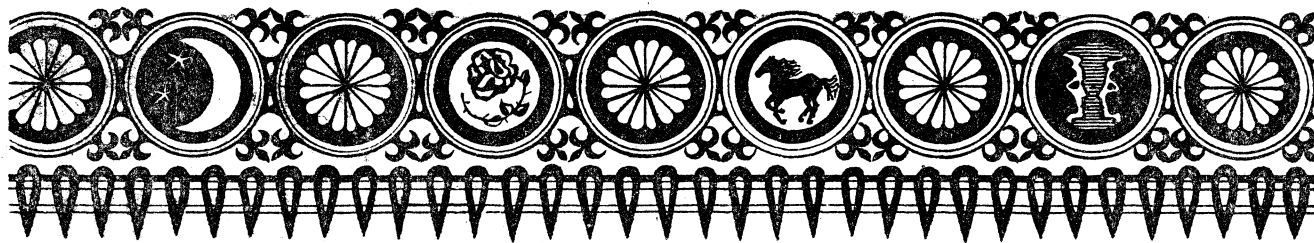
Не говори о дорогах бегущих,
Это дорогами думы бегут.
Не говори и о водах текущих,
Это не воды, а годы текут.
Не говори о звенящей капели,
Это по капле струится печаль.
Не говори, что ветра отшумели,
Это не ветра, а песни нам жаль.
Не говори о звезде небосвода,
Это надежда мерцает с высот.
Не говори о дожде: непогода,
Это любовь и весна настаёт...

Пой о приметах жизни, мой курай!

Курай звенящий мой, дай песне свет...

Добрее будь, прошу я, дорогая,
Коль бренен мир, хотя б для нас с тобой...
Дай волю тучам — солнце закрывая,

Они сойдутся мрачною гурьбой!
Вот и на снег ступаю я с опаской —
А вдруг погаснет серебристый свет?
Но светлой окрыленное подсказкой,
Лишь песней сердце полнится в ответ.
Будь, дорогая, мне душевным светом,
Живым в ночи, не гаснувшим в снегу...
Крылатым сердцем я за песней следом
И до небес любовь поднять смогу...

Дай песне свет, звенящий мой курай!

Курай мой звонкий, беспокойства дай...

Моя душа — олень в лесу дремучем,
Покоя каждый шорох не дает.
Излишнюю чувствительностью мучим,
Я шел путем ошибок и невзгод.
Приняв за воду пламя, обжигался,
А лед считал стихией огневой.
И словно одуванчик разлетался
Моих мечтаний шарик пуховой.
Я не гонюсь за семенем летучим.
Рассыпались мечты, но я в пути...
Моя душа — олень в лесу дремучем —
В своих дорогах песни обрети.

Дай беспокойства, звонкий мой курай!

Курай звенящий, пой о тишине...

Как белые пасущиеся кони
Передвигались тихо облака.
Цветы в недвижной травяной ладони
Хмелели, медом пахшие слегка.
Вы вслушайтесь! Услышите, наверно,
И взмахи крыльев бабочки! В траэе,
На нас похож, в толпе спешащих нервно,

Тропу торит неслышный муравей...
Листва безмолвна, высветлены дали...
Настой целебный редкой тишины.
Без тишины и песен мы б не знали,
И красоты всей были б лишены.

О мирной тишине звени, курай!

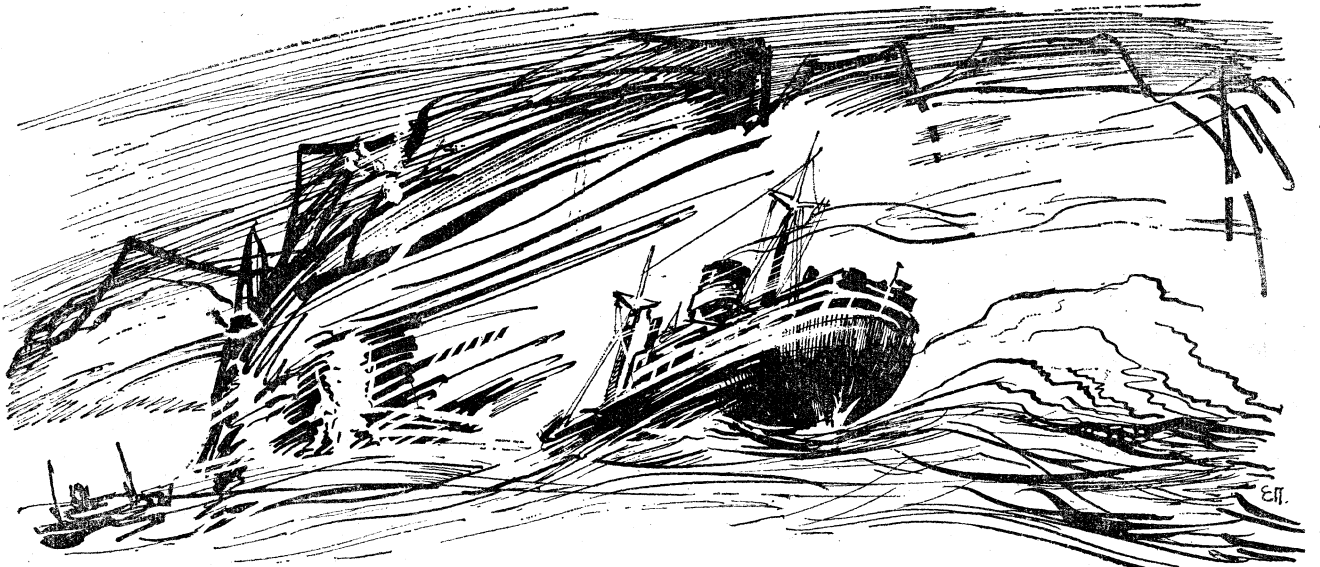
Курай, надежду в песню преврати...

Я побелел, как в инее береза,
Но не от горя черного я бел.
Пылали ярко звезды от мороза,
А диск луны участливо глядел.
И пусть я мерз на холоде жестоком,
Но теплоту и бодрость уберег.
Вся жизнь была чувствительным уроком,
Который я усваивал, как мог...
Ветра в полях свистели ошалело,
Несли они дыхание весны,
И солнце озабоченно смотрело
В мои глаза с надмирной вышины.

Надежду в песню преврати, курай!

*Перевел с башкирского
Борис Романов*

„Серебряная гитара”

**Евгений
ПИНАЕВ**

*Рисунки
автора*

Я рассчитался с таксистом, который привез меня из аэропорта Храброво, и свернул в знакомую улочку. словно нырнул в зеленый туннель.

Дома мерцали в яблоневых садах, высвечивая на солнце то крыльцо, то стекла веранд, то красную черепицу. Вот и Алькино пристанище, укрывшееся за стеной вечнозеленой туи, и знакомый тупичок, ведущий к гаражу.

Альберт, слегка потолстевший за эти годы, топтался возле запыленного «Москвича», а рядом, запечатав дородным телом калитку, что вела на соседний участок, колыхалась мордастая тетка.

— Альберт Михайлович, — скрипела тетка. — Я еще раз говорю, что это ваши куры ходят в мой огород! Примите меры.

— Будет сделано, Розалия Наумовна, — ответил Алька, — сегодня же вечером проведу в курятнике собрание и предложу альтернативу: или котелок, или свой шесток. Мне кажется, они сделают оргвыводы.

— Чиво, чиво-о? — насторожилась тетка и покатилась прочь.

Алька радостно облапил меня.

— А я только-только отшвартовался. Ездил, кстати, по твоим делам и, кажется, нашел отличную комнату. — Он хитро посмотрел на меня и потащил в дом. — Сейчас перекусим и покатаем на взморье.

— А комната действительно хорошая?

— Каюта-люкс на носу! Витя, Витя, как время-то летит... Вот уже и ты береговой житель, вот уж и я капитан. А давно ли начинали матросить? Еще не забыл «Ирбен»?

Летит назад бетонка, знакомое шоссе стремительно разваливает перед капотом шеренги старых лип, прижимает на поворотах к твердой руке друга и несет, несет к невидимому морю... А вот и оно сверкнуло вдаль, брызнуло яркой синью и разом спрямило горизонт.

— Адмирал, экипаж хочет знать, куда держим курс...

— Резонно... — Альберт сбросил газ и свернул к небольшому поселку, укрывшемуся в песчаных дюнах. — Ждет нас пождет прапор-погра-

ничник. Евойный братец ходит у меня механиком, а потому будешь здесь как у Христа за пазухой.

...Хозяин — его звали Сергеем, одетый весьма легкомысленно, мало напоминал служаку-сверхсрочника. Он поздоровался и сразу повел в мансарду. Небольшая комната насквозь пропахла яблоками, — они и сейчас лежали грудой вдоль стен. Единственное окно глядело на море. Я высунулся наружу.

Передо мной лежала родная Балтика!

Море отсекало от дома песчаный скат, поросший невысокими соснами. Они шумели так безмятежно, что покой разом вошел в душу. На ровный песок медленно накатывалась ленивая волна, чуть дальше виднелись макушки скользких валунов, за которыми, в сотне метров, чернел накренившийся силуэт большого судна. Опущенный трап касался воды. Из-под него, от самой палубы, бежала вниз рваная трещина. Поэтому и осела корма и странно опустился нос, уставившись в воду пустыми глазницами клюзов.

— Что за бандура? — я повернулся к прапорщику.

— Тащили резать на металл, да прихватил штормяга. Эту коробку понесло на берег, а буксир отдал концы и смылся. Третий месяц ржавеет добро, а никто не чешется...

— Чешись не чешись, а что толку? — проворчал Альберт. — Сидит мертво. Разве что на месте резать...

Я не смог отвести глаз от черных выгоревших надстроек, опущенных стрел, редких нитей обвисших снастей. Очень знакомое чудилось в поникшем силуэте судна.

— Алька, неужели «Ирбен»? — шепотом спросил я.

Проводив Альберта до шоссе и захлопнув дверцу «Москвича», я сразу же спустился к воде. Рубашка и брюки полетели на песок, а я, осторожно ступая старенькими кедами, вошел в воду.

Ах, «Ирбен», «Ирбен»... В трюмах плескалась вода, и даже мощный фонарик, взятый у прапорщика, не мог пробить угрюмую тьму дальних углов. Металл, изъеденный ржавчиной, перемешался гнилыми кусками деревянной обшивки и лохмотьями теплоизоляции. Как же, — рефрижераторный пароход! Мои шаги торопливо хлюпали на трапах и гулко отдавались в ободренных коридорах. Знакомая каюта... И здесь сырость и плесень...

Я поднялся в рубку — с обрывками проводов, выбитыми стеклами, — потрогал рукоятки знакомого штурвала и нашел заглаженные руками и временем буквы: «В» и «З». Много лет назад я вырезал их, а потом получил взбучку от старпома. «Сразу бы резал: «Виктор За-

якин!» — ругался он, — а то будут потомки гадать, кто скрывается за этими закорючками!» Потомки... Еще я живой, а пароход уже на кладбище.

Я вышел на крыло и привалился к облупленной рубке. На палубе пусто и тихо. Хоть бы крысу увидеть! Мое знакомство с пароходом началось именно с них.

...Промозглым вечером я разыскал пароход в дальнем конце порта, где он дремал в ожидании ремонта. С борта судна, стоявшего метрах в сорока от берега, был протянут трос, вдоль которого ползала шлюпка. Заледенелый трап, посыпанный крупной желтой солью, вел к одинокому огоньку, светившему над урезом борта. Позади остался сумрачный берег, тусклые пятна фонарей, размазанные влажной тряпкой тумана, а взору предстало безмолвное царство палубы, покрытое толстым снежным одеялом.

На пяточке, расчищенном под фонарем, топтался вахтенный матрос. Обеими руками он удерживал проволочную шлейку, с которой рвался огромная крыса.

— И много на славном лайнере этих скотов? — я лягнул крысу, бросившуюся на сапог, и шагнул на палубу.

— Стада... — буркнул вахтенный и рванул крысу в положение «к ноге».

— Весело живет! Ты бы, кореш, отломил под носом сосульку да пообщался с лопатой — снега выше задницы! Или ждешь, когда крысы уберут?

— Да кто ты такой?! — обозлился матрос. — Уж не боцманом ли назначен?

— Не лезь в бутылку... Давай-ка знакомиться: Виктор Заякин. Направлен матросом.

Он секунду подумал, переложил шлейку в левую руку и протянул пятерню:

— Альберт Туманов... Зови просто Алькой...

Потопленный в Ирбенском проливе, пароход был поднят в первые послевоенные годы. Его наспех заштопали, подлатали, передали рыбакам. «Ирбен» оказался единственным судном управления, работавшим на угле.

Я попал на «Ирбен» накануне ремонта. Вскоре буксиры перетасили его поближе к цехам, и работа закипела. Матросам тоже приходилось вкалывать по заводским нарядам. Сначала обдирали каюты, потом принялись за очистку танков. К матросам присоединился судовой радист, жаждавший дополнительных заработков. Этот представитель местной интеллигенции выдержал неделю, после чего сбежал. Мы не особенно огорчались, так как успели объединиться с машинной командой, которая слыла самым дружным и устойчивым кирпичиком экипажа.

В то утро, когда сводная бригада вперые

собралась вместе, отступник-радиcт объявил по судовой трансляции: «Леди энд джентльмены! В честь трогательного единения духов, маслопупов и палубных рогалей венгерский джаз-секстет под управлением Томаша Балаша исполнит «Серебряную гитару!»».

Пластинка пользовалась в городе популярностью. Видимо, радиcта скребла мысль о ре-негатстве, коли он расстарался и добыл дефицитный диск. С этого дня красивая и печальная мелодия провожала нас на работу и встречала по вечерам.

На заводе и соседних пароходах, а потом и в порту привыкли к «Серебряной гитаре». А так как в те годы суда частенько уходили и возвращались в порт под звуки мелодий, наиболее излюбленных командой, то наш джаз-секстет быстро превратился в гимн «Ирбена», в его позывные. В конце концов настоящее название парохода стало встречаться лишь в официальных сводках и сообщениях «Из Атлантики в Атлантику». Портовики, рыбаки да и горожане неизменно называли «Ирбен» «Серебряной гитарой», а позже только и слышалось «Гитара» да «Гитара».

После ремонта начались обычные рейсы. «Гитара» работала, а управление тяготилось угольщиком. Поговаривали о новом ремонте и

переводe котлов на жидкое топливо. Особенно сокрушался Ванька Войтов, маленький шкет из кочегарской братии. Котлы котлами, а машина действительно нуждалась в капитальном ремонте.

До капремонта «Гитаре» пришлось сделать еще один, самый памятный рейс, едва не ставший последним. Приближался конец года, а план в управлении трещал по швам. Его судьбу мог решить каждый груз, доставленный в порт. Поднатужились, что-то перебрали на машине, где-то подлатали и доложили о готовности. Братья-кочегары расшуровали огонь в «русской печке», и «Серебряная гитара» отвалила от причала под привычные звуки джаза.

Зимний океан ничем не примечателен, кроме внушительного однообразия. Заунывно насвистывает ветер, срывая дым с трубы, равномерно колышутся сизые озябшие волны. Они бегут следом, бегут с далекого горизонта, заданного низкой грядой разбухших облаков, и сопровождают судно стылým шуршанием и плеском равнодушного наката. Склоны волн вспыхивают холодными злыми бликами, а их пепельные гребни нехотя прогибаются под ледяной тяжестью зимнего ветра.

В северной Атлантике «Серебряной гитаре» предстояло окончательно забить трюмы. Мимо скользили полукилометровые отвесные скалы, прикрытые туманом. Он сопутствует ветрам, но мы и без того знали, что следом идет шторм.

«Гитару» поджидали на промысле, и первые рыболовные траулеры сразу пришли к бортовым причалам. Ветер задувал и сейчас, но пока не мешал перегрузке. И все же приходилось спешить. Когда последние бочки легли в трюмы, пароход трубно распрощался с неприветливыми берегами и заторопился прочь от их опасного соседства.

А шторм хитрил. Южное крыло непогоды догоняло. Шторм крался против часовой стрелки, что предвещало основательную взбучку в ближайшие часы. Даже теперь берега начинали гудеть и кутаться в призрачную кисею водяной пыли, а стоило «Гитаре» выбраться из островного затишья, первый же «мордотык» заставил ее торопливо поклониться, а затем бить поклоны каждой волне.

Шторм — малоприятное, хотя и обычное «мероприятие» в жизни рыбака. Так уверял первый помощник. Мы надеялись благополучно добраться до проливов, но к исходу дня радиcт принял «SOS»: милях в тридцати к норду бедовал небольшой рефрижератор «Озерпах», наш земляк и коллега. Слабосильное суденышко, не приспособленное к свирепой болтанке, не выгребало против ветра, дрейфовало на черные скалы. Чья непредусмотрительность погнала «Озерпах» в Атлантику? «Серебряная гитара» сменила курс,

чтобы, говоря словами Альки, «сыграть парням что-нибудь бодренькое». Алька и я, ставшие к тому времени, соответственно, боцманом и плотником, спешно готовили в форпике буксир из новенького шестидесятимиллиметрового троса. Главное — успеть...

В десятом часу вечера прожектор высветил белые надстройки «Озерпах», которые сливались с пышным жабо ноздреватой пены. Временами маленькое судно ложилось на борт, и становилось жутко: а вдруг не выпрямится и сделает оверкиль у нас на глазах?! Но скорлупка упрямо подымалась, вызывая вздох облегчения.

Только через два часа удалось подать и закрепить буксир...

Мутный рассвет едва брезжил, когда оба судна наконец двинулись в путь. Шторм до предела сузил горизонт. В видимом пространстве море вскипало беспорядочной толчеей, переходя в некую промежуточную субстанцию: уже не воду, но еще и не воздух.

Все-таки «Гитара» была добротным пароходом, напомиавшим и уют, и вышеназванный инструмент. Она, понятно, не годилась в гонщики, но старательно уютжила пространство в полном соответствии с нынешней основательной работой.

«Озерпах» едва угадывался за кормой. Иногда в толчее вычерчивались куцые мачты и тут же пропадали в седых горбах. Мы знали, что у них сорвало вторую шлюпку и снесло прожектор. Черт с ними! Только бы выдержал буксир... Хорошо, что старпом не пожалел нового троса, да и пятисотметровая длина обеспечивала достаточную амортизацию рывков на волне. Но море-то сейчас свирепое! Не «гроза в начале мая», которая хороша на берегу, а зимняя безжалостная Атлантика встает на дыбы и срывает шлюпки... Порой буксирный канат стремительно взлетал на поверхность, черной струной вспарывал гребни, потом снова и надолго исчезал из вида. Пока цела стальная пуповина, можно надеяться на лучшее. Но «Гитара» еле плелась. Встречный ветер был не под силу старой машине. Лаг если не замер на месте, то показывал сущую ерунду. Когда ветер поднатужился и нагдал еще, оба судна попятнулись и возвратились к исходной точке.

...В повседневной жизни никто не задумывается о взаимосвязи судовых служб. Все происходит как бы само по себе, обыденно и привычно. На палубе не возникает вопроса, отчего крутится винт, в машине также не вспоминают «извозчиков». И только такие, как нынче любят говорить, экстремальные условия напоминают, что экипаж — все равно что часы, где точный ход зависит от шестеренки, винтика, крохотной пружинки.

Старпом объявил приказ: на ходовой вахте

остаются штурман и один рулевой. Второй матрос на два часа превращается в кочегара. Потом рулевые меняются местами. На случай чрезвычайных событий подвахте должно отдыхать в одежде и быть, как сказал Алька, «на шухере». Дело, стало быть, осложнилось...

Вначале матросы нет-нет да ворчали: чего там «духи» чешутся! Но из кочегарки выползали молча. «Духи» выбивались из сил, удерживая пар на марке. Старший кочегар Ванька Войтов вообще не вылезал из низов, а отдыхал, бросив в углу кой-какое тряпье. Теперь не вспомнили ленивую стояночную шутку: «Кто на вахте?» — «Я и Жёра...» — «Сколько пару?» — «Два очка...»

Ночью мне довелось спуститься в преисподнюю. Дела и вправду обстояли плохо. У котлов не сильно, но парило. Где-то текло, что-то ослабло. Войтов для того и остался в кочегарке, чтобы, немного передохнув, подкручивать и подтягивать то там, то тут. Пыльные котлы, словно допотопные чудища, поглядывали на меня красными воспаленными глазками...

Меня не ждали на руле, а потому предстояло кидать уголь полную вахту. Четыре часа. Я их выдержал, но что это была за пытка!

Шесть топок, шесть ненасытных пастей жадно пожирали уголь, который едва успевал подбрасывать измотанный матрос. Завидев меня, он поспешно вылез из угольной ямы, швырнул на пайолы брезентовые рукавицы и полез на трап, сплюнув на шлак черную густую слюну... А чугунные глотки польхали таким яростным пламенем, что пыльные лампы, тускло светившие сверху, делались почти неприметными и как будто ненужными. У чумазых кочегаров сверкали зубы да белки глаз. Оранжевые всполохи лепили на поджарых животах и бугристых спинах отчетливый натужный рельеф. То один, то другой бежал к чайнику, болтавшемуся на куске проволоки посреди кочегарки.

— Заснул, раздолбай! Угля! Угля давай! Упирайся рогами! — заорал Войтов, и я поспешно нырнул в яму.

Совсем рядом, за тонким и хрупким бортом, билось и ухало живое море. Вторя ему, лопата жалобно взвизгивала, царапая сталь настила. Угольная пыль противно скрипела на зубах, запорашивала глаза. Я работал в майке. Она липла к лопаткам. Спина нестерпимо чесалась, — я скреб ее жесткой рукавицей и постоянно бегал к чайнику, чтоб ухватить пересохшим ртом прыгающую струйку воды.

Наконец, Войтов поймал меня за руку и кивнул на груды шлака: сизые спекшиеся комья, исполосованные удушливыми змейками, багрово светились и остывали на глазах. Убрать? Он кивнул — валяй! Шлак так шлак. Нам, матросам, все равно...

За котлами прилепилась узкая шахта, в которой ползала смятая кривая бадьа. Наполнив

ее, я брался за рукоять. Шестерни взвизгивали поросычьими голосами, нудно скрипели тросики. Бадья ползла вверх до упора и опрокидывала содержимое за борт. И снова — лопата, снова летит шлак и снова скрипят шестерни, пережевывая слова привязавшейся песенки: «Коряги-мореходы, всю жизнь идем в походы... как шведы прогораем иногда...»

На исходе четвертого часа наступила короткая передышка. Для меня. А кочегары швыряли уголь как заведенные. Иван то и дело совался к водомерному стеклу, но качка не позволяла определить истинный уровень. Кочегар устал ругался и снова бежал к топкам. Ей-ей, сейчас возле них могли работать настоящие виртуозы. Я курил возле трапа и не мог отвести глаз от почти неуловимых веерообразных движений лопат. Как это им удается в такую качку?! А уголь послушно разлетался тонким слоем по всей топке, тут же превращаясь в гудящее пламя. А рядом гремят заслонки, длинные ломы взламывают спекшуюся корку, валится шлак и снова летит уголь. Живем!

И вдруг что-то случилось. Неуловимая сначала перемена разом хлестнула по нервам. Где-то наверху засвистало незнакомо и грозно. Зашипел пар... Сердце екнуло в тревоге. Войтов бросился к котлам. Я на всякий случай подался еще ближе к трапу. И кочегаров и топки затягивали белые клубы то ли дыма, то ли пара. Лицо обдавали влажные теплые волны, становившиеся все гуще, все непроницаемее. Они сразу сделали кочегарку чужой и незнакомой.

В белесой пелене мелькнула Ванькина тень, и разом засверкали все шесть распахнутых топок. «Трубки потекли! — орал Войтов. — Петька, перекрывай пар — глушим топки!» Второй кочегар, вислосыый хохол Петр Филипченко, растерянно выскочил к трапу, наткнулся на меня и гаркнул: «Дуй наверх! Волоки деда!» Я бросился за старшим механиком.

Сколько раз приходилось наблюдать в детстве, как мутный весенний поток несет и крутит беспомощные щепки! Так же, разве не столь стремительно, оба судна несло на берег... И скалы — отвесные плиты туфа — рядом, совсем рядом, проклятые!

И на «Гитаре», и на подопечном судне с грехом пополам удалось соорудить плавучие якоря, пустив в ход аварийные брусья и пластыри. Они хоть как-то, хоть чуть-чуть уменьшают дрейф. Буксир по-прежнему соединяет нас, но это означает, что оба судна расколошматит о камни поблизости друг от друга.

Что-то сделано... Но ведь можно же сделать что-то еще! Или совсем — кранты? Притихшие люди сбились в салоне. В куче все-таки легче. Да неужто мы захлебнемся, сгинем, навсегда ис-

чезнем из этого, такого осязаемого, мира? Сердце бьется ровнее. Ах, велика сила прижато, будто невзначай, локтя...

Радист отстучал «SOS», на который откликнулся ближайший сосед, штормующий возле островов Вестеролен. Далеко... Да и, судя по всему, там тоже летят щепки.

Час назад старпом поделился новостями из кочегарки.

Первым делом, сказал он, нужно обнаружить потекшие трубки. А для этого кто-то должен лезть в топочное пространство. Чиф окинул нас пристальным взглядом, словно выбирал исполнителя рискованной задачи: «Да-да, в топку! Улавливаете?»

Мы-то «улавливали», но в душе росла тяжесть: а что же дальше? Дальше-то что?!

Температура в котлах выше ста. Не знаю сколько, но много... До полного остывания нужны сутки, которых мы, естественно, не имеем.

Старпом для чего-то пощупал карманы, потом, в раздумье, добавил, что полное остывание, конечно, не обязательно, но в любом случае, товарищи, цейтнот. Да-а, полная нехватка времени...

Он говорил медленно, как бы с ленцой, а меня не покидало чувство, что он разговаривает сам с собой, прислушивается к потаенным мыслям, что толкуются позади слов.

...Коли аварийные трубки будут найдены сейчас. Сейчас! Старпом поднял палец, и все посмотрели на грязный обкусанный ноготь. ...Опять же, кто-то должен лезть в верхний коллектор и глушить их бронзовыми заглушками. Да-да, бронзовыми маленькими пробками. Эткими чопиками... В коллекторе тоже под восемьдесят, а работать, мужики, придется только лежа. Но ведь не у бабки на печке! Потом следует перебраться в нижний и повторить все сначала... Из него, — он усмехнулся, — начали сливать воду. Да-а... Если заняться этим тотчас, то можно выкрутиться часов за восемь-десять. К сожалению, котлы должны хоть немного остыть. Потому и цейтнот. Улавливаете?

Ясно, что лезть придется кому-то из кочегаров. Они-то знают, куда просунуться, что и где нащупать, куда забить треклятые чопики! А полезут ли? Каждый из нас невольно ежилась, словно уже валяясь в узкой дыре, обжигаясь удушливым газом. И каждый спрашивал себя: «А ты бы полез?»

Алька позвал меня на палубу. Слегка прояснило, но ветер не утихал. Он забивал глотку, высекал слезы и сухой натужный кашель. До рези в глазах мы всматривались в неясные очертания «Озерпах», который пурхался справа от «Гитары». Просто чудо, что эта плоскодонная озерная посудина еще на плаву.

Якоря удерживали оба судна носом к волне, что смягчало удары и пока спасало малыша. Хорошо, что на нем в порядке машина. Мало ли чего... Возьмет да и пригодится... Надежда!

— Полста миль до Саннэ...— Алька орал возле уха, но слова долетали будто через слой ваты. Он нагнулся ко мне и повторил еще раз, но я и так все расслышал— чего уж повторять. Понятно, что кувыркаться уже недолго. Вот и шлюпки нет. Исчезла в одночасье, когда глушили котлы, и «Гитару» валяло с борта на борт...

Над нами грохнула дверь, вытолкнув старпома к остаткам брезентового обвеса. Капюшон плаща больно хлестнул его по щеке и сбил фуражку на ухо. Чиф выругался и заметил нас.

— Вот вы где...— выдохнул он.— Боцман, у нас виндзейли имеются?

— Ну! А что стряслось?— Алька оторвался от переборки и повернул к нему красное исхлестанное лицо.

— Войтов лезет! Авось, хоть немного остудим душегубку!— с передыхом орал старпом.— Волоките живее все, что есть!

Мы разом посмотрели на бак, где в потоках воды изредка появлялся люк форпика. К счастью, штормовой леер, протянутый утром до брашпиля, оказался цел.

Ну... Снова да ладом!

Наконец палуба оголилась, стряхнув ненадолго тяжесть воды. В тот миг, когда она снова повалилась навстречу волне, мы припустили вдоль леера, чудом удержавшись на ногах. Удача! Волна шваркнула сверху, всхлипнула, заплескала, начала бить и таранить железо, но— поздно! Алька лежал за брашпилем, я— поперек Альки, упершись подошвами в люк форпика. Через минуту, еще не опомнившись от ледяного душа, мы прыгнули в люк, минувя скобтрап, набивая шишки, прямо на груды брезентов и матов.

Виндзейли— парусиновые рукава для вентиляции помещений— нашлись быстро. Раз, два... Пять штук— годится! Мы разделили их между собой и полезли наверх.

Алька выскочил первым и угодил под волну, которая мяла и волокла его, а потом швырнула на трюм. Я добрался до Альки, подхватил его за пояс и с горем пополам дотащил до надстройки, где его подхватили рулевые, выскочившие навстречу. Удалось кое-как вздернуть на мачту три виндзейля. Два смыло волной. Уцелевшие глотнули шторма, со свистом раздули бока и погнали в кочегарку ледяной воздух...

В машине не оказалось асбестового костюма! Ну и ну...

Машинисты запоздало припомнили, что его «в третьем годе» порезали на прокладки. Кто

бы мог подумать?! «Должны думать!— взревел стармех.— Кочегары с разбитого корабля!» Потом дед слегка успокоился и пообещал виновным оборвать головы, если те уцелеют до порта. И тогда приволокли воротник и кусок полы, а Филипченко разыскал даже рукавицы.

И только Войтов не суетился, а спокойно курил на ящике с песком. Досмолив до ногтей окуроч, Иван решительно надел кожаную ушанку, влез в стеганные штаны, натянул телогрейку и валенки. Куски асбеста и шарф прикрыли шею и уши. Петька, смешком, предложил асбестовый гульфик, но Иван хмуро покосился на шутника и стал под шланг: «Лей, юморист, не жалея...»

Кочегар исчез в топке, волоча за собой стальной тросик...

Алька передал мне бинокль, и оптика сделала ясными и отчетливыми гигантские взбросы у рыжих скал. Они вставали вдоль побережья, вздувались, росли и непрерывно били в нависшие карнизы, откуда рушились вниз...

Близость берега, его угрюмая реальность вызывали нервную зевоту, а с ней исчезали остатки робкой мыслишки: «Авось, пронесет...» Прямо в бинокль смотрел черный лобастый выступ, о который хряпнет «Гитару». А рядом «Озерпах...» Стекляры тщетно шарили по скалам: ни щели, ни бухточки. Якоря? Не удержат. Грунт — камень. Будут ползти, ползти... Да-а...

— Заякин, под берегом должна быть отдельная скала, — капитанский плащ защелкал рядом, — видишь ее?

Я повел биноклем.

— Торчит слева какой-то огузок...

— Дай-ка сюда окуляры, — худая стариковская щека, проросшая седой щетиной, заходила желваками. — Мыс Дальнипен... Как в аптеке... Ага, вот и каменюка... В аккурат, стерва, между нами и малышом... Борис Петрович! — крикнул он штурману. — Проверь по карте расстояние от скалы до берега, а также прикинь глубины за ней.

— Два кабельтова. А проход приглубый, — тотчас отозвался штурман. — Наизусть выучил. Я этот берег по гроб не забуду!

— Не поминай гроб всеу, Петрович, не та обстановка! — оборвал его кеп. — Дай мне нашу точку и рассчитай до миллиметра скорость и направление дрейфа на сей момент. Что еще? Ах, да! Ветер, ветер уточните. Зашел ли он за норд. Уже сейчас нас тащит под углом к берегу, а ежели он задует вдоль... Это дает дополнительный «шанц», как говорил чеховский буфетчик...

Штурман заулыбался, а я окончательно уверовал в кепу: старик шутит, стало быть, дело еще не табак, и «шанц» действительно есть. И все-таки... Что можно предпринять? До берега миль пять-шесть...

— Плотник, — капитан разом вернул меня к действительности, — надеть нагрудник и марш на корму. Следить за буксиром в оба! Боцман, остаешься здесь. В случае чего — сразу к якорям! Объявить по спикеру: «Свободным от вахт надеть пояса и собраться в салоне». Все, мужики, — действуйте!

...С кормы хорошо виднелась скала, и не было сил оторвать глаз от ее черной глянцевой верхушки. Если «Гитара» проскочит мимо, то лишь впритирку. «Озерпах» скоро будет по ту сторону каменного зуба, а мы — по эту... Но ведь нас до сих пор соединяет буксир... Буксир! А камень посередине! Дошло! Вот когда я наконец понял, на что решился кеп... Ай да старик! Ай, старикан-старикашечка! Ну и могучий дед! Ясно, как без пяти час!

Если ветер, а он все больше забирал вдоль берега, не насадит «Гитару» на камень, то буксирный трос ляжет на естественный кнехт, и тогда оба судна повиснут на нем, как детская скакалка на гвоздике. «Озерпах» легче, но он и ближе к берегу. Равновесие! А выдержит ли буксир? Должен продержаться какое-то время. Нам много не нужно, совсем чуть-чуть, самую капелюк: разжечь печку да сварить картошку! Вот он — «шанц». Держись, «Гитара», держись, старушка, держись, милая!

...Настала минута — я затаил дыхание.

Скала надвигалась на пароход или он на нее... В глазах плыло от напряжения, застилало слезой. Седые фонтаны рванулись у борта и медленно отодвинулись к носу. Прошли! В сотне метров от берега и малыша, и нас стало разворачивать носом к берегу. Буксир лег на основание скалы.

Палубу сотрясала мелкая дрожь — это ожидала машина. Значит, там внизу кочегары снова взяли за лопаты... Но главное сделал Войтов. Спасибо, Иван... Спасибо, Ваня-Ванюха!

...Буксир лопнул в тот момент, когда радист врубил на палубе «Серебряную гитару», а пароход отозвался хриплым троекратным гудком. Он сразу двинулся за малышом, которого несло вдоль берега. Нужно было готовить новый буксир.

...Я выбрался на берег и оглянулся на пароход. Он показался еще более одиноким и заброшенным, а в обреченном наклоне мачт застыл печальный укор. Ах, какая тоска... Словно я терял старого друга.

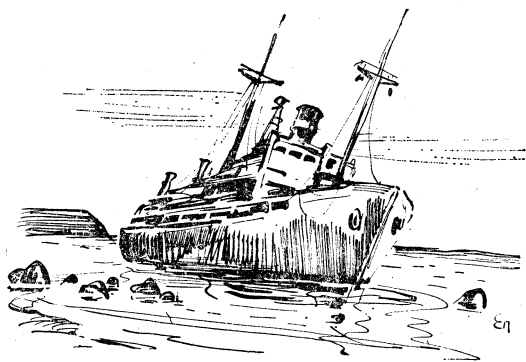
Ночью поднялся ветер. В осклизлых валунах зарокотал прибой, вершины сосен дружно ото-

звались и примкнули к тревожному говору. Я закурил и подошел к окну. Луна катилась к берегу черное серебро наката, и четкий силуэт парохода казался памятником, вырубленным из камня. Памятником чему? Или кому?

Тосклив ночной взгляд в прошлое. Ну, Алька, устроил ты встречу... Думал, что осчастливишь! Как бы не так, браток. Ты не расстался с морем, ты сменил множество судов, и... и забыл и старую боль, и старую радость. И я думал, что забыл. Оказывается прошедшее тлеет и ждало своего часа. Но прошлое, встреченное так неожиданно и увиденное прежним сердцем, несет лишь печаль...

Через час я простился с хозяином и ушел на автобус. Я не стал объяснять ему причину внезапного бегства. Он не видел скал далекого острова и ничего не знал о «Серебряной гитаре». Изюминка в день созерцать искореженный пароход и вспоминать ниточку буксира, на которой висела жизнь многих людей, оказалось свыше моих сил.

Была и другая причина: мне захотелось обязательно, во что бы то ни стало разыскать Ивана...

Орлиный утес

Шли отцы с этой песней
за Советы сражаться,
В торжествах ее пели,
в дни великих годин.
За идею той песни погибли
шестнадцать,
Отказавшись играть миру
старый гимн...

Эти строки дальневосточная поэтесса Августа Ивановская посвятила венгерским музыкантам, погибшим от рук белогвардейцев в Хабаровске. Ныне в городском парке, на грозном утесе, с которого открывается вид могучего Амура, установлена мемориальная доска. На этом месте, в ротонде, 5 сентября 1918 года белогвардейцы расправились с шестнадцатью военными австро-венгерскими музыкантами, сочувствовавшими Советской власти.

Грозный утес на берегу Амура — свидетель многих трагедий. В том числе — и этой... Японские оккупанты, белогвардейские офицеры, городская буржуазия приходили веселиться в ресторан «Чашка чая»; для их улаживания был создан оркестр из пленных венгров. Сначала военнопленных оркестрантов водили на работу под конвоем, а потом комендант разрешил им ходить без сопровождения.

4 сентября 1918 года оркестрантам велено было встретить музыкой вступающих в город калмыковцев. Музыканты категорически отказались. На следующий день в общежитие прискакал калмыковский офицер и прямо с порога закричал: «Где музыка?! Почему не встречали?» Оркестранты ответили, что они ни к какой партии не принадлежат и никого встречать не хотят.

...Атаман-калмыковец кричал
подвластным:
«Большевикам помогаете?»
Где они?!»
Ответом — молчанье.
Он рявкнул: «Красные,
Играйте «Боже царя храни»!..

Но трубы грянули: «Это есть наш последний и решительный бой...»

...Амурские волны приняли тела музыкантов-бунтарей. А утес на крутом берегу реки с тех пор зовется Орлиным.

В. БЕРЕЗИН

Уроки Константина Симонова

**Анатолий
Пудваль**

Рисунок
А. Банных

ДРУЗЕЙ У НЕГО БЫЛО НЕМАЛО, ПОТОМУ ЧТО САМ ОН БЫЛ ПОЭТОМ ДРУЖБЫ: «ДРУЖБА НАСТОЯЩАЯ НЕ СТАРИТСЯ, ЗА НЕБО ВЕТВЯМИ НЕ ЦЕПЛЯЕТСЯ», «УМЕЛ ПРИЕХАТЬ К ДРУГУ, ПОДАТЬ В НЕСЧАСТЬЕ РУКУ». ОН ГОРДИЛСЯ ДРУЖБОЙ, ГОВОРИЛ О НЕЙ В ПОЛНЫЙ ГОЛОС: «МОЙ ДРУГ, САМЕД ВУРГУН, БАКУ ПОКИНУВ, ПРИБЫЛ В ЛОНДОН», «МОЙ БЕЗЫМЯННЫЙ ДРУГ, НУ КАК ВЫ ТАМ?», «БЫЛ У МЕНЯ ХОРОШИЙ ДРУГ», «НА ГОДОВЩИНЕ СВАДЬБЫ БЫЛ Я У ДРУЗЕЙ...» К СОЖАЛЕНИЮ, ОЧЕНЬ ЧАСТО ПРИХОДИЛОСЬ ГОВОРИТЬ О ДРУЖБЕ И ДРУЗЬЯХ — «БЫЛА», «БЫЛИ». ШЛА ВОЙНА: «ПЕЧАЛЬНА УЧАСТЬ НАС, ДРУЗЕЙ», «КОГДА В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ ТЫ ОТПРАВЛЯЕШЬ ДРУГА», «ВСЕ ТЯЖЕЛЕЕ КРУГ НАСЛЕДСТВА, ВСЕ УЖЕ КРУГ ТВОИХ ДРУЗЕЙ». И ВОТ НЕТ ВОЙНЫ, А СМЕРТЬ ВСЕ-ТАКИ ОСТАЕТСЯ: «УМЕР ДРУГ У МЕНЯ — ВОТ КАКАЯ БЕДА...»

ДРУЖБУ ОН ПОНИМАЛ ШИРОКО — КУДА ШИРЕ, ЧЕМ ДУШЕВНУЮ ПРИВЯЗАННОСТЬ ДВУХ РОВЕСНИКОВ, ИХ ВЗАИМНУЮ ТЯГУ. УМЕЛ ДРУЖИТЬ НЕ ТОЛЬКО С ОТЦАМИ, НО И С ДЕТЬМИ. ДАЖЕ ТОГДА, А МОЖЕТ, И ОСОБЕННО ТОГДА, КОГДА СУДЬБЫ РЕБЯТ СКЛАДЫВАЛИСЬ ДАЛЕКО НЕ ГЛАДКО.

И ТУТ НЕВОЛЬНО ПРИХОДИТ НА ПАМЯТЬ СТАВШИЙ ТЕПЕРЬ В НЕКОТОРОМ РОДЕ ДАЖЕ РАСХОЖИМ ТЕРМИН — НАСТАВНИЧЕСТВО. МЫ МНОГО ПИШЕМ ОБ ЭТОМ, ДАЖЕ СЛЕТЫ НАСТАВНИКОВ СОБИРАЕМ, НАСТОЙЧИВО ПРИГЛАШАЯ С ВЫСОКИХ ТРИБУН «ДЕЛИТЬСЯ ОПЫТОМ», ПОРОЙ, ПО-ВИДИМОМУ, ДАЖЕ И НЕ ОТДАВАЯ СЕБЕ ОТЧЕТА, ЧТО ПОНУЖДАЕМ ТЕМ САМЫМ ХОРОШИХ СКРОМНЫХ ЛЮДЕЙ ОБНАЖАТЬ НЕЧТО СОКРОВЕННОЕ, В КАКОЙ-ТО СТЕПЕНИ ДАЖЕ ТАЙНОЕ, ЧТО УМЕСТНО И ПОНЯТНО ВО ВЗАИМО-ОТНОШЕНИЯХ И РАЗГОВОРАХ МЕЖДУ НИМИ, ВОСПИТАТЕЛЯМИ, И ИХ ВОСПИТАННИКАМИ. И, НАВЕРНОЕ, НЕ СЛУЧАЙНО ЭТИ СЛАВНЫЕ ЛЮДИ, ОКАЗАВШИСЬ НА ТРИБУНЕ, ЧАЩЕ ВСЕГО КОНФУЗЯТСЯ, ПРОСТО НЕ В СИЛАХ СКАЗАТЬ ЧТО-ТО ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ, ЧЕГО ОТ НИХ ЖДУТ, ИЛИ ЖЕ НАЧИНАЮТ КАЗЕННО, ОБЩО, ЛОЗУНГОВО ГОВОРИТЬ О «ЗАДАЧАХ» И «МЕРОПРИЯТИЯХ», ЧТО, НАВЕРНОЕ, ТОЖЕ УМЕСТНО, НО НЕ В ИХ УСТАХ...

ХОЧУ РАССКАЗАТЬ О НЕКОЛЬКИХ ИЗВЕСТНЫХ МНЕ ПРИМЕРАХ НАСТАВНИЧЕСТВА-ДРУЖБЫ ИЗ ЖИЗНИ К. М. СИМОНОВА. РАЗУМЕЕТСЯ, В ПРЕДЕЛАХ МОЕЙ ОСВЕДОМЛЕННОСТИ. МОЖЕТ, СО ВРЕМЕНЕМ КТО-ТО НАПИШЕТ ОБ ЭТОМ БОЛЕЕ РАЗВЕРНУТО. МНЕ ЛИШЬ ХОТЕЛОСЬ БЫ ПРИГЛАСИТЬ ЧИТАТЕЛЯ ПОРАЗМЫСЛИТЬ НАД ФАКТАМИ, ИЗВЕСТНЫМИ, НАВЕРНОЕ, ПОКА НЕМНОГИМ.

1.

Снова и снова вспоминаю один из симоновских уроков, невольно преподаваемых и мне, и всем тем, кто так или иначе, бедно, вскользь соприкоснулся с одним из случаев в жизни Константина Михайловича.

Случай этот четвертьвековой давности. И вот что интересно: узнав о нем, я совсем другими глазами перечитал поэмы «Сын артиллериста» и «Отец». Увидел вдруг не просто саму по себе фабулу, а прежде всего размышления о том, как много значит пример старшего для младшего, особенно пример мужины для мальчишки и тем более мальчишки, оставшегося без отца.

Интересно и другое: поэма «Отец» была написана почти в те же годы, о которых пойдет здесь речь, и представляет собой как бы сгусток тех раздумий, мыслей, которые очень деликатно, терпеливо, но настойчиво внушал тогда Константин Михайлович одному очень неблагополучному мальчишке. Значит, в какой-то степени ему поэма и адресована. Но разбираться в этих тонкостях предоставим литературоведам. Обратимся к самому мальчишке. Отец его был человеком и уважаемым и даже знаменитым. Он трагически погиб. А мать — то ли из-за излишней занятости своим делом, собой, то ли просто из-за неумения — парня, как говорят, прокараулила. Так или иначе, но в конце концов оказался мальчишка в одном из нижегородских детских домов. Тогда и началась его переписка с Симоновым.

Показал мне копии этих писем мой коллега, журналист, побывавший в том детдоме, познакомившийся, много поговоривший с парнем и с разрешения адресата скопировавший переписку. Я читал и перечитывал письма всю ночь. И еще не один день жил под их впечатлением. Поражали, прежде всего, глубокая откровенность, какая-то ничем не защищенная доверительность, с которыми взрослый, много повидавший и испытавший человек говорил с подростком. Вернее, даже не просто говорил — рвался, рисковал говорить. Очень набалованный с детства, внушивший себе чувство своей особенности, своей безнаказанности уже не за шалости, а за проступки, парень и теперь с огромным трудом, будто кожу с себя сдирая, расставаясь с удобными, выгодными для себя заблуждениями. Как заметил мой товарищ, рецидивов у него пока случалось, пожалуй, куда больше, чем добрых человеческих поступков. Сейчас мне кажется, что судьба мальчишки была

городе его отца. Я узнал в том самом нижнетагильском детском доме, что после выпуска мальчишка (впрочем, уже не мальчишка, а молодой человек), снова, по-видимому, не поладив с матерью или по каким-то другим причинам, приехал в этот город к родственникам, чтобы «начать новую жизнь». Однако новой жизни так и не получилось. Работать «как все» он и не захотел, и не сумел. Думал, как и прежде, жить на дивиденды с отцовского имени. Не вышло. В городе парень не прижился. Мотался по белому свету, не находя нигде пристани. Потом след его и вовсе затерялся. И симоновских писем — тоже...

Горько, обидно говорить об этом. Можно представить, какие чувства владела Константином Михайловичем, когда ему стал известен печальный финал. И все-таки, насколько я знаю, он не жалел о потраченных усилиях. Жалел только, чисто по-человечески, парня. И никогда не обрушивал на его голову гнева. Может быть, надеялся, что все в конце концов может уладиться? Не знаю... По крайней мере, еще раз давал этим урок деликатности.

Наверное, поэтому и говорю я теперь лишь о самом факте переписки, о самых общих ее чертах, но — не больше.

2.

Второй случай, о котором предстоит здесь рассказать, произошел почти в то же время, что и первый, ну, может, года на два или три позднее.

В редакцию нашей молодежной газеты сообщили, что в комитет комсомола Свердловского горного института пришло письмо от писателя К. М. Симонова. Мы порадовались за ребят — ведь не так уж часто известные литераторы обращаются к молодежи с отеческим словом. Но самим комитетчикам на этот раз было вовсе не до радости. Конечно, не из-за письма Константина Михайловича, а из-за другого, полученного писателем из Свердловска и препровожденного им теперь в горный институт. Пожалуй, уже сама по себе такая эпистола заслуживает того, чтобы ее прочесть.

«Дорогой товарищ Симонов!

Извините за такое послание, но меня вынудила написать жизнь.

Мне 21 год. Я учусь в Свердловском горном институте.

У меня 2 брата, бабушка и мать. Отец погиб на войне.

Мы живем очень плохо.

Так плохо, что я вынужден писать это письмо.

Вышлите мне, пожалуйста, 10 000 тысяч рублей (так в тексте, выяснилось, что автор имел в виду все-таки 10 тысяч, а не 10 миллионов.— А. П.). Поймите, это совсем не много.

Я и моя семья будем благодарны Вам всю жизнь, а деньги я Вам отдам, как начну работать.

Мы живем на квартире, и поэтому домашний адрес я Вам сообщать не буду. Если будете высылать, то по адресу: г. Свердловск, глав. почтамт, до остробованья. К-ву Владимиру Николаевичу.

Преклоняющийся перед Вашим искусством искренне Ваш

К-в.

18.1.59 г.»

Да, было отчего ребятам не только опечалиться, но и вознегодовать.

А К. М. Симонов писал им:

«Дорогие товарищи!

Быть может, я обращаюсь не по адресу, потому что юноша, о котором идет речь, писал мне, возможно, неправду и на самом деле не учится в вашем институте. Но если он не солгал и действительно учится в институте, я хочу переслать вам его письмо.

Когда мне самому был 21 год, т. е. в 1936 году, у меня позади было шесть лет работы на производстве, и я знал, что значит с молодых лет самому зарабатывать деньги и полностью содержать себя, да еще помогать родным.

Первые два года учебы в вузе я учился вечерами, без отрыва от производства, а когда перешел на третий курс, на дневное отделение, то хотя стипендии у нас были очень маленькие и мне половину ее приходилось тратить на то, чтобы платить за угол, который я снимал,— мне не приходило в голову, да я и не представлял себе, как это может прийти в голову попрошайничать у кого бы то ни было.

Я отношусь с недоверием к письму Владимира К-ва. Мне почему-то не верится в тяжелое положение в его семье, потому что человек, который сам прошел трудную школу, у которого грудной живущая семья, который помогает этой семье, едва ли напишет, что, по его мнению, 10 тысяч рублей «это совсем немного». Человек, который начал смолodu трудиться и знает, что такое трудовая жизнь, знает цену деньгам, не станет писать так.

Но если даже у него с семьей действительно трудное положение, то в таком трудном положении для всякого честного человека выход один: или временно бросить учебу и идти работать, или идти работать, совмещая работу с вечерней или заочной учебой. И уж, во всяком

случае, не рассылать писем о материальной помощи. Я говорю «рассылать», потому что чутье и опыт подсказывают мне, что такие письма посланы К-вым не мне одному.

Если действительно этот парень учится у вас, мне кажется, было бы правильным, если бы комсомольцы помогли ему понять и решительно переменить сложившиеся у него недостойные взгляды на жизнь.

Если К-в действительно учится у вас и вы будете беседовать с ним по этому вопросу, напишите мне, пожалуйста, о том, как прошло обсуждение и как вел себя на нем этот парень.

Если же он обманул меня и зря причислял себя к студентам вашего института, то прошу прощения, что отнял у комитета комсомола время этим письмом.

С товарищеским приветом
писатель Константин Симонов.
г. Ташкент.
8 марта 1959 года.»

Чутье во многом не обмануло писателя, не поверившего слезной истории Владимира К-ва.

Когда будущие горняки и рабочий нашей газеты начали расследование письма, «просителя» в Свердловске уже не было. Институт он заканчивал и уже обосновывался в одном из новых городов Оренбургской области. Спекулируя на памяти отца, не вернувшегося с войны, на действительно нелегком материальном положении семьи, К-в ни словом не обмолвился, однако, о том, что несколько попыток начать работу кончались безрезультатно: или работа не устраивала его, или он не устраивал работу. Зато очень устраивало его веселое времяпрепровождение — компании, рестораны...

Ребята высказали тогда Владимиру К-ву все, что о нем думают, а журналист написал в газету обо всем этом фельетон «Дайте Володе 10 000». Помнится, в редакции долго обсуждали материал еще перед публикацией. Конечно, Владимир К-в заслуживал самого сурового осуждения. Все мы недавно сами были студентами и всем нам в студенческие годы жилось очень нелегко, однако ведь действительно никому и в голову не приходило попрошайничать. После лекций работали грузчиками, шли статистами в театры, становились дворниками, сторожами. Так что же, у Владимира К-ва, в отличие от нас, от многих и многих его товарищей, белая кость и голубая кровь?

Ох, как сердита была вся редакция! Только и жаждал каждый обрушить все кары на голову попрошайки. Но перечитали еще раз симоновское письмо и вдруг словно

бы открыли для себя, что писатель, и рассерженный, и уязвленный, конечно же, не меньше нас, не требовал, однако, отщепенца. Он лишь советовал комсомольцам института, «если действительно этот парень учится с ними, чтобы те «помогли ему понять и решительно переменить сложившиеся у него недостойные взгляды на жизнь».

Константин Михайлович давал своим письмом урок не только К-ву, но и нам, комсомольским работникам, комсомольским журналистам. Вмиг поостыли горячие головы. Мы поняли, что в жизни Володи К-ва враз действительно все может полететь кувырком, стоит нам только указать его фамилию, назвать город, куда он приехал. Такая малость! Мы старательно вымарали в фельетоне все места, так или иначе раскрывающие инкогнито Владимира К-ва. Вслед за писателем мы поверили в этого парня. И, думаю, не ошиблись.

Для чего же Константин Симонов тратил силы вроде бы попусту? Для главного. Конечно, он всегда заботился о частном, конечном результате. Но если его и не получалось, Симонов оставался Симоновым: и неудачным исходом затеянного дела он учил, как достигнуть удачи.

3.

Мне кажется, в последнее время как-то девальвируется, что ли, в особенности среди определенной части молодежи, само высокое понятие — дружба. Говорят: научно-техническая революция, космическая эра, жесткие параметры, учет, счет и расчет, — не до сантиментов, мол. Поэтому сейчас дружеская компания — это нередко что-то вроде клуба по интересам. И то — в лучшем случае. Когда спрашиваешь иного парня: «Кто твой друг?» — он отвечает: «А у меня их очень много, друзей, чтобы выделять кого-то одного». И напоминает такая дружба бабочку-однодневку.

У Константина Симонова было много друзей. Но даже среди многих и многих дружб особняком стоит его дружба с Борисом Горбатовым. Они не были по отношению друг к другу ни старшим, ни младшим (хотя разница в возрасте составляет семь лет), ни учителем, ни учеником (хотя, разумеется, многому учились взаимно). По-моему, к ним больше всего подходило чисто народное определение — задушевные друзья. Не так уж часто, но бывает — настолько в унисон два человека думают, чувствуют, живут, что кажется: душа за душу у них заходит, душа в душу, как в зеркало, смотрится. И вовсе необязательно, чтобы люди эти бы-

ли как близнецы. Но, дополняя друг друга своей непохожестью, самовитостью, в общем, в главном они все-таки словно бы одно неразрывное целое. Не знаю, так ли именно и всегда ли, а главное — с каких пор, но мне кажется, Симонов и Горбатов являли как раз такой пример.

Бориса Леонтьевича не стало 20 января 1954 года.

Умер друг у меня — вот какая беда...
Как мне быть — не могу и ума приложить.
Я не думал, не верил, не ждал никогда,
Что без этого друга придется мне жить...

Какая пронзительность в каждой строке, в каждом слове, в каждой интонации!

Говорят: раз ты умер — таков уж закон —
Вместо «ты» про тебя говорить надо: «он»;
Вместо слов, что люблю тебя, надо: «любил»;
Вместо слов, что есть друг у меня, надо: «был».
Так ли это? Не знаю. По-моему, нет!
Свет погасшей звезды еще тысячу лет
К нам доходит. А что ей, звезде, до людей?
Ты добрей был ее, и теплей, и светлей.
Да и срок не велик: тыщу лет мне не жить,
На мой век тебя хватит — мне по дружбе светить.

И хватило. Еще на целых 25 лет. И все эти четверть века Константин Михайлович немало делал, чтобы свет не только не затухал, но разгорался еще ярче. Прежде всего — для читателей.

Когда я занялся розысками связей большой советской литературы с нашим краем, Симонов тотчас же ответил на мои расспросы, хотя, как я знал, он был очень занят и далеко не здоров:

«Что касается пребывания Горбатова в Свердловске и на Урале, то, насколько я помню, он писал об этом. Но лучше всего вам будет связаться по этому поводу с биографом Горбатова Галиной Алексеевной Колесниковой. Она вам скорее, чем я, может указать, какие люди в состоянии помочь вам при разработке этого материала».

Он даже и адрес Колесниковой сообщил, и, догадываюсь, заранее перед ней словечко за меня замолвил — ведь дело касалось имени и памяти его друга...

Меньше чем за год до кончины Бориса Леонтьевича у него родилось двое детей — мальчик и де-

вочка. Вместе с другом Симонов радовался этому событию, загадывал, кем они станут, Лена и Миша, когда вырастут, и тут же сам себе отвечал: в главном можно не сомневаться — хорошими, настоящими людьми. Позднее, уже летом, вспоминая, как славно встречали горбатовское сорокатрехлетие в Донбассе, любимом Борисовом Донбассе, Симонов строил планы, как он с другом, едва только тот опрится от инфаркта, и с подростками ребятишками снова «мотнут» в тот самый маленький сборный домик на окраине Донецка, в шахтерском поселке Гладковка, где проходили те памятные торжества в пятьдесят первом. Непременно с ребятишками — для них даже воздух отцовской родины должен показаться слаще меда, живительней всяких там эликсиров.

Не случилось... «Умер друг у меня — вот какая беда...» Больше того, так уж вышло, что Симонов «был в отъезде, когда схоронили его, в день прощанья у гроба не мог постоять»...

И вот — опять же годы спустя — судьба столкнула меня в Свердловском комитете по телевидению и радиовещанию с Ниной Архиповой, артисткой Московского театра сатиры, матерью тех самых горбатовских близнецов — Лены и Миши. Удовлетворив естественное в моем тогдашнем положении профессиональное любопытство по поводу чисто театральных дел, я задал очень уж побочный, вроде бы совсем не к месту вопрос: «А как ваши ребята?» Собеседница сначала глянула на меня с недоумением, а потом улыбнулась: «Как? Да как все!.. Вот недавно и дядя Костя...» Фраза еще не была докончена, как я тут же уцепился за нее: «Дядя Костя — это Константин Михайлович Симонов, так ведь? И что же, он по-прежнему остается для ваших ребят, ну, как бы это сказать, своим человеком?» — «А как же иначе? Ведь они с Борисом были друзьями настоящими... Помните, как сказано у Константина Михайловича?»

Дружба настоящая не старится,
За небо ветвями не цепляется —
Если уж приходит срок, так валится
С грохотом, как дубу полагается...»

ХРОНИКА ЖИЗНИ КАВАЛЕРИСТ- ДЕВИЦЫ

К 200-летию со дня рождения
Н. А. Дуровой (1783—1983)

София
СМИРНОВА

«Седло было первой моей колыбелью; лошадь, оружие и полковая музыка — первыми детскими забавами и игрушками...» — писала Надежда Андреевна Дурова в своих «Записках».

Если бы не два момента в жизни совсем маленькой Нади Дуровой, кто знает — имели бы мы в своей истории знаменитую гусар-девицу... Первый — сам образ жизни в семье: скитальческий, полковой. Второй — тот, что мать Нади, ожидавшая сына и разочарованная рождением дочери, не питала к ней родительских чувств, и воспитание девочки целиком было поручено дежнику. Так или иначе, но к пяти годам Надя лихо скакала на коне, могла обращаться с оружием и в манерах, повадках, стремлениях сформировалась совсем как мальчишка; когда мать спохватилась и взялась за дочку — ни рукоделие, ни хозяйство ее уже не интересовали. Когда Надежда подросла, отец подарил ей черкесского коня Алкида. На нем-то она и уехала из дома вслед за казачьим отрядом...

Жизнь ее была далеко не похожа на «гусарскую балладу», как прославлено в знаменитом подевиле и кинофильмах. Скитания и трудности военного быта нелегки. Суров и странен был характер этой необыкновенной женщины. Огромно число битв, в которых Дурова сражалась с неизменной храбростью, за что и заслужила солдатского Георгия: при Гутшадте, Гейльсберге, Фридрихе, под Смоленском, Колодцким монастырем, при Бородино, при блокаде крепости Модлина, Гамбурга, Гарбурга...

Немыслимо представить себе женщину с такой биографией, но она была — кавалерист-девица, девица-воин, первая в России женщина-офицер. Она существовала реально. И поныне удивляет соотечественников беспримерная судьба ее...

При первом знакомстве с «географией» жизни Надежды Андреевны Дуровой поражает охват пространства: от Украины до Балтийского моря, от реки Камы в Приуралье до Гамбурга в Европе. Такой размах — редкое явление даже для мужчин того времени и совершенно невозможное для женщин: удивительная частота передвижения, годы, наполненные активной деятельностью, участие в больших событиях своего времени...

Родилась Надежда Андреевна на юге Украины, около Херсона, но родными ей стали города на Каме: Саранул, где прожила она двадцать восемь лет, и Елабуга, с которой связаны двадцать шесть лет жизни.

В Сарануле был дом ее родителей. Теперь на том месте поставлена памятная доска, — место это около речного порта на большой праздничной площади.

«Фангель, где жила кавалерист-девица и откуда она бежала, был в пять окон, одноэтажный, обнесен кругом террасой, стоял над речкой Юрманкой...» — пишет современник гусар-девицы и местный историк Н. Н. Баннов. «...Я занимала нижний этаж садового домика, а батюшка жил наверху...» — пишет сама Надежда Андреевна. Несколько кустов и деревьев и теперь отделяют площадь от оврага, в котором узким ручьем течет бывшая речка.

По другую сторону оврага, от речного порта, поднимается улица имени Надежды Дуровой; она идет к дороге, ведущей на Старцеву гору. По местной легенде, перед уходом из дома на Старцевой горе Надежда прощалась с родными местами. Вид с этой горы незабываем: необозримый простор земли и неба, ширь многоводной реки, дали заречья. Это все было началом Отечества, которое суждено ей впрямь защищать...

А. А. Александров (Н. А. Дурова)

Мать, Надежда Ивановна Александрович, дочь зажиточных родителей-помещиков, вышла замуж за обедневшего дворянина, гусара-ротмистра Андрея Васильевича Дурова по любви, против воли родительской. После рождения троих детей Дуров оставил военную службу и получил место городничего в Сарануле. За восемнадцать лет семейной жизни у них было десять детей, в живых осталось четверо — три дочери и сын. Надежда была первым ребенком в семье.

Матери, бывшей намного моложе отца, семейная жизнь не принесла счастья. Последним тяжелым испытанием для нее стало возвращение домой старшей дочери Надежды, ушедшей от мужа с трехлетним сыном, и затем исчезновение ее в сентябре 1806 года, когда на берегу Камы нашли только ее платье... Сестре Клеопатре было в ту пору 15 лет, брату Василию — 7 лет и младшей, Евгении, — 5 лет.

Одна, без примера и помощи, без дружеской поддержки, Надежда Андреевна перешагнула барьер условностей для женщин ее времени и круга. Несение военной службы женщиной, среди трудностей полковой жизни, достойно не только удивления, но и уважения. Надо было действительно иметь чистую душу и твердость характера, чтобы не оставить внаде своего имени даже тени двусмысленной улыбки.

На военную службу Надежда Дурова поступила в 1806 году на границе России, в Гродно, рядовым в конно-польский казачий полк под именем Александра Васильевича Соколова. Ей пришлось уменьшить свой возраст на пять лет, чтобы выглядеть юношей. В ее формулярном списке записано: «От роду 17 лет, мерю 2 аршина 5 вершков, лицом смугл, рябоват, волосы русые, глаза карие, из российских дворян». Последнее позволяло кавалерист-девице вести удивительную жизнь.

Никто из биографов не разбирал всей психологической сложности перевоплощения двадцатитрехлетней женщины в семнадцатилетнего юношу. Как бы ни знала она верховую езду с детского возраста, а овладение военными приемами стоило большого напряжения душевных и физических сил.

Никто из военачальников не подозревает в ней женщину. Своё инкогнито она раскрывает сама. Накануне похода в Пруссию, в сражениях она пишет письмо к отцу: «...где я и что я теперь... если меня убьют, что будет со старым отцом моим... умоляю простить побег мой... дать мне благословение, позволить идти путем, необходимым для моего счастья...» Получив «адрес», отец пишет просьбу царю «о возвращении домой дочери Надежды, по мужу Черновой».

Исключительность происшедшего не прошла мимо царя. Рядового конно-польского полка вызвали в Петербург. Не зная причин вызова, военачальники дают Александру Соколову блестящую характеристику: «отличное поведение», «ревностное прохождение службы», «подаёт надежды быть хорошим офицером...»

Во время короткой встречи со своим весёлым собеседником Надежда Андреевна искала самые пламенные слова, чтобы убедить Александра I, что женщина может служить в армии, скрываться под вымышленным именем. И царь... оставил ее в армии, высочайше позволив даже обращаться с просьбами.

Под новым именем — Александра Андреевича Александрова — в начале 1808 года она едет в гусарский Мариупольский полк корнетом (младший офицерский чин), имея уже награду — орден Георгия «За храбрость в бою».

В 1811-м Александр Андреевич Александров переводится по личной просьбе в уланский литовский полк: «...в гусарах служить дорого». В этом полку, во Второй армии, под командованием П. И. Баграциона Надежда Андреевна участвует в Отечественной войне 1812 года и получает контузию в Бородинском сражении, в бою под деревней Шевардино. После оставления Москвы русскими войсками она недалеко состоит ординарцем у М. И. Кутузова. Она пишет: «...Нога моя болит до нестерпимости, у меня

Модель памятника Н. А. Дуровой в Елабуге

каждый день лихорадка», и Кутузов отправляет ее на лечение домой.

О муже и сыне Надежда Андреевна в своих автобиографических произведениях не упоминает. Факт ее свадьбы — 25 октября 1801 года и рождения сына — 7 января 1803 года задокументированы в церковных книгах и подтверждаются современниками. Военный историк А. Сакс приводит документ архива с просьбой отца

Андрея Васильевича Дурова получить образование за казенный счет «сыну дочери его, отличившейся в прошедшей с французами войне». Место обучения ввука Ивана не известно.

Свой первый отпуск в семью отца Надежда Андреевна сокращает сама. Дома ей тяжело, отец женится вторично, и она торопится вернуться в полк.

Второй раз Надежда Андреевна

приезжает домой в Сарапул в конце 1812 года на лечение после контузии. Весной 1813 года, как только устанавливаются дороги после разлива рек, она спешит вернуться в армию. В Москве она узнает о смерти Кутузова.

В 1813—1814 годах Надежда Андреевна служит в русской армии, освобождающей Европу от войск Наполеона. Конец войны застает ее в Европе, и свой первый послевоенный отпуск она использует на поездку по Гольштинии.

9 марта 1816 года Дурова подает в отставку в чине штаб-ротмистра, ей 33 года (27 по военным документам), и уезжает в Сарапул. Билет на отставку от 24 апреля 1817 года за номером 2362 одновременно утверждает и пенсион — 1000 рублей в год. Теперь, когда она обеспечена, Надежда Андреевна решает ехать в Петербург.

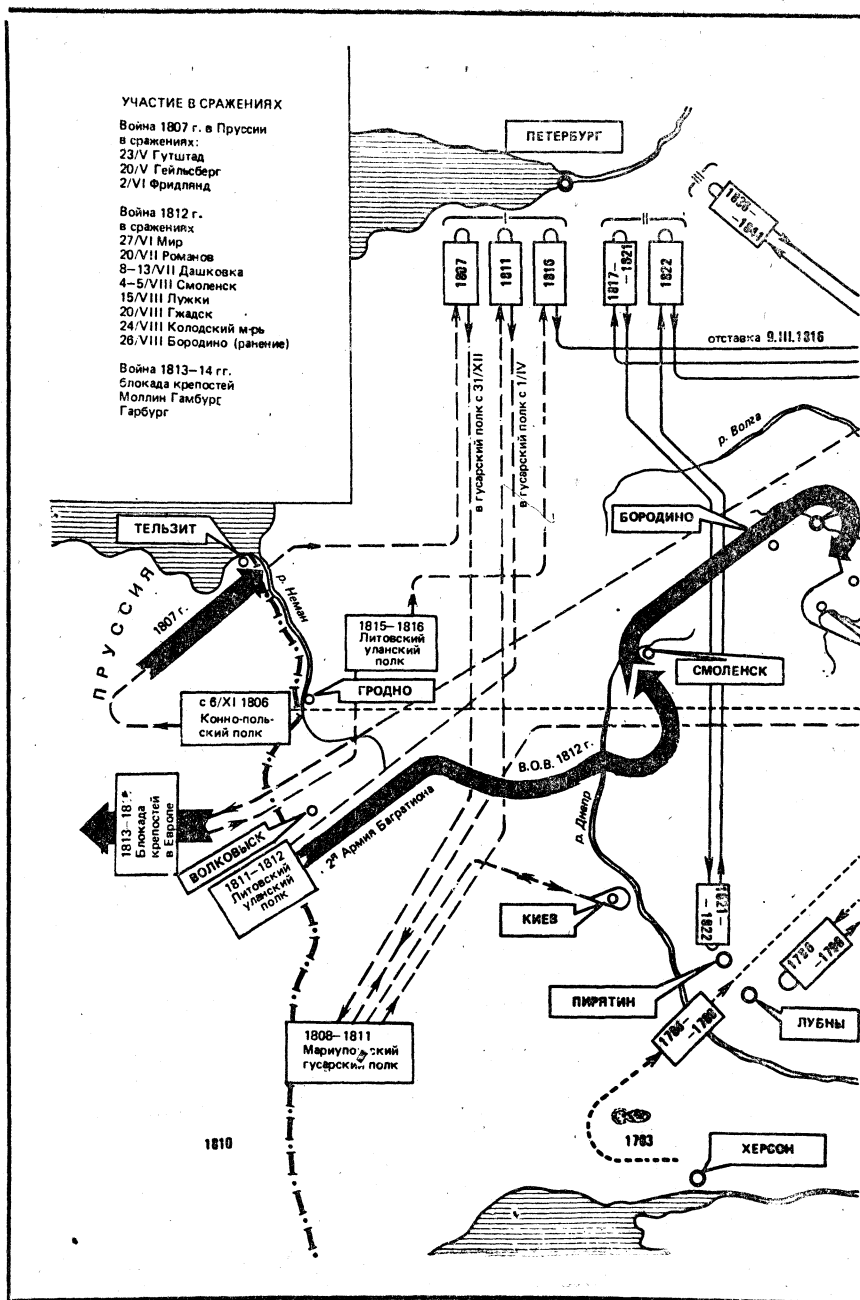
Время жизни ее в Петербурге занимает в общей сложности около десяти лет. Она называет жизнь в столице «посещениями» и делит их на первое, второе и третье.

Первое или, вернее, первые посещения — кратковременные приезды в Петербург во время военной службы: в 1807 году — по вызову Александра I, в 1811-м — для перевода в уланский полк и в 1816-м — для ухода в отставку.

На второе посещение приходится длительное пребывание в столице с 1817 по 1821 год. В повести «Невзгоды третьего посещения» она вспоминает об этом времени как о самом счастливом в жизни: «...У меня были в Петербурге родные: дядя Дуров и двоюродный брат штаб-ротмистр Бутковский, известный тогда переводом Крестовых походов». Дядя, брат отца Николай Васильевич Дуров, военный в отставке, жил в Петербурге на Сенной площади. Двоюродный брат, штаб-ротмистр Бутковский был родственником по Александровичам. В 1836 году Бутковский издавал ее первую книгу «Кавалерист-девица» в двух томах.

Надежда Андреевна получила в семье очень скромное образование и во время военной службы не могла его восполнить. Несомненно, «второе посещение» было для нее своеобразным университетом. Инкогнито было снято: участнику недавних войн, в мужском платье, с военным орденом, принимали охотно в светском обществе. Она общалась с образованными людьми. Позже критики отметят ее знакомство с мифологией, выразительный и образный язык.

Утомление прежних лет, последняя контузия заставляют Надежду Андреевну искать покоя и, оставив Петербург, она едет отдыхать и лечиться к родственникам матери, на Украину. Она была здесь в раннем детстве... И после, девочкой лет тринадцати-пятнадцати, пережила здесь первое увлечение, закончившееся

ся печально: мать юноши, к которому тянулось ее сердце, узнала, что Надя бесприданница, и запретила встречи...

Надежда Андреевна много ездит верхом, поправляет здоровье «питьем соков из трав». «...Я поздоровел и загорел», — пишет она об этом времени, продолжая называть себя Александровым.

В 1823 году заболевает отец, семья снова собирается в Сарапуле. Отец скончался в возрасте 75 лет. Он был городничим Сарапула тридцать пять лет, и сыну его, Василию Андре-

евичу, передается его служебное место. Василию двадцать семь лет, он холост и сохраняет армейские привычки — любовь к шумным компаниям и карточным играм.

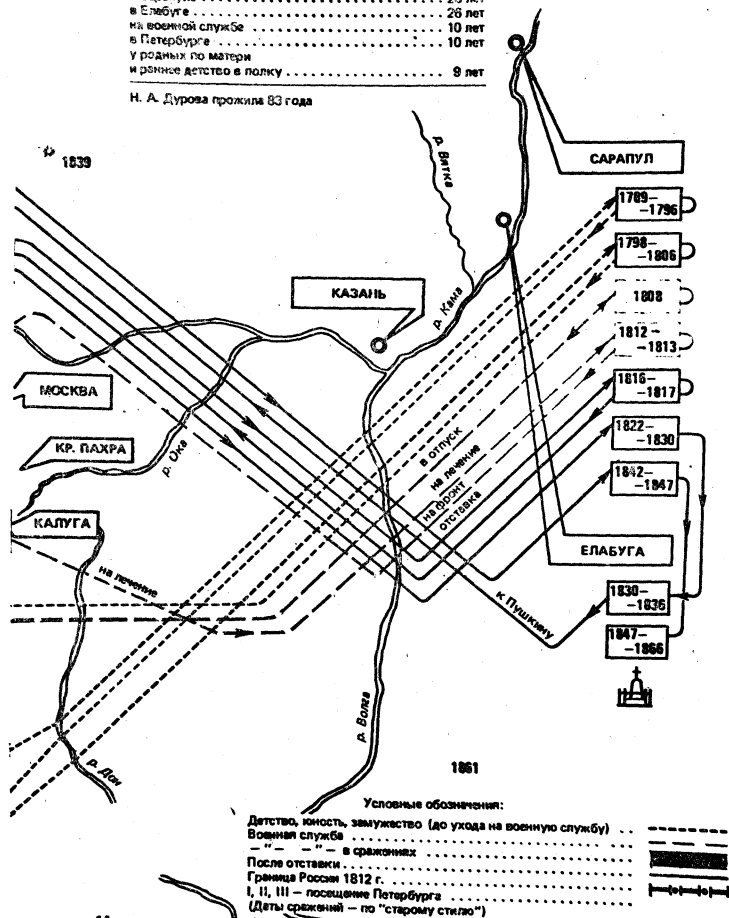
Надежде Андреевне идет пятьдесят первый год. В медленной, небогатой событиями жизни глубокой провинции она предается воспоминаниям, приводит в порядок записки военных лет, читает в семье свои произведения, оценивая их очень скромно.

Неожиданная встреча ее брата с Александром Сергеевичем Пушкиным

Географические итоги
хроник жизни Н. А. Дуровой

в Сарепуле	28 лет
в Елабуге	26 лет
на военной службе	10 лет
в Петербурге	10 лет
у родных по матери	
и раннее детство в полку	9 лет

Н. А. Дурова прожила 83 года

ГЕОГРАФИЯ ЖИЗНИ

Надежды Андреевны Дуровой

1783-1866

(схема-хроника)

изменяет это ровное течение жизни. Василий Андреевич познакомился с Пушкиным за карточной игрой «на водах», на Кавказе. Встреча эта описана декабристом М. И. Пушиным, старшим братом лицейского товарища Пушкина.

«...На другой день приезда моего во Владикавказ является А. С. Пушкин, так же возвращающийся из Арарума. Из Екатеринодара мы уже скоро переехали в Горячеводск (Пятигорск). Через несколько дней я уехал в Кисловодск по совету докто-

ра. Пушкин обещал скоро ко мне приехать, что исполнил, но без гроша денег, он все проиграл Астафьеву и какому-то сарапульскому городничему Дурову. Как и следовало ожидать, они последовали за Пушкиным, но поселились довольно далеко от нас в Солдатской слободе. У меня была четверка лошадей, из которых одна по очереди садлаась для Пушкина, любившего ездить верхом. Я заметил ему однажды, что он слишком много гоняет лошадей, которые, будучи на подножном корму, слабосильны, тогда он

мне признался, что ездит только в Солдатскую слободу и бьет мелким огнем Астафьева и Дурова, то есть, проиграв им тысячу червонцев, выигрывает у них по десятке в день. Позднее осенью Пушкин с Дуровым уехали в Москву, и, конечно, Дуров дорожно так его обчистил, что Пушкин должен был в Новочеркасске у атамана Иловайского занять денег, чтобы с ним рассчитаться...»

Интересна характеристика, которую дает Василию Андреевичу Дурову Пушкин:

«...Дуров — брат той Дуровой, которая... вошла в военную службу, заслужила георгиевский крест и теперь издает свои записки. Я познакомился с ним на Кавказе, в 1829 году, возвращаясь из Арарума. Он лечился от какой-то удивительной болезни, вроде каталепсии, и играл с утра до вечера в карты. Наконец он проигрался, и я довез его до Москвы в моей коляске. Дуров помешан был на одном пункте: ему непременно хотелось иметь 100 000 рублей. Все возможные способы достать их были им передуманы и продуманы. Он готов был всегда биться об заклад во что бы то ни стало... Недавно я получил от него письмо, он пишет мне: «История моя коротка, я женился, а денег все нет!» Я отвечал ему: «Жалею, что из 100 000 способов достать 100 000 рублей ни один еще, видно, вам не удался!» По дороге в Москву Василий Андреевич, конечно, рассказал А. С. Пушкину о своем «брате» Александре Андреевиче и о его «Записках».

В Сарепуле Василия Андреевича Дурова ждали служебные неприятности, вызвавшие отстранение его от должности и перевод в город Елабугу. Вместе с семьей брата переезжает и Надежда Андреевна. Современники отмечают, что, живя с братом в одном городе, Надежда Андреевна имеет отдельную квартиру.

Из Елабуги состоялась вся переписка Дуровых с Пушкиным. Переписка опубликована в полных собраниях сочинений А. С. Пушкина, выходила отдельными изданиями и приложена к исследованиям биографии Н. А. Дуровой.

27 мая 1836 года Надежда Андреевна лично знакомится с Пушкиным в Петербурге. С этого времени начинается ее «третье посещение» столицы — с 1836 по 1841 год. Это годы ее издательско-литературной деятельности. За короткий срок она издает все, что было ею написано. Современники удивляются такой плодовитости... Белинский пишет: «Александров, видимо, решил дарить нам каждый месяц по большой повести».

В последней автобиографической книге «Добавление к «Кавалерист-девице» Надежда Андреевна раскрывает начало своей литературной работы: это было время военной службы в гусарском полку — наиболее спокойное

существование между войнами в Пруссии и 1812 года. Товарищи ее по полку (их было «восьмицленное братство — восемь человек») решили «описать какие-нибудь из известных происшествий» и первому, как самому младшему, предложили написать Александрову. «...Такое требование не слишком затруднило меня: в чемодане моем лежало множество испанских листов бумаги. Я решился посвятить часа три на то, чтобы пересмотреть их, выбрать, составить что-нибудь похожее на целое».

Все литературное наследие: автобиографические книги, повести и рассказы напечатаны в 15 книгах (из них четыре книги — собрание сочинений). Ее произведения печатались также в журналах «Современник», «Библиотека для чтения», «Отечественные записки» и «Литературное добавление к «Русскому инвалиду». Все произведения Н. А. Дуровой опубликованы под псевдонимом: Александров А. А.

Написаны они в принятом в то время романтическом духе, эмоционально возвышенно. Книги не переиздавались и являются библиографической редкостью, хранятся в фондах крупных библиотек.

Надежда Андреевна Дурова покидает Петербург в 1841 году, задерживается ненадолго в Москве, где сдает в издание свою последнюю повесть «Павильон», и едет домой, в Саранул. Пять лет живет она там, пока вышедшая замуж младшая сестра Евгения не переехала с семьей в другой город. Чтобы быть ближе к ней, Надежда Андреевна переезжает в Елабугу и здесь живет до самой кончины. Скончалась она 21 марта 1866 года, много пережив своих братьев и сестер, и похоронена в Елабуге, на Троицком кладбище.

Через двадцать восемь лет после ее смерти в Елабуге были собраны сведения от людей, знавших Дурову в последние годы жизни.

Вставала она очень рано, в силу привычки, приобретенной за время прежней, военной жизни. Жизнь Дуровой была однообразна, монотонна, один день похож на другой...

Одега всегда была в мужской костюм — длинный черный сюртук, узкие брюки, на голове высокая черная шляпа, а в руках трость. Она старалась ходить прямо, насколько позволяли ее лета и силы, имела поступь твердую и обижалась, когда к ней обращались как к женщине.

Переписки ни с кем не вела, лишь очень редко писала сыну, однако никто из ее знакомых не помнит, чтобы в последние годы сын приезжал к ней. Отношения между сыном и матерью были холодными.

Дурова не любила вспоминать о прежнем славном времени. Никто не видел ее в военной форме, даже в высокоторжественные дни. Всяких публичных собраний и торжеств она избегала. Жила просто, но себе ни в чем

не отказывала, получаемую ею пенсию проживала всю. Перед смертью жизнь ее стала еще более замкнутой и уединенной.

...Сегодняшняя Елабуга вся в строительстве. Недалеко то время, когда плотина соединит ее с прославленными Набережными Челнами — ныне городом Брежневым, с плотинной придет и железная дорога. А пока Елабуга живет неспешной жизнью в домиках с кружевной резьбой, в зеленых нешироких улиц, в яркости заливных лугов.

Жители Елабуги бережно хранят память о Надежде Андреевне Дуровой. На улице, ныне Московской, под номером 123 стоит дом, на нем мемориальная доска: здесь жила Н. А. Дурова. В доме-музее И. И. Шишкина собирают материалы о дружбе отца художника с Александром Андреевичем Александровым: Надежда Андреевна до конца жизни называла себя этим мужским именем.

Новую Елабугу, высотную, современную, с прежней, деревянной, соединит площадь. К 200-летию со дня рождения Надежды Андреевны Дуровой на площади встанет конный памятник, и кавалерист-девица в форме гусара Мариупольского полка будет принимать визиты туристов со всех концов нашей страны...

ИСКУССТВО И... ЖИЗНЬ

«Мундир, лампасы, эполеты — как, право, все ко мне идет...» Эти строки — из водевиля Ф. Кони «Девушка-гусар», посвященного Надежде Дуровой. Героиню играла знаменитая русская артистка Асенкова, которую В. Г. Белинский считал образительной...

Немое кино не оставило нам фильма о Н. Дуровой, хотя такие попытки делались. Более двадцати лет назад режиссер Э. Рязанов и драматург А. Гладков написали литературный сценарий «Гусарская баллада» по мотивам пьесы А. Гладкова «Давным-давно». Фильм имел большой успех. Музыка Т. Хренникова, игра молодой актрисы Ларисы Голубкиной придали ленте лирическую окраску, комедийный блеск и непосредственность.

...Была и у нас на Урале «кавалерист-девица» — Вера Ивановна Кузница, боец 3-го Екатеринбургского и Западного полка 29-й стрелковой дивизии. Служила она под именем Владимира Холкина с осени 1918 года по конец августа 1919-го. Родилась Вера в рабочем поселке Лобва, отсюда и ушла воевать с белыми. За боевые заслуги была награждена боевым оружием и серебряными шпорами.

З. БОРИСОВ

ЧТО В

СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

● В 1942 году в порту Диксон бывший ледокольный пароход «Дежнев», превращенный в сторожевое судно СКР-19, принял бой с фашистским крейсером. Артиллеристы «Дежнева» ценою своей жизни выиграли бой. Смертельно ранен был командир орудия Александр Карагаев, убиты разносчик снарядов Андрей Курушин и наводчик Василий Андреев; наводчик Фахрулла Хайруллин успел сказать перед смертью: «Бейте их, братцы!..» Много лет спустя решением Диксонского райисполкома именами героев-полярников названы небольшие острова; остров Хайруллина находится в семи километрах от Диксона в Карском море.

● В народном сельском музее в Ясеново Одесской области, созданном следопытами местной школы, собраны материалы о становлении Советской власти в селе: о борьбе с бандами Зеленого, о первых комсомольцах, о грозных временах 1917—1920 годов. От рук кулачества пал один из первых активистов Антон Говорун, селькор районной газеты. Его именем названа ныне ежегодная премия, учрежденная районной газетой «Хлебороб» для лучших селькоров.

● «Дом Павлова» на площади Ленина в Волгограде известен и жителям города, и всеми миру. Четверо бойцов во главе с сержантом Яковом Павловым заняли его 27 сентября 1942 года. Пятьдесят восемь дней держался дом, уже другие солдаты отбивали яростные атаки гитлеровцев... Но дом остался в памяти людской как «Дом Павлова». Один из немногих, он восстановлен таким, каким был до войны.

● Навечно осталась живой для студентов Харьковского государственного университета его бывшая студентка Шура Дубровина — один из членов организации «Молодая гвардия» в Краснодаре, вместе с другими своими товарищами погибшая в шурфе шахты. В университете есть аудитория Шуры Дубровиной, которая стала центром всей политико-воспитательной работы на биологическом факультете, где училась Шура.

ИМЕНИ ТВОЕМ?..

• Парень с «Трехгорки»

Есть на Красной Пресне улица имени Анатолия Живова. Чем заслужил эту честь и память людей обыкновенный московский парень?

В детстве он, как все мальчишки, не меньше десяти раз бегал на кинофильм «Чапаев». Каждый день, как все ребята, спешил в школу — 83-ю, что в Стрельбищенском переулке. С пятнадцати лет пошел работать: семья, где было четверо детей, рано осталась без отца. Когда началась война, Анатолий вместе с другими рабочими «Трехгорной мануфактуры» дежурил ночами на крышах — тушил зажигалки. На фронт ушел весной 1943 года, добровольцем.

Анатолий Живов погиб в боях за Тернополь, повторив подвиг Александра Матросова. Не он один вызвался забросать гранатами бьющий пулемет гитлеровцев. Все смельчаки полегли на мостовой; Анатолий был дважды ранен, но он дошел до злополучной амбразуры...

В Тернополе, на проспекте Карла Маркса, стоит дом, отмеченный мемориальной доской — этот дом защищал Живов. В ремонтно-механическом цехе знаменитой «Трехгорки» в память об Анатолии Живове тоже установлена мемориальная доска. В 769-й московской школе следопыты собирают материалы о нем. А ученики школы № 83 каждый год в день памяти Героя Советского Союза Анатолия Живова идут на занятия с цветами...

• Обозначения на морских картах

В сельском профессионально-техническом училище № 15 в поселке Большой Камень Шкотовского района Приморского края есть музей истории района. Ведет работу по сбору экспонатов для музея преподаватель училища М. Я. Соколовский. Хранятся здесь реликвии грозных времен гражданской войны, фотодокументы Великой Отечественной, материалы о передовиках района, об истории создания училища и его тридцатилетнем пути.

В походах по родному краю раздобыты, например, кусок обшивки со старинного фрегата — свыше ста лет назад фрегат нес свою службу. Смотрят со стен портреты адмиралов Г. И. Невельского и Н. Я. Шкота — исследователей дальневосточных морских пространств. В 1850 году впервые Невельский зашел в эти места, в бухту, назвав ее «Бухта Круглая» и отметив наличие в ней «большого камня». Спустя семь лет другой исследователь, Н. Я. Шкот, по имени которого назван район Шкотовский, составил морскую карту Уссурийского залива и наименовал бухту «Большой кувшин».

В таких вариантах рождалось нынешнее наименование бухты, которое дало название и поселку — Большой Камень.

• В честь братьев Алексеевых

Есть в деревне Изведеркино, в Чувашии, улица Братьев Алексеевых. Их было восемь. Восемь солдат из одной семьи сражались на фронтах Великой Отечественной: Иван — авиатор, Григорий — артиллерист, Фрол, Родион, Александр — водители автомашин, Егор, Михаил и Павел — пехотинцы.

Пятеро из братьев не вернулись с войны. Одно за другим приходили письма с незнакомым почерком: «Ваш сын погиб смертью храбрых в бою с немецкими захватчиками...» Иван, который в сорок первом отбывал последние дни действительной службы, погиб в первые дни войны. Григорий погиб на Днестре. Наши войска успешно форсировали реку, но фашисты не хотели сдаваться: несколько раз переходили в атаку, впереди шли танки. Артиллерист Григорий Алексеев уничтожил несколько машин. Когда разбили его орудие, Григорий схватился за гранаты. В одном бою он уничтожил шесть вражеских танков, из них — три «тигра», сам был смертельно ранен. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 октября 1943 года ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза... Егор погиб под Житомиром. Пятеро их было, что остались на полях боев.

Родина не забывает героев. На их доме — мемориальная доска. А там, где начинается улица Братьев Алексеевых, заложен памятник матери восьмерых солдат — Татьяне Алексеевне Алексеевой.

Об этом написал в редакцию корреспондент районной газеты Михаил Петрович Авдеев.

• Улица Петра Пилютова

Прославленный ас, который еще в 1934 году был награжден орденом Ленина за спасение челюскинцев, Герой Советского Союза Петр Андреевич Пилутов командовал в годы войны 29-м авиационным полком, защищая ленинградское небо. Немало боев провел он, но воздушный бой 17 декабря 1941 года — это день рождения летчика — был особенный.

Пилутов сопровождал девять самолетов с детьми блокадного Ленинграда, летевшими на Большую землю. Над Ладогой советские транспорты были настигнуты шестью «хейнкелями». Пилутов сумел отвлечь внимание врагов от безоружных ЛИ-2 и один принял бой. Он сбил два «хейнкеля», но его самолет тоже был подбит и рухнул на лед Ладожского озера. Фашистские пилоты стреляли по упавшему самолету до тех пор, пока не истратили весь свой боезапас...

Девять транспортных самолетов с детьми успели уйти и были спасены. Спасен был и Пилутов: обмороженного и израненного доставили его в госпиталь, и врачи сделали невозможное, вернув летчику жизнь. Еще четыреста боевых вылетов совершил Петр Пилутов, довоевал до Победы. Не стало его уже в мирное время.

...В клубе летчиков города Павловска помнят отважного пилота. В школе № 242 ему посвящены материалы музея. А улица в Ленинграде, на которой расположена 242-я школа, названа в его честь.

Два рассказа

Стая

Каждый тогда нес в себе предостаточно свежего, еще полного горячей крови мяса. Накануне к ночи удалось наконец трех коз отделить от стада, окружить и загнать на кромку обрыва, откуда, они, ломая хребты и быстрые свои ноги, рухнули вниз на острия камней. И вот, когда закончился пир и до родимых оврагов оставалось всего ничего, с неба, под треск разрываемого воздуха, точно высверк молнии, на стаю упала смерть.

Стаю вела мать. Сразу же за ней шел он, перерок, которому предстояло скоро заводить свою отдельную семью. Следом за ним — остальные его братья и сестры, и замыкал строй, ковыляя и отставая, отец с давним-давно покалеченной в капкане передней лапой, которая хоть и убавила ему в ходу ловкости, да зато на всю жизнь дала столько великого чутья-уменья, что до того рокового утра он всегда с успехом уводил стаю от людей, успевал вовремя разгадывать все их тайны и хитрости.

Снегу было еще мало. Ровная и серая утренняя равнина, по которой они приближались к черневшим впереди, глухо заросшим оврагам, была пустынна и гулка, задалёко выдавая всякий опасный звук. Все было как обычно. И по-обычному слышался один высокий машинный гул — люди давно уже приспособились летать над этими равнинами. Ничто не предвещало скорой опасности, как вдруг гул машины усилился до грохота, резко обрушившегося вниз, и вот тогда-то раздалась сверху частые выстрелы, будто хлесткие вострески молний, разрывающих воздух.

Его сперва оглушило — пуля, видимо, попала по лбу скользком, и это — спасло. На бегу теряя сознание, ослепленный на миг этим внезапным ударом, он упал и его перекинуло через голову. Гаснущим слухом уловил он, что машина вроде бы удаляется прочь. Когда через несколько мгновений он очнувшись и вскочил на лапы, машина и верно была уже в стороне. Возле него в судорогах еще бились, уткнувшись в окровавленный снег

уже недвижимые морды, его прибылые брат и сестра, а отец, завалившийся на бок, мертво глядел в небо блестящим, ничего теперь не различающим глазом, в котором, как живой человеческий огонь, отражался красный, только что народившийся рассвет.

И прыжками, стелясь над самой землей, благо не засыпанной еще глубоким снегом, он, повизгивая из-за второй раны — в правой лапе, помчал напрямик к родным спасительным оврагам, прочь от которых уводили невольно за собою ревущую и стреляющую машину либо мать, либо кто другой из сестер и братьев его.

Достигнув оврага, он скатился вниз в его спасительные дебри и затих, прислушиваясь.

Машина некоторое время еще летала над равниною.

Затем она стала приближаться к приютившему его оврагу, и он, вовсе заползни под кустарник и распластавшись здесь, словно намертво слившись с землей, услышал, как машина прогромычала в вышине над ним и оврагом, тень ее скользнула и удалилась, наконец, вслед за звуком самой машины: люди, возможно, еще надеялись отыскать его по следу. Но здесь, среди чащ, в глубокой глуши оврага выслеживать его сверху было пустой затеей, гул машины исчез и больше не возвратился. Он зализал раненую ногу, к счастью, ее только оцарапало, как и лоб.

С сумерками, едва на небе начали проступать первые, робко мерцающие звезды, он осторожно всполз вверх по склону оврага и чуть выставил морду, жадно ловя воздух.

Ветер тянул над равниной не встречая, а боком, и он, так ничего и не учуявши, выбрался, когда взошла луна, из оврага и завыл, сзывая соплеменников. Но никто на его зов не откликнулся в ночи. Пред ним, насколько было видно и слышно, простиралась безмолвная и пустынная равнина, мягко залитая светом луны.

Таясь то овражками, то в тени кустарников, обежал он эту равнину и с подветренной стороны чутьем и ухом еще раз напряженно ослушал ночь. Но опять не различил в ней никакого следа стаи.

Лишь тогда с осторожностью, перенятой от отца, приблизился он к тому месту, где стаю на рассвете внезапно настигла смерть, унававшая сверху вместе с машиной. Нет, все было тщетно — стая растворилась, исчезла, будто все они, мать и отец, братья и сестры, вдруг научились, как люди, подниматься и улетать с земли. Слабый, но характерный, какой ни с чем не спутать, дух машины, которая нынче осмелилась нарушить здешний обычай, все еще присутствовал вокруг и долго мешал ему подойти ближе к тому месту, где на рассвете упали первыми отец, брат и сестра.

Вдруг в высоком ночном небе снова послышался, как и утром, далекий, едва различимый

рокот, который для него тотчас же нерасторжимо соединился с только что учуянными близкими запахами. Он припал к земле, прижав уши, точно изготавливаясь к защите, встречному нападению, к прыжку, а шерсть у него на загривке поднялась от бессильной ярости. Но эта ночная машина, не нарушая обычая, далеко и на вышине облетела равнину стороной. Однако, хотя рокот ее постепенно стих, он все продолжал чувствовать едкий и опасный ее запах, досягаемо близкий и упорно мешавший ему продвинуться дальше. Наконец он сообразил, что сейчас пахнет, наверное, не этой машиной, что он различает запах, оставленный ею здесь на рассвете, и тогда с осторожностью приблизился к тому месту, где этот запах рождался.

На снегу он обнаружил два темных, дурных пятна, словно машина была тоже подшиблена и потому пролила из себя немного своей черной и жирной, отравленной железом, крови.

От собственного бессилия лязгая в бешенстве зубами, будто он смог бы тотчас отомстить за боль и унижение, если б перед ним вдруг оказался снова этот железный и смертельный утренний враг, он, сделав несколько стремительных прыжков вокруг, обежал эти пятна и затем загреб их. Но никак не смог заглушить полностью их дух и понял, что отныне ему необходимо решительно сторониться таких машин.

Он снова обежал всю равнину, в которой утром исчезла стая.

Но не обнаружил ни одного уходящего из круга следа, кроме своего собственного, тянувшего с равнины в спасительный овраг, и утреннего следа всей стаи, пришедшей сюда после охоты и пира.

Звать сородичей было бессмысленно, и он устремился окончательно прочь от этого окаянного места. В ночи, по-прежнему таясь ложбинами и кустарниками, он достиг первого перелеска. Столь же сторожко — другого. Иногда он останавливался и выл, призывая кого-либо из своих собратьев откликнуться, но ночь безмолствовала.

И он шел дальше.

Все дальше и дальше на север, откуда ветер доносил до него дыхание беспредельных лесов, в каких он уж точно станет неразличим сверху и потому, как ему представлялось, недосягаем для людей вместе с их нарушающими обычай машинами.

Упрямо шел он на север и вторую ночь.

И третью.

Совсем не подозревая при этом, что уже далеко до того, как достигнет желанных лесов, дыхание которых долетало до него вместе с ветрами, он станет отныне лесным волком. Но одно он знал определенно и твердо — теперь он одинокий волк, которому не так-то легко будет прокормиться.

Возможно, он прошел бы на север и еще дальше от этих мест, где наткнулся на небольшой леспромхозовский поселок.

Голод и мечта встретить наконец собратьев неодолимо влекли его все дальше и дальше в тайгу и, как знать, довели бы, быть может, и до самой тундры, но здесь, возле этого поселочка, куда он наметил просто завернуть на ночь, чтоб, если повезет, прирезать какую-нибудь лопухую, зазевавшуюся собачонку и подкрепиться перед новой дорогой, ему неожиданно-негаданно повезло по-настоящему.

Где-то в середине дня он услышал вдруг неподалеку злобный лай собаки, затем учуял людей и сохатого, и почти тотчас в той стороне раздались выстрелы, и лай стих. Он насторожился было, но запахи людей и зверя стали постепенно удаляться, а оттуда, где только что раздались выстрелы, веяло теперь свежей кровью.

И голод поднял его с лежки.

Он шел осторожно, хотя и все более дуря от духа свежей крови, который слышал все явственней. Шел, то и дело заставляя себя терпеливо вслушиваться в звуки и запахи тайги, чтобы надежнее убедиться, что сохатый и люди уходят все дальше.

Так достиг он заброшенной лесосеки, увидел на ее краю следы борьбы и охоты и нашел здесь истерзанную копытами зверя, обезображенную в схватке собаку. Как ни был голоден, но, опасаясь ловушки, он, не приближаясь к своей нечаянной добыче, немало выждал времени, пока не убедился, что он и в самом деле здесь один и пока не начали слетаться к его добыче вороны и сороки. Когда они темно и шумно облепили сосны на краю лесосеки, он, еще раз убедившись, что людей вроде бы не слышно нигде поблизости, не в силах более сдерживать голода, наскоро наглотался свежей псины, отпугивая мрачных и столь же, что и он, голодных птиц, да и убрался с лесосеки до ночи.

Остаток дня провел он в нетерпении и беспокойстве; иногда вскакивая с обмятого снега и запутывая след, делал круг, другой возле лесосеки и снова залегал в чаще, мордой к ветру и свежему своему следу. К вечеру он еще раз услышал людей, которые прошли мимо своей дневной тропы, какую проложили за зверем. Но зверя они не нашли; лишь запахи своего пота и пороха пронесли люди сквозь лес к поселку.

В полночь он снова с великою осторожностью пришел на лесосеку, но то, что оставил он от убитой быком собаки, было уже растащено птицами. Голод же, лишь ненадолго притушенный, вновь дал знать о себе, и, уловив все еще присутствовавшие вокруг запахи подшибленного людьми сохатого, которые днем перебивала тут окровавленная псина, он отыскал на окружающих деревьях брызги звериной крови. Да, зверь был определенно ранен, люди же возвращались

в свой поселок явно без добычи, и тогда он уверенно пошел в глубь леса по следам людей и обреченного зверя.

Несмотря на то, что след зверя много выстыл и его тихо к тому же заваливал мягкий, пушистый и безветренный снег, начавшийся вскоре после полуночи, кровь, какую, отфыркиваясь, разбрызгивал на деревья вокруг смертельно подшибленный бык, надежно вела его по тайге. К рассвету, наконец, он уже верхом почуял не одну только кровь, а и самого сохатого: бык находился теперь совсем неподалеку, где-то впереди, и он был мертв.

Из предусмотрительности он все-таки не сразу подошел к нему, а лишь тогда, когда убедился, что он здесь один и потому вся добыча принадлежит ему одному.

Этот подшибленный людьми и сумевший убежать от них зверь на некоторое время спас его от голода и слабости: случившийся ночью снегопад, не прекращавшийся сутки, помешал, вероятно, людям отыскать свою добычу на следующий день, надежно захоронил все следы.

На третью, однако, ночь он обнаружил, что пришел к добыче не один.

Кормясь впрок, он пробыл у туши почти до рассвета и тогда лишь увидел своего нового соперника. Им оказалась довольно рослая рысь-кошка. Она страдала от голода и, залегши на сосне неподалеку, прижав уши, не только шипела и мяукала, но время от времени принималась в возбуждении скрести по дереву когтями и, скаля клыки, пристально и не мигая следила за ним неотступно зелеными, мерцающими огнями глаз. Приближаться при нем она все же не осмеливалась — зверь был как-никак его личной добычей, но со временем, как знать, голод мог лишит кошку благоразумия, и в схватке они могли бы если не погибнуть, то мучительно изувечить друг друга. И перед рассветом он, пускай и с неохотой, разумно удалился.

На следующую ночь он обнаружил, что кошка к останкам туши явилась первою. Однако в этот раз она была уже не столь голодна, как вчера, сохатый же по-прежнему был его законной добычей, и в свою очередь, хоть и с явным неудовольствием, рыча и пятясь, уже кошка не без благоразумия сама уступила ему место.

Так, по очереди, они и кормились здесь некоторое время, соблюдая осторожность и вежливость.

Он набрался достаточно сил, чтобы, пожалуй, идти снова дальше на север и рано ли, поздно да найти там кого-либо из своих сородичей, но в тайге уже пали глубокие снега и продвигаться стало возможным лишь лесными дорогами. Но все они были заезжены машинами, то тут, то там проливших на снег черные сгустки своей, отравленной железом, вязкой крови, запахи которой умерщвляли все другие вокруг, мешая надежно

судить о близости добычи или беды. Кроме того, ему еще раз повезло на неудачную лосиную охоту людей: они снова ранили зверя, и бык снова ушел от них. Раненый зверь увел его в этот раз столь далеко за собою, что настиг он его лишь к утру, в глухом болоте, где тот залег, уже не различая, вероятно, погони и рассчитывая, наверное, надежно здесь отлежаться.

Сохатый все еще был жив, но при его приближении встать, однако, уже не смог, и, когда увидел его, пришедшего уверенно, рев отчаянья и обреченности вместе с хлынувшей кровью унес последние силы. Захлебнувшись, бык уронил морду, облепленную розовой пеной...

В общем, на зиму он остался в окрестностях этого небольшого леспромхозовского поселочка, и так в поселочке родился слух, что в округе появились «стаи волков», а уж это, дескать, непременно сулит наступление сурового и голодного времени.

Зима в тот год, и верно, выдалась хоть и снежная, да морозная, и добывать пропитание становилось лесному жителю со дня на день все труднее.

Ночами он приспособился обегать заячьи тропы, на каких люди ставили петли-ловушки, и нет-нет да везло на свежую зайчатину. Но с приближением новогодья, самой глухой и непроходимой зимней поры, его все более, чем голод, принялось измучивать другое: в стороне поселка ловил его слух по ночам звуки собачьих игрищ — наступало время свадеб. И после полуночи все чаще привнялся он невольно наведываться ближе к поселку, в котором к тому часу уж и вовсе утухали всякие огни и становился отчетливо слышен мороз — потрескивали деревья, снег, сараи и избы.

На первых порах он вел себя крайне осторожно, лишь издали наблюдая за жизнью ночного поселка, в котором без умолку перекликались друг с другом испорченные зависимым существованием его далекие родственники. Они настолько обленились сами добывать себе пищу, настолько потому стали трусливы, что разучились нападать, привыкнув лишь поднимать лай и переполох, призывая на помощь человека.

Иногда его нюха вдруг достигал возмущающий кровь запах какой-нибудь суки, и тогда, никак не в силах сдержаться, он принимался выть от охватывавшей его тоски по стае и сородичам, выть на луну и звезды. Унылый и тоскливый, точно молитва, одинокий его вой вызывал смещение среди поселковых собак. Разбегаясь по дворам, они жаллись к спасительным сеням изб, беспреестанно лая, и кое-где на этот их всполошенный лай люди в избах зажигали свет и выходили на крылечки.

Он же, сперва рассчитывавший всего-то лишь разжиться в подворотне, а то и на самом подворье зазевавшейся собакой, чтоб подкрепить силы, но невольно обнаруживая себя заранее собственным

воем, возвращался подобию-поздорову в лес на поиск все более скудным становившегося пропитания.

Но однажды его ожег зов почти что волчицы. Нет, это, конечно, была все-таки собака, и все же в ней еще так много слышалось волчьей крови предков. Вот тогда он и не выдержал, чтоб не пойти задами усадеб на ее нетерпеливый и требовательный зов.

С его приближением к жилью собаки привычно разбежались по дворам, подняв отчаянный лай вокруг. У изгороди усадьбы, откуда летел к нему этот неодолимый зов крови, тенью промелькнул какой-то ослепленно зазевавшийся кобелишка, вовремя не учувший появления могущественного соперника. Вовсе не из крайней голодной нужды, либо там — ревности, а просто инстинктивно, по привычке он тут же его прирезал. Даже запах человеческого жилья не остановил — он, перемахнув во двор, увидел наконец ее, эту, все еще так напоминавшую волчицу, черно-серую суку. Но, как ни дурманил его зов любви, он успел вовремя различить, что в избе проснулись люди и что кто-то вышел в сени.

Человек появился на дворе, когда он уже покинул усадьбу, перемахнув через прясло на задах. Он расслышал голос человека, что-то крикнувшего своей собаке, запомнил крепкий запах его пота и табака, подхватил только что прирезанного кобеля и умчал к себе в тайгу.

На следующую ночь, пришедши на окраину поселка, он опять почуял ее и сперва завыл, не столько призывая ее, сколько просто, может быть, давая знать о себе в округе.

Он увлекся. Вой его постепенно обратился в песню, в какой по-своему, то есть по-звериному, нашли выражение вся его тоска, его мечта о подруге, об отцовстве и детях, в конечном счете — о стае, в которой каждый волк становится много сильнее. А сила — это еда и жизнь... И вдруг он услышал ее ответ: она, конечно, не пела, потому что не могла петь, как волки, она скулила по-собачьи уже поблизости, потому что сама пришла на его призыв. Вероятно, хозяин ее, испугавшись, что он, волк, может зарезать ее на цепи, спустил ее на волю, рассчитывая, что на свободе ей будет легче увернуться...

Как бы там ни было, они сыграли свою свадьбу, и лишь на четвертый день она вернулась к людям, без которых, видимо, пока никак не представляла себе жизни.

Ночью он сам снова пришел в поселок, но в этот раз чутье благоразумно остановило его у прясла: он успел расчуять запахи пота и табака ее хозяина, затаившегося где-то поблизости, потому что еще расслышал и слабый, едва уловимый, но смертельно опасный, характерный запах металла и пороха. Она, учувши его в свою очередь, заскулила было на подворьи, но он, пятясь, отполз подальше от прясла, и едва прыжками

устремился в болото, за которым его ждал лес, как в угон раздался выстрел. Картечь, однако, не задев, прошла на излете мимо.

После этого он долго не приходил к поселку, продолжая некоторое время упрямо искать в тайге сестер и братьев, хотя по-прежнему никто в округе так и не откликнулся на его призывы. Более того, постепенно он понял даже, что теперь ему пора уже насовсем, быть может, прочь уходить из этих, столь одиноких мест, но сперва удерживали глухие и глубокие снега, по каким в бескормицу далеко не уйдешь, и все те же обжитые машинами дороги. А ближе к весне уже другое помешало ему сняться навсегда из этих мест.

Чувство это оказалось неподвластным ему. Оно явилось вдруг, как прямое следствие пережитой любви. Да, нечто совершенно новое произошло с ним. Он не сразу сообразил, что обшаривать все самые глухие уголки окрестной тайги заставляет его не что иное, как стремление найти и оборудовать логово. Подходящих же для логова мест было здесь немало — и недоступных, и со свежей горной водой.

К лету он оборудовал себе нечто вроде логова — в захлавленной крепи, неподалеку от обжигающе холодного ручья, под вывернутой с корнем лиственницей, куда можно было пробираться несколькими удобными лазами. Но он по-прежнему был одинок и потому не всегда возвращался на дневки к этому подобию логова, а иногда заваливался на отдых где-нибудь в других местах. Что ж, он действительно оставался совершенно свободен, и, кроме одной мечты-инстинкта о стае, его ничто реальное не связывало с логовом подле вывернутой с корнем лиственницы.

Но вот однажды...

Уже пошла в рост трава, и за огороды крайних изб поселка люди стали выгонять коз и овец. А у него как раз подряд несколько дней охоты выдались пустыми, и, как ни предупреждал его о постоянных смертельных опасностях резкий дух близкого человеческого жилья и машин, на которых с лесосек в тайге к поселковой пиломрамё выволакивали лес, он решил все же напасть на табунок у поселка, что безо всякого пристмотра ощипывал траву на узком выгоне, с трех сторон огражденном болотом.

Сперва он отыскал среди болота едва заметную тропу к поселку — старый след от прошедшей здесь когда-то давным-давно машины, запах которой уже умер с годами. Ею, по брюхо в воде, дождавшись встречного ветра, и дополз он до выгона, да и затаился среди крайних кочек, ожидая, когда овцы с козами продвнутся настолько, чтоб в несколько прыжков удалось отрезать им путь к пряслам, а там... там хоть одна из них да шахрахнется к болоту, где он без труда настигнет ее

и болотом же утащит прочь. Погоня не страшила его, потому что никакая свора собак, даже если б нашлись в поселке столь отчаянные, не смогла бы окружить его на тропе, а поодиночке... Он чувствовал и знал, что поодиночке может перерезать сколько угодно таких преследователей, тем более, что люди не скоро смогли бы прийти им на выручку.

Он был вынослив и терпелив, как настоящий прирожденный охотник, и уже долго ждал того последнего, сладостного мига охоты, какая нынче сулила ему почти что верную удачу, как учуял неожиданно слабый родной дух и, приподнявшись от волнения, определил и точно, откуда он исходил: волком и стаей нанесло на него вдруг от человека с мешком за спиной, который появился среди огорода той самой усадьбы, где зимою он зарезал замешкавшегося кобеля и где впервые увидел собаку, столь походившую на волчицу. Этот родной запах, этот дух стаи оказался столь силен, что он уже ничего более не был способен теперь различать, вернее — ни на что более уже не обращал внимания.

Человек с мешком за спиной направился вдоль изгородей за поселок.

Ловко и тихо, как только способен передвигаться один зверь-охотник, всю жизнь вынужденный выслеживать добычу, он краем болота, сливаясь с пожухлой травой, еще покрывавшей не успевшие сплошь опуститься новой зеленью кочки, на расстоянии последовал за человеком с мешком, чужь временами уже не просто запаха волчат, а и писк самих щенков. Ему не нужен был теперь никакой след, он брал щенков и человека верхом, не видя его, но точно зная, куда тот движется.

За крайней усадьбой поселка человек вышел на дорогу к бору, которая вела к давно покинутым коровникам, по мостку пересек ручей, вытекавший из болота, и скрылся за крайними деревьями. Проскочив открытое пространство и полагаясь теперь еще и на слух, четко различавший шаги человека по лесной тропе и по-прежнему ловя его резкие запахи пота, табака и одежды, он, укрываясь подлеском, шел дальше уже не следом, а почти рядом с человеком, пока тот у берега запруды, устроенной на лесной речушке, из которой раньше поили скотину, не остановился и не скинул мешок на землю.

Мешок шевелился у его ног и оттуда явственно слышался писк щенков.

Это, видимо, крепко раздражало и злило человека, и он несколько раз пнул мешок за то время, что курил, но щенков это несколько не усмирило, и, не докурив, человек, в сердцах швырнув папиросу в воду, энергично направился кустами вдоль берега.

Что человек собирался делать здесь дальше, он не знал, но сейчас пред ним в мешке человека находились щенки его племени и они скулили

беспрестанно, ища и не находя выхода. Разве они не то, ради чего он жил всю эту зиму, ради чего пришел в эти леса и всю весну упорно искал подходящее логово? Разве нынче это наконец не его стая?

Прислушавшись, он по плескам воды определил, что человек зашел на перекате в воду и теперь ворочает камни.

Кто знает, сколько времени человек будет заниматься теми камнями, и, метнувшись к мешку, он мигом располосовал его, тотчас мордой ткнулся в горячие, трепещущиеся комочки и, подхватив первого же попавшегося щенка, поскорее оттащил его подальше, в глубину непролазной для человека уремы, где еще с зимы был у него свой надежный лаз. Когда он вернулся за следующим, щенки уже самостоятельно все выбрались из мешка.

Он успел перетащить и второго, и третьего и когда вернулся за последним, уже успевшим добраться до кромки воды, то почти вплотную столкнулся с человеком, вывернувшим из-за кустов с камнем в руках. На миг от неожиданности оба они недвижно застыли друг перед другом. Он припал к земле на передние лапы, а шерсть на загривке невольно встала дыбом. Нет, он и в этот раз разумно отступил бы... да, и в этот раз, как всегда перед человеком, врагом коварным и достойным... но сейчас разглядел вдруг испуг в глазах человека и пока лишь из самообороны осканился. В следующий миг человек вскрикнул, выронил камень и, спятившись, исчез в кустах.

Он же, не мешкая, подхватил у воды последнего щенка и перенес его к остальным.

Из уремы определил, что человек уходит поскорее в поселок, и перетащил щенков на новое место подальше от запруды с располосованным мешком на берегу. Затем и еще дальше. И еще.

Когда он со щенками был уже достаточно далеко в лесу, со стороны поселка слышался лай собак и даже громыхнуло несколько выстрелов. Но щенков он уносил, привычно путая след на ручьях и перекатах, добрых же гончих в поселке, видать, не было, и к ночи собаки увели погоню далеко в сторону, а затем и вовсе все стихло.

Уже в глубокой ночи, убедившись, что преследователи заблудились, он наконец собрал щенков всех вместе подле корней вывернутой из земли лиственницы, где еще весною безо всякой надежды, повинувшись лишь инстинкту взрослого, познавшего любовь волка, выбрал главное логово.

Щенки оголодали и требовали пищи, но он покуда мог дать им всего только ласку и, обливав каждого, точно мать, он некоторое время, отдыхая, просто полежал с ними, чувствуя, как они ползают по его брюху, ища материнское молоко и не находя его. Что ж, они еще не были настоящими волками, ему еще предстояло сделать их ими, и сейчас им для этого требовалась всего более их мать.

Мордой согнав щенков в кучу, чтоб они держались друг друга, он прямою дорогой возвратился к поселку.

У запруды, где из мешка освободил щенков, уловил слабые запахи вечернего пороха, свежие еще наброды людей и собак, но путь дальше был свободен.

У той усадьбы, на задах которой зимою зарезал оплошавшего кобеля, он сперва затаился. Услыхал, как в глубине подворья где-то скулит беспрестанно мать щенков, и, не обнаружив вроде никакой засады, уже не таясь, перемахнул скорее во двор. Мать зарычала на него, но запах щенков, что ли, какой он невольно принес с собою, тут же ее успокоил, и она жадно его обнюхала, а он резал зубами ее ременной ошейник.

Скотина тотчас же, конечно, учуяла его появление на подворье, и овцы в стайке всполошенно заблеяли, но хозяева выскочили из избы на переполах, когда они оба уже перемахнули через прясло.

Прямками повел он ее за собою к тропе, проторенной им через болото по следу машины, и к раннему рассвету успел привести мать к оголодавшему вконец и иззябшим щенкам. А сам тотчас ушел на охоту, потому что теперь родилась стая. Его стая. И не столько мечта, сколько требование его природы; и теперь еще предстояло сделать и из этих щенков, рожденных собакою, и из самой их матери настоящих охотников-волков. А для этого сейчас прежде всего нужно было свежее мясо. Много дикого, полного горячей крови мяса.

Щенки быстро крепили и, в отличие от матери, скорее становились истинными волками.

Да и ему в это лето по-настоящему везло на удачные охоты — в одиночку удалось взять несколько косуль, а затем, уже и с матерью, то ли вспомнившей охотничьи законы предков, то ли быстро усвоившей их от него, они ходили на выгон у поселка вместе. Она к самой кромке болота легко нагоняла на него с наветренной стороны поселковых овец и коз, так что он ни разу не промахнулся в боевом броске. И всякий раз к тому же они успевали далеко уходить от неловких погонь: она наловчилась в сторону за собою утаскивать поселковых собак, а затем возвращалась к своей молодой стае. Что ж, законы собак и людей она знала гораздо вернее, чем он.

Все явственнее приближалась зима.

Наконец настало время, когда пора уже было выводить повзрослевших щенков на первую охоту, а затем и вообще увести молодую стаю подальше отсюда — на север, откуда теперь все чаще дули ветра, оголявшие деревья и приносившие в себе могучее дыхание безбрежных таеж-

ных пространств. Чем глуше они, тем безлюднее, а значит — тем больше в них зверя и пищи.

И вот наступило утро, когда уже по снегу он повел свою молодую стаю на первую охоту.

Давно и заранее выследил он, где переходы косуль, и в последнее время берег эти места, чтобы прийти сюда вместе со стаей, чтобы первая же охота оказалась, по возможности, удачной и быстрой. Но снова, как и тогда, когда он впервые очутился в здешних краях, им помогли случай и охота людей: они вышли на след раненой лосихи, за которой почему-то никто, однако, не шел. Снегу было еще немного, люди же, вероятно, стреляли зверя без собак, набродом, и след среди болот утеряли.

Залегшую в болоте и потерявшую силы корову они нашли неподалеку. Повинуясь ему, стая выждала, пока корова не перестанет дышать. Близость стаи несколько раз побуждала лосиху подниматься, но это лишь отнимало у нее остатки сил и ускорило конец.

Сытою после первой же охоты он привел стаю на отдых в логово под корнями поваленной лиственницы.

Да, теперь у него была своя семья, своя стая, а значит — и свой дом.

А что может быть крепче семьи, живущей по законам любви и единой крови? Через день, другой, он поднимет стаю и поведет ее теперь туда, где не будет вовсе никаких людей с их неприменными машинами, в которых течет дурная и черная, пахнущая железом кровь; где не будет поселков, пронизанных дымом, псиной и порохом. Он приведет своих молодых волков к другим волкам, чтобы все они, когда взматереют, смогли завести свои стаи и тем продолжить род вольных, быстрых, бесстрашных и изворотливых охотников. Он сумеет научить их далеко и неслышимо обходить людей и их селения, неумолимо вторгающиеся в леса и степи, выживающие из них не только волков, а и всех других, кто привык жить, полагаясь исключительно лишь на самого себя, либо на одни свои слух и чутье, либо на свои крылья и скорые лапы, либо на тонкое умение охотиться и разгадывать уловки других...

Впрочем, всю оставшуюся до утра ночь он провел отчего-то в беспокойном, тревожном возбуждении. Что ж, отныне он был вожак и теперь ему было положено постоянно беспокоиться за судьбу всей стаи. Мать же и щенки вели себя как обычно, и, глядя на них, он усмирлял свое, нынче совершенно необъяснимо возникавшее волнение.

Когда после восхода солнца в лесу вдруг раздался крик людей и послышались удары палок по стволам деревьев, лишь тогда он сообразил, что ночное его беспокойство не было все же дурным, чрезмерным и беспричинным. Нет, инстинкт охот-

ника, умеющего и нападать, и вовремя уходить от погони, его все-таки не подвел, все-таки он предчувствовал опасность. Но радость и удовлетворение от вновь обретенной семьи и первой же добычливой общей охоты, которая принесла с собою благодушную сытость, опасную для чуткого зверя, вот что обмануло его!

И всегда, видимо, будет обманывать, пока рядом будут находиться люди, потому что они не только их, волков, но и всех и вся, что вокруг, включая тайгу и даже небо над нею, никогда не оставляют в покое. Как, наверное, и самих себя...

Теперь надо было просто уходить.

Еще он чувствовал, что за всем этим скрыта, пожалуй, какая-то ловушка. Он чуял это чутьем охотника, не раз загонявшего в безвыходные положения свои жертвы. И потому понимал, что нет смысла уходить туда, куда их определено — нарочно гонят столь откровенные крики людей.

И он повел стаю чуть в сторону.

Повел сперва спокойно, лоя ухом весь тот шум, какой позади и сбоку теперь устраивали люди, необычно для настоящих охотников. Но вдруг впереди, куда он шел и куда вел за собою щенков и их мать, на него нанесло слабый и легкий покуда запах черной и зловещей крови машины.

Он замедлил бег, и стая тотчас от возбуждения, вызванного преследованием, сломала строй и растерянно рассыпалась вокруг. Щенки и мать все оглядывались теперь назад, где по-прежнему не смолкали подозрительные крики и стук палок. А он все тревожнее ловил надвигающийся на него предупреждающий запах машины. И, наконец, остановился вовсе: перед ним вдруг мелькнул красный огонь, и он тотчас вспомнил отсвет степного рассвета в мертвых уже глазах отца, расстрелянного посреди снежной утренней равнины.

Ярость и — нет, не страх! — отчаяние остановили его здесь.

Яркий, будто язык живого пламени, лоскут колыхался у него на пути от ветра, и все резче несло от него машинами, приносящими смерть. Он припал на лапы, лягнув зубами, но весь опыт прошлой жизни говорил ему: это бессмысленно, здесь не пройти, этот красный язык — для него граница жизни и смерти.

Мать и щенки тоже закружились на месте у линии трепещущих лоскутков. Оборачиваясь, рыча и поскуливая, они тревожно ловили звуки погони, которая становилась все ближе и теперь, прижимая все теснее к колыхающимся лоскутам, заходила даже откровенно сбоку — люди, вероятно, вышли уже и на сам след стаи и шли по нему.

Первою не выдержала мать и устремилась вдруг вперед, прочь от приближавшихся криков, навстречу черте, означенной предупредительно красными лоскутами. Что ж, она долго была слугой человека и только недавно стала вольным зверем, а потом не могла знать, наверное, что

несет в себе этот резкий, коварный запах... Он не успел предупредить ее, преградить ей дорогу — она уже пересекла неодолимо запретную линию, а за нею... за нею следом послушно перешли и щенки.

Там, чуть отбежав поодаль, она остановилась. И щенки тоже.

Она и дети звали теперь его за собою, недоумевая, что же он не идет за ними. Крики и шум оклада становились все ближе, а он по-прежнему ничего не мог поделать с собою: от линии лоскутов исходил все более зловещий дух черной крови машин, несущих смерть, близость которой он уже пережил однажды, когда погибла в степи вырастившая его стая.

И тогда, уже различая за стволами деревьев черные фигуры самих людей, он направился вдоль линии лоскутов.

Стая, тоже увидев людей, некоторое время хоть и в отдалении, а шла как бы еще едино с ним, только с внешней стороны линии. Но вот — все-таки благоразумно — стая дружно и круто завернула в глубь леса и исчезла из виду. Щенки легко повиновались сейчас матери.

Он же все продолжал и дальше торить свой, теперь уже одинокий путь навстречу судьбе, держа в глубине подлеска.

Наконец, он как будто услышал перед собою и запах пороха, и дыхание, пусть все еще невидимых, но все равно где-то рядом и впереди приствующих людей, и даже запах металла в их руках, запах оружия и своей смерти.

В этот самый момент его слуха достиг далекий уже, но родной и призывный зов стаи — они все ушли из оклада, и теперь мать спасет щенков, зная хорошо хитрые законы людей... Если уж она у него на глазах осмелилась преодолеть лично для него непреодолимую границу... Но достаточно ли она знает законы волков? Смог ли он обучить этим законам всех их? И успеет ли их научить всему этому кто-то другой?..

Неожиданно он обнаружил, что перед ним как будто вовсе исчезла линия, четко обозначающая жизнь и смерть живыми, горящими лоскутами, столь же зловеще красными, что и мертво освещенный глаз отца, упавшего на рассвете в снег в далекой, родной степи. А вышедшая на волю стая издали все звала его, и тогда он рванулся в эту, открывшуюся перед ним внезапно пустоту, пусть и огражденную явно справа и слева дыханием невидимого пока, но все равно где-то поблизости, в руках у человека затаенного оружия. Уже в воздухе, распластавшись в прыжке над белой землей, он краем глаза уловил сбоку яркую, как молния, вспышку, словно это на все небо беззвучно взорвалось вдруг само тусклое нынче солнце... и перестал жить.

И лишь тогда в лесу прозвучал звук одинокого выстрела.

Егор и Михайловна

Год от году поселок исчезал — безвестно, тихо и неуклонно.

А вместе с ним, столь же безропотно и неотвратно, как она сама это трезво считала, все более приближалась к завершению жизни и Михайловна в одиноком и новом своем доме, срубленном сыном и двумя крепкими зятьями всего-то в прошлом году. Дом сей наконец-то сложили вместо поставленной еще перед самой войной временки, которая, однако, просуществовала преспокойно более трех десятков лет, точно лишний раз утверждая своей живучестью еще один парадокс нашей действительности: нет ничего более постоянного, нежели сооружения временные. В общем, за эти более чем три десятка лет, проживая во временке, Михайловна сумела преспокойно родить, а затем и, не без труда и напряжения, конечно, вырастить сына и дочек.

Нарядно белеющий теперь первосортным шифером и задалеко в улице заметный ладно пригнанными, желтыми венцами из неподсоченной сосны, этот новый домина Михайловны оказался, пожалуй, и последним в поселке. Никто таких крепких на загляденье домов, словно бы в насмешку рассчитанных на века, не только давно уже не ставил здесь, в гибнущем-то леспромхозовском поселочке, а и вовсе не строил никакого нового жилья.

Первым, еще пять лет назад, удалился из поселка совхоз, покинув на произвол судьбы и в итоге на верную погибель несколько вполне добрых коровников, капитально кирпичных, да еще и под железом. И Михайловна подчас горевала по-крестьянски искренне, наблюдая, как репы в полный человеческий рост глушат покинутую людьми и животными совхозную усадьбу.

Три же года назад еще и участок леспромхозовский покинул поселок насовсем. Затем разобрали железнодорожные стрелки и лесоперевалочную эстакаду и оставили один только сквозной путь: двое рельсов — один след, убежал — возврата нет. В довершение к этому сгорело неизвестно кем подожженное опустевшее здание станции и оставило в память по себе пепелище да смертельно раненные огнем тополя. Другой станции учредить на месте сгоревшей не собирались, поскольку теперь пролегал через поселок всего-то один путь без семафоров, и этаким манером даже само название поселка, некогда, на века казалось, прочно запечатленное еще и в трех, так сказать, экземплярах — под коньком крыши на фронтоне и на боковых стенах вокзалишка, — словно бы во-

обще исчезло с лица земли, как бы предвещая тем самым и постепенное исчезновение всякого человеческого жилья в здешней округе.

И наконец — уж если пришла беда, так отворий ворота! — в погибающий и обреченный поселок принялись, откуда ни возьмись, стекаться крикливые цыганские массы, по дешевке скупая дома, спешно покидаемые жителями в этой абсолютно, дескать, бесперспективной, как начали выражаться в районе, местности. И Михайловне временами уж и вовсе не вмоготу стало бороться с тоской и унынием, какие вполне естественно обуревали теперь ее, обыкновенную русскую бабу, прокрестьянствовавшую всю свою жизнь, на глазах у которой по нездешнему черные, что форменное тебе воронье, бесчисленные цыганята взялись дружно и лихо растаскивать с брошенных совхозовских коровников кровельное железо и годный еще кирпич.

Вообще против цыган она лично совершенно ничего не имела, кроме обычного предубеждения, будто глаз-де у них дурной. А так-то, чего ж... люди вроде как все люди — ноги-руки есть, ну а беспечные... так ведь и те, у кого головы тоже будто бы на плечах наличествуют, жизни проживают, случается, еще и ох какие безголовые! И все-таки преспокойно глядеть-наблюдать, как невесть откуда пришлые люди, чужеземного к тому же облика, истапливают в очагах и на кострах за усадьбами ладные еще подворья и прясла и вовсе не пашут под кормилицу картошку, было Михайловне и больно, и горько: у нее на глазах гнила вокруг земля, и следом окончательно гиб и весь родимый на ней поселок, пускай — старинный, не старинный там, а ведь обживший потихоньку и погост, где почти что за век его негромкого существования навсегда поуспокаивалось немало и старателей, и крестьян, да лесорубов с путейнами, обильно, кстати, проливших поту, прежде чем им удалось обратить эти полугорные леса в места, пригодные наконец для более или менее прибыльного проживания. Да вот только внезапно отчего-то все их прошлое уменьше, терпение и старание пошли вдруг прахом...

Потому, когда сын с дочками, в который уж раз, завели речь снова да ладом — а как, мол, глядит она, чтоб совсем к ним в город перебраться для дальнейшей спокойной, на заслуженном, как говорится, отдыхе, жизни со всеми, значит, удобствами (это сын Саня подчеркнул для убедительности!), Михайловна, неожиданно для себя, с серьезностью задумалась, чувствуя, что теперь-

то, наверное, есть и полный резон соглашаться (хотя всегда прежде отвергала даже в мыслях столь естественный для себя выход).

В сентябре, когда дружно выкопали картошку и убрали весь остальной огород, Михайловна и дала на переезд из поселка в город — пока только на зиму — свое окончательное согласие.

Утром в воскресенье сын приехал на «Жигулях» один, чтоб в машину на заднее сиденье влезло все, что мать пожелает брать с собой в город «из тряпок», как он подчеркнул, ибо еще на семейном совете было постановлено, что дом остается как бы постоянно действующей дачей, готовой в любой миг принять — на зимнее воскресенье, допустим! — дорогих постояльцев, и потому обстановку, вплоть до занавесок, трогать незачем. Михайловна и сама-то превосходно понимала, что незачем нехитрую деревенскую обстановку переправлять в город, в квартиру с паркетными полами и с блескучей, коричневой мебелью-шкафами.

И пока собиралась в дорогу, да прибирала в дому, оставшемся пустым на всю, считай, долгую зиму, Михайловна крепилась, держала себя в руках, даже посмеивалась: да чего это, мол, так переживать, ведь просто от печек с дровами в постоянное тепло едет она на время. Но вот уж и погрузили узел с постельным бельем и прочей разной мелочишкой, сели в машину сами, как Михайловна вдруг увидела гревшегося на крыше веранды кота и обомлела, впервые за все утро про него вспомнив.

— Саня... а Егора-то куда девать? — спросила она сына, изготовившегося уже и мотор включить. — А, Саня?

— Какого Егора? — сперва ничего не понял сын и нахмурился в недоумении. Но вот спохватился: — Тыфу ты, ну ты... Здесь, в этом вопросе, ты уж сама решай! — вздохнул он, заключив какие-то недолгие свои раздумья.

Егор же тем временем все продолжал дремать, примостившись на шифере веранды, прогретом солнышком, совершенно не подозревая, естественно, о том, что в эти мгновения должна коренным образом решиться его дальнейшая судьба.

Был же это давно и вполне удовлетворенный условиями своего существования могучий деревенский котик, серо-зеленый, с рысьими пятнами и черными тигриными кольцами по шерсти. Если быть точным, то никаким Егором, кстати, он сперва даже не был. Еще его предшественника, со временем, вымахавшего в кота грозного и самостоятельного, Саня, тогда в школе учившийся, принес в дом и назвал по-иностранному Георгом. Книжку в тот момент, наверное, читал про ихнего какого-то Георга. Само собой разумеется, что Михайловна тотчас перекрестила кота в более привычного русскому уху Егора. Когда Егор

первый сдох от старости, снова Саня, хоть уже и в городе он жил, раздобыл где-то другого котенка, почти ничем не отличавшегося по масти от своего предшественника, и тоже нарек его этим каким-то чужим Георгом, да теперь еще и Вторым. В этот раз, видимо, уже одной шутки ради, потому что книжек как будто никаких развлекательных давным-давно не читывал, а серьезно работал на хорошем, денежном заводе и успешно растил двух сыновей. Михайловна, понятно, и этого наследника мгновенно переделала в Егора, но теперь и сама, как и сын, называла его иногда Вторым.

Егор Второй был кот как кот, что и Первый — себе на уме. Для порядка и поддержания, что ли, спортивной формы придушивал, когда ему заблагорассудится, мышку, другую, редко — крысу. А вот лакомиться синичкой или воробышком — откровенно любил, и мог потому часами напролет терпеливо охотиться за ними, таясь в картофельной ботве недвигно и вроде сонно, пока будущая добыча, потеряв бдительность в поисках жучков и червей, не забредала далеко в борозду, где спасительно взлететь ей мешала разросшаяся картошка.

И вот сейчас, когда Егор мирно дремал на осеннем солнце, ничего про свое будущее не подозревая, Михайловна вдруг трудно задумалась: как же быть-то?

Особой чувствительности по отношению к этому упрямому и своеобразному коту она никогда не питала. Присутствие кота в деревенском доме просто-напросто крайне необходимо, точно также, как и всякие житейские нехитрые приспособления — ухват там, кочерга, веник. Михайловна даже упрямо отказалась записывать кота в домашние животные, когда прошлой зимою приехали студенты опросы какие-то проводить, и, заполняя листок со сведениями разнообразными с ее слов, все норовили вписать Егора в эти домашние животные, а она им настойчиво и вразумительно доказывала, что кот никакая не скотина, а всегда сам по себе, как те же, скажем, мыши.

Глядя сейчас на Егора, Михайловна вспомнила про тех студентов и вздохнула. Саня, по своему истолковав ее задумчивость и вздох, напомнил:

— Так чего ж, мам, делать с Егором будем?

И тут только Михайловна впервые в своей жизни подумала о Егоре как о существе не просто способном, как и все живое, лишь обыкновенно спать, есть и пить, а подумала как о старом члене семьи, которого они здесь чуть не позабыли, обрекая на зимнее тоскливое одиночество в немолдых уж годах, что определенно могло бы закончиться голодом, холодом и... В общем, ясно, чем еще в итоге. И потому сказала:

— А забирать его с собой, Саня, надо. Не оставлять же... Нет, надо же, мы-то сами собрались, продухи в избе закрыли. Он на солнышке грелся,

а в избу ему уже и не попасть было. Неладно оставлять, Саня!

Сын вдруг рассмеялся в ответ:

— Ну, мам! Ты даешь...

— Ты против, что ли?

— Да нет... почему — против? — отмахнулся сын. — Как сама решишь, так и будет. Я к тому, ну, смешно мне... Никогда не замечал в тебе чувствительности к Егору.

Неожиданно для себя Михайловна обиделась:

— Это потому, что он теперь, как и я, на пенсии, считай, оказался! Меня вот самую тоже разве, когда я еще робить в силу могла, кто жалел? Михайловна — туда, Михайловна — сюда...

Теперь уже и Саня обиделся:

— Ма-ам!

— Тащи Егорку в машину, сынок, — Михайловна прекратила спор. — Доживешь до пенсии, тогда поймешь — чувствительность, чувствительность...

Сын с готовностью выбрался из машины, открыл калитку, притащил лесенку, но только представил ее, чтоб подняться на крышу веранды, как Егор, до этого мгновения совершенно равнодушно взиравший с высоты на окрестности, встал на ланы, зевнул, потягиваясь, и, едва Санина голова возникла над кромкой карниза, с достоинством проследовал к дыре под крышу, которую как раз для него-то специально и прорубили, и ловко исчез в недрах чердака. Михайловна с трудом смех сдержала, вспомнив, что на улице Егор предсудотрительно никому в руки не дается.

Пришлось самой выбираться из машины и, открыв замок, возвращаться в сенки, хоть это и дурная примета. Егор, и верно, уже поджидал ее здесь, сиганул сверху к дверц, готовый, едва она приоткроется, в избу шастануть, но Михайловна ловко подхватила его на руки, и, прежде чем Егор сообразил, пусть и по-своему, по-кошачьему, что вольная жизнь для него в этот момент прекратилась, он очутился уже в машине.

— Может, в мешок посадим? — предложил сын.

— А куда он из машины денется? — возразила недовольно Михайловна, прижимая Егора к груди и глядя его, чуть ли не впервые в жизни, отчего с непривычки Егор вздрагивал, настороженно недоумевая: к чему бы это?

— Окошко же открыто, — пояснил сын.

— А ты закрой его, Саня. Поедем, так меня еще продует, не лето, а я старуха, — упрямо заявила она.

Сын послушался — и в пустяках он был с детства покладист, — завел машину, осторожно выехал на накатанную грунтовку посреди поселковой улицы, и для Михайловны, а следовательно и Егора, началась совершенно новая жизнь.

Впрочем, новою городская жизнь была только с виду, с одной внешности, когда все, что тебе нужно, вплоть до морковки, приходится приобре-

тать в магазине. Глубинная же и единственная ее сущность оставалась и здесь, конечно же, неизменно по-прежнему, какою она была, есть и будет всегда и везде для любого честного человека, а уж для рабочего человека — так в особенности: постоянное, изо дня в день, добывание средств к существованию и обеспечение будущего. Но как раз внешняя сторона городской жизни всегда раньше Михайловну и отпугивала от города: больших денег у нее никогда не водилось, а ведь в городе только и возможно на одну денежку жить, поскольку все приходится покупать... Нет, никогда не пугал ее рабочий распорядок городской жизни. Естественно, что ни с какой стороны не могли «угрожать» ее самочувствию, как некоторые насмеливаются утверждать, и полные, скажем, удобства быта в квартире — что такое самой воду таскать, истапливать для постоянного личного обогрева печи и полоскать с мостков на пруду белье уж она-то, слава богу, знала превосходно и давным-давно, в общем-то, устала все это делать. Принимала хорошо Михайловна и то, что молодому, допустим, человеку живется в городе веселей и легче, ибо отработал — заработал, и — никаких тебе хлопот более. Но лично себя она мгновенно здесь почувствовала, как ни у дел вовсе. Она могла бы заслуженно, так сказать, теперь отдыхать лишь. Но ощутила не облегчение, а... а трудность какую-то в новой своей жизни.

Уже на второй, третий ли городской день ее принялись измучивать однообразные мысли о своей полной теперь никому ненужности. Да чего там — никому! Себе даже самой полной ненужности. Более того, нынешняя собственная жизнь в городе стала представляться ей столь же «уютной» и наполненной значением и смыслом, как жизнь птицы в клетке, когда у той все с человеческой точки зрения есть, а вот самой-то птичьей жизни как раз и нету. Однако по характеру была Михайловна старухой терпеливой — жизнь научила жить без скорых и суетливых выводов, с размеренностью и приглядкой. И потому она, взявши себя в руки, попросту ждать стала, когда и как все образуется дальше, и что, возможно, ладно образуется. А что? Всякое бывало, и еще не такое вытерпеливали...

Поскольку же первые городские дни оказались для нее такими отчаянно тревожными, Михайловна более, чем обычно, обращала внимание на своего невольного товарища по беде — на Егора. И жалеть его нынче, тоже необычно для себя, пробовала, но с каждым днем только все больше Егору удивлялась. Ей представлялось заранее, что уж исконно-то деревенский кот, если не вовсе не примет поначалу города, то хотя бы привикать станет к нему мучительно, но Егор, дотошно обнюхав новое человеческое жилище, в каком его поселили, преспокойно и деловито сам сообразив при этом, для кого же в туалете теперь поставлен ящик особый с песком и опилками, облю-

бовал себе на шифоньере под потолком место среди картонных коробок с елочными игрушками и поровнил спать-дряхнуть там дни и ночи напролет. Постепенно он столь обнаглел, что не только привычную ему в деревне отварную картошку и хлебушек перестал есть, а и от сырой рыбки, какую Михайловна дома у себя иногда потчевала, как лакомство на праздник давала, начал нос воротить — одну, мол, ему колбаску нынче подавай. Ну, и о мышах с синичками не скучал как будто...

Глядела-глядела на него Михайловна подолгу в одинокие свои дневные-то часы, когда сын с женою на работе были, а двое внуков — в школе-садике, и диву давалась, как мгновенно приспособился Егор к новым условиям существования, да и вздыхала: «Ах ты, бездельник, ах ты, дармоед дармоедович!»

Но теперь, однако, все больше и больше к нему привязывалась.

Все чаще, удивляясь самой себе, брала она его на колени, садилась с ним подле кухонного окошечка и подолгу смотрела просто так, от вынужденного безделья, на улицу, которая лишь тогда, когда в первый раз на нее глядишь, кажется вся разной и миг от мига не похожей на себя, толькотую, из-за постоянно снующего по ней народу. А приглядишься, и уже замечаешь, что не только все дома на ней одинаковы, но и люди-то в основном одни и те же стакают по ней. Больше их здесь, в городе, людей-то, и все они тебе — незнакомые лично. На улице встретишь — и в лицо не заглянешь из-за стеснения, а из окошечка, когда на всех преспокойно смотришь, то и замечаешь, что все они одни и те же: на работу — с работы; в садик — из садика; в магазин — из магазинна...

Вот так сперва-то в городе у кухонного окошечка с Егором на коленях и проводила Михайловна свои одинокие дневные часы, постепенно догадываясь, отчего этот превеликий бездельник Егор так начал ее здесь притягивать — единственный он теперь был, кто впрямую напоминал ей о родном поселке.

В первое же городское воскресенье, чтоб отпраздновать переселение матери в город, обе дочки с зятями и внуками тоже заявили к Сане. За столом младший зять Юрка, всегда откровенно-общительный, а потому и бесцеремонный, возьми да и спроси:

— Как вам тут у нас, мама? На заслуженном-то? Опытом не поделитесь? Эх, когда еще я свой-то заслужу, заслуженный... Вот уж наотсыпаюсь тогда!

Михайловна похмурилась, повздыхала и ответила:

— Ничего так-то. Только вот по первой поре... — она уж чуть не обмолвилась, что одиноко ей здесь, да опомнилась вовремя. — Только пока мне скучно здесь днями, когда никого в квартире. Без дела-занятия я у вас... А уж тебе, Юрок,

скажу, что, может, как свой отдых заслужишь, так и спать расхочется.

Юрка захохотал, скаля крепкие прокуренные зубы.

— Резон. Расхочешь! — как всегда, немногословно и веско, подтвердил зять старший.

— Мам, — подал тогда свой голос и Саня, бывший как бы признанным председателем семейного совета, а потому и стремившийся рассуждать постоянно по-деловому и убедительно. — Тут ты сама, по-моему, крепко виновата! Ведь все сиднем сидишь и сидишь в квартире. А ты, днями-то, на лавочку у подъезда походи. Походи, походи! Там тебе, знаешь, сколько сразу нескучных-то подружек найдется.

— После еще и по квартирам ходить с Саней станем, вас звать-искать! — развеселилась невестка. — Мама, ау, где же вы там?

— А и верно! — улыбулась Михайловна. И для успокоения детей, чтоб с расспросами ее в покое оставили, еще сказала: — Я ведь сама понимаю, это мне так сначала только. Опривыкну! — И рукой махнула, что, дескать, пустяки все это. — Опривыкну, опривыкну...

Привыкать Михайловна принялась, не откладывая дела в долгий ящик, а решительно — с по-недельника.

Прибрав в квартире после обычной утренней спешки внуков да отца с матерью, Михайловна придумала захватить с собою кота, чтоб как бы не простой зевакою на лавочке-то объявиться («А кота пасти вывела!» — такое хитрое для любопытных придумала она оправдание), и спустилась к подъезду.

Солнце напоследок шарило еще во всю, и Саня, как и всегда ведь, оказался отчаянно прав в понимании практики жизни — через некоторое время появилась на лавочке одна соседка, затем другая, и еще... И незаметно затеялась долгая и совсем необременительная беседа про то, кто где раньше жил, да чем в родных местах занимался.

Не без удовлетворения Михайловна уяснила из разговора, что все они здесь, на лавочке-то у городского подъезда собравшиеся, уже прожившие, считай, свои жизни женщины, как бы и товарки по нынешней беде: кто из деревни, оказалось, а кто и из подсобного перебрались сейчас в город к своим детям, и почти все на первых-то порах тосковали так же по привычному укладу жизни.

Одна соседка с пятого этажа, шибко этак говорливая, но на лицо какая-то неясная, смутная — хитрая, видимо, как решила Михайловна, — бойко и гораздо больше, чем нужно, если б это было все и верно так, засокрушалась вдруг о том, что до сих пор, дескать, никак не может привыкнуть пить воду водопроводную и все свою вспоминает «из колодчика», деревенскую; что завтра же на-

кажет дочке все-таки купить-приобрести ей котомысло, и тогда станет, не лениясь, приносить для себя воду из колонки. Городские старухи ее, смутную-то, знали, видимо, уже превосходно и взялись с увлечением с ней спорить, посмеиваясь, что вода в колонке за два квартала от их дома — тоже водопроводная...

Слушала их Михайловна, слушала, да и принялась потихоньку думать вовсе успокоительно о своем будущем: не она, мол, одна — первая, не она — и последняя, и дело ее теперь, как и для всех ее новых городских товаров, одно — старушечье. Погодя она и вовсе перестала споры слушать, а так-то, задумавшись о себе и будущем, покойно и незаметно пребывала рядом и все же в стороне от спорщиц, пусть и на одной с ними лавочке, пока не хватилась Егора — ведь он вроде только что лежал у ней на коленях, и вот — на тебе, уже удевался куда-то!

— Господи, Егор-то? — засуетилась она невольно и позвала: — Егор, Егор!

Городские женщины близко к сердцу приняли исчезновение малознакомого им Егора и взялись тотчас говорить о котах, их повадках и характерах, но смутнолицая-то, не только, видимо, хитрая, а еще и востроглазая, первая Егора углядела: кот с достоинством, по-царски жмурясь от сознания своего надо всем превосходства, сидел на асфальте возле окошка в подвал и преспокойно дремал в лучах последнего нынешнего солнышка. Тревожить его сейчас Михайловна не стала.

Когда вдоволь для первого раза наговорились и все как будто вызнали про новую свою соседку, и Михайловна про них в свою очередь, кажется, все нужное, — она собралась домой.

Егор сидел все на том же месте у окошечка в подвал и вроде беспечно дремал. Однако при приближении хозяйки вдруг поднялся, но словно только для того, чтоб переменить положение и сладко потянуться. Потянувшись же, хотя и лениво с виду, он проворно, мигом сиганул в подвал дома. В первое мгновение Михайловна расстроилась и рассердилась на строптивца, но следом представила почему-то, что Егор глубоко прав: разве не легче ему там, на воле, где и кошки, поди, вольно гуляющие наличествуют и, чем черт не шутит, вдруг еще и мыши, хоть и непонятно чем питающиеся здесь, в городе-то.

— Ну, погляди! — сказала она строго, чтоб новые товарки не почувствовали в ней слабину к животному, пустейшему. — Наскучит, сам прибежишь, не заблудишься, да только я погляжу, открывать тебе дверь либо нет!

Но Егор в квартиру не вернулся ни в тот день, ни на следующий.

Наконец, внуки и сам Саня его хватились, и тогда решили сообща двинуть в подвал на поиски. Михайловна взяла с собой рыбки, пустую консервную банку и немного молока в бутылке.

Нашли они Егора в глухом и темном углу

полусвещенного подвала на жаркой трубе — ленивец спал, то есть пребывал все в том же самодовольном животном состоянии, в каком люди давно привыкли его видеть и воспринимать. С приближением возбужденной публики, хоть и состоящей сплошь из одних родных и, так сказать, близких, Егор, успев вовремя проснуться, исчез где-то за трубою и осторожно появился снова, тихим мяуканьем откликаясь лишь тогда, когда Михайловна осталась одна, отослав всех своих помощников. Егор, однако, и ей самой в руки не дался, как и всегда-то вне дома, но позволил Михайловне из сторонки понаблюдать за собою. Принесенную ему рыбку он лишь высокомерно обнюхал, зато с жадностью вылакал все молоко, несколько раз прерываясь для отдыха и чтобы сладко облизать с морды брызги. После же трапезы опять вскочил на трубу с распушенным войлоком теплоизоляции и взялся с прилежностью и терпением языком вычесывать шкуру.

И глядя на него, пока он с достоинством насыщался, а затем охорашивался с независимым видом, Михайловна — а ведь еще несколько минут назад она полна была законного хозяйского своего негодования на Егора за его строптивость, упрямство, нежелание возвращаться в квартиру — вдруг подумала о другом, о том, что кот вовсе в городе не растерялся, а нашел себе, оказывается, жизнь и занятие по душе, и что ей самой надо бы окончательно брать себя в руки, да в каких-никаких заботах, от которых невестка осторожно отстраняет ее пока, забывать о своем прошлом привычном образе жизни насовсем. «А то я и вовсе себя глупой какой кошккой вообразила: не смогу опривыкнуть, не смогу опривыкнуть! — рассердилась Михайловна. — А кошка-то, гляди, преспокойно тут живет-поживает, точно испокон веку обитала она в городских домах да еще в этом самом подвале!»

С того дня и началась для Михайловны новая полоса городской жизни.

Она развила по дому бурную деятельность, поощряемую чутко Саней, зорко, видимо, догадывавшемуся, как нелегко матери сидеть вовсе без дела полезного и постоянного, — а жизни без полезного практически дела он сам никогда и никак не представлял и считал дело лучшим и лекарем, и учителем. По его, конечно же, советам и прямым указаниям невестка стала с радостью передавать матери одну домашнюю работу за другой, и теперь, укладываясь спать после трудов и хлопот по дому, Михайловна, не забыв днем уже привычно разыскать в подвале Егора и вынести ему какой-никакой, а еды-лакомства, старалась рассуждать о своей новой жизни спокойно и с трезвостью: «Ну, вот... и опривыкаю помаленьку. Да чего я кошки, что ли, хуже? Я же не просто человек, а еще и баба, и потому житейского у меня терпения... — и в мыслях обращалась при этом не к кому-нибудь, а почему-то к коту: —

Терпения у меня, Егорушка, твоего кошачьего на десяток, поди, таких, как ты, хватит!»

После октябрьских праздников, однако, случилось одно маленькое событие, какого, кроме Михайловны, не заметил никто: из подвала исчез куда-то Егор. Либо отравился (перед праздником, говорили, крыс по подвалу травили, рассыпая испорченную пищу), либо погиб в схватке с собаками, что было мало вероятно, ибо Егор вырос в деревне, где собаки-враги шныряют вольно повсюду. В общем, Егор испарился. И Михайловна, хоть и крепко горюя о потере, но все же подозревая еще мнительно, что не из соседских ли кто старух-товарок (в особенности смутная да востроглазая), чтоб коротать свою дневную скуку, приманил Егора к себе и держит его теперь взаперти, в душе приняла, однако, сей, ею самой вымышленный факт за окончательный добрый знак — и вовсе, значит, кот здесь обывк, нашел неволью, где ему лучше и удобнее. «Знать, и мне — та же дорога!» — заключила она, размышления и с удвоенным рвением взялась за хлопоты.

Конечно же, ее по-прежнему, особенно в тоскливые и сумеречные перед сном минуты, а то и часы, мучили далекие воспоминания об отдельной и самостоятельной жизни в собственном доме, о всем том, привычном глазу, что в родимом поселке ее окружало, что казалось, хоть и не незыблемо вечным — поселок-то определенно на глазах гиб! — но достаточно прочным, чтобы этой прочности хотя бы на одну ее жизнь все равно хватило. Словом, в ней естественно продолжало жить чувство родины, какое живет у каждого человека, и у иного необычайно остро пробуждается либо уже в юности и потом возвращается в старости, либо приходит один только раз — к концу прожитой жизни, которую человек вынужден обстоятельствами доживать где-то на стороне. Силою своего человеческого разума, да еще и помноженного на слепое бабье упорство, Михайловна подавляла в себе совершенно неразумные картинные воспоминания. И чаще всего побыстрее избавиться от таких наваждений ей помогали, как ни странно, мысли об исчезнувшем Егоре, о животном независимом и откровенно своевольном, которое, гляди-ка, как сообразило — что к чему — и переменяло привычное существование на городской образ жизни.

На этом, возможно, не только следовало бы закончить всю эту историю про кота и Михайловну, но если бы она только всем этим заканчивалась, то ее определенно и не стоило бы начинать. Это сколько же вокруг разных людей вдруг и не вдруг перебираются из городов в деревни и обратно, сколько гибнет нынче вековых, как казались некогда, деревень и поселков, и сколько образуется вместо них новых городов-поселений, которым — без году неделя? И нет в том, конечно же, ничего особенного или предосу-

дительного, поскольку жизнь всегда была, есть и будет — исчезновение и строительство, новое строительство, и опять — исчезновение, и в этом — суть ее вечного обновления. Да. Пожар, так, и потому-то рассказывать бы и вовсе начинать не стоило, если б не произошло еще одно событие...

Недели за две до нового года на семейном совете решено было везти внуков-школьников на каникулы в деревню, и Михайловна готовно помчалась в поселок с утренним поездом, отказавшись ждать конца городского рабочего дня, когда Саня смог бы довезти ее на своей машине. Михайловна убедилась сына, что и дорога вдруг после снегопадов занесена и еще не расчищена, и что с утра-то ехать сподручнее — ведь надо к ночи ладом протопить, чтоб в избе, выстуженной за все многие прошлые дни, можно было б, не переживаясь, спать. На следующий день к вечеру она пообещала вернуться как бы «из разведки» и с тем уверенно отбыла.

Поначалу она сильно волновалась: что вдруг сердчишко у ней сразу зайдет, едва она дом свой новый и покинутый увидит, да и весь родной поселок? Но особенно-то сердчишко и не зашло. Наоборот, даже лихо и этак с усмешкою вспомнилось: двое рельсов — один след, убежал — возврата нет... И по дороге от «пути» до дому она лишь намечала практически, откуда, из какой поленицы дрова выбирать, чтоб поскорее огонь в печи занялся, что теперь ли, погода чуть русскую-то печь растапливать, что снег уж потом разве отгребать для ходов-дорожек стоит, когда задымит, что... И так далее, и тому подобное.

С этим множеством дел в мыслях она, трудно миновав полузанесенную калитку, открыла сени, да тут и испугалась сперва, когда сверху на пол что-то глухо свалилось. Но в следующий миг это нечто, упавшее с высоты, мякнуло и прижалось к двери, ожидая, когда дверь скрипнет и наконец отворится.

— Егорушка, батюшки! — пробормотала Михайловна да и дверь, не мешкая, открыла.

Егор закружил по избе, обнюхивая ее и осматривая. Ткнулся в уголок у печи, где Михайловна его приучала есть всегда. Затем взлетел махом на печь и снова прыгнул на пол и, глядя на хозяйку, ошеломленно присевшую в собственном-то дому на табуретку у порога и не спускавшую с него взгляда, приблизился к ней, мяукая, и вскочил на колени. Михайловна растегнула на груди пальтишко, и Егор, чуя там, внутри-то под одеждой, драгоценное человеческое тепло, окунул в него морду.

— Господи, вернулся ведь! И как же ты без поезда дорогу отыскал-нашел, Егорушка? — глядя его, дивилась Михайловна и одновременно ужасалась Егорову виду: был он нынче не то

чтоб худ или тощ, а только весь в ранах и шрамах-памятках да еще и с располосованным левым ухом.

Погодя она все же спохватилась, что делом надо бы ей теперь заниматься, и пока кружила по родной избе, Егор всюду за ней неотступно следовал, громко мурлыкая, а то и мяукая — боялся, видимо, отстать-потеряться. Вот уж когда она на улицу за дровами пошла, Егор за ней все же не последовал — а чего, понятно же: намерзся порядком в бегах и скитаниях, пока бред, неведомо как находя верное направление, добрую полсотню верст от города до поселка.

Затопив сперва все же русскую печь, чтоб скорей открытым пламенем воздух обогревался, крепко остуженный, Михайловна ринулась в магазин купить — а вдруг да случай удачный! — рыбы Егору. Рыба минтай в магазине оказалась, и скоро по этой причине, мигом почти что обернувшись, Михайловна, войдя в избу, обнаружила Егора откровенно сидящим на кухонном столе и даже не пошевелившимся при ее возвращении, напротив — открыто наслаждающимся жаром прямого огня. Обычно-то, как всегда раньше бывало, Егора со стола тотчас бы словно ветром сдувало, но ни Егор сейчас не пошевелился, ни Михайловна не рассердилась — оба превосходно понимали необычность нынешних обстоятельств. Ближе к огню подставила Михайловна табуретку и перенесла кота все же на нее со стола. Затем только, вспомнив, за чем отлучалась, бросила ему рыбки, да и не одну какую-нибудь, а всю, что принесла, разом — на выбор чтобы брал и ел. Как он тут на еду набросился, у Михайловны сил глядеть не стало, и она еще скоро сбежала к соседям через дом — корову они держать продолжали — и выпросила у них пол-литровую банку молока, соврав, разумеется, что себе, а не Егору молоко берет. «Вот смеху-то было бы на весь, поди, поселок, что я исключительно для кота за молоком прибежала», — усмехнулась она, уже не веря, что это и в самом деле она, Михайловна, никогда ведь Егора не баловавшая, нынче за ним, как за ребенком, ухаживать готова.

К вечеру изба ладно прогрелась, и уже в сумерках Михайловна присела к окошку, выходящему на улицу и на заход солнца, откуда еще струился в небо и следом от него — на декабрьскую снежную землю — робкий свет, становящийся все более сумеречным. Егор, уж устроившийся было на печи, спрыгнув, заскочил на стол у окошка и сел рядом с ней, тоже внимательно и недвижно уставившись в улицу. И если всегда раньше, наблюдая, как Егор на подоконнике сидит часами и, не мигая, глядит на жизнь за окошком, Михайловна только раздражалась — и чего он, мол, там видит, ведь ничего же толком не видит! — то сейчас она невольно подумала о том, что там что-то такое он все же замечает, и не только одно свое что-то, а нечто не просто

всеобщее, но и истинное, ибо ведь за столько верст, надо же, отыскать дорогу и возвратиться, в то время как вот она сама маялась, маялась да терпела, а Егор просто взял и поступил, как хотел и как ему было нужнее.

Дом напротив в улице оказался, к удивлению Михайловны, совершенно за время ее отсутствия покинутым. Хозяин после ухода из поселка лес-промхоза перебрался было в лесники, но денежка у лесника далеко не лесорубовская, да и работал Николай в лесниках-присмотрщиках не шишко, а только бесшабашно спивался, сбывая как бы левый лес. И жена его, видимо, рассудила верно, что увозить надо муженька прочь, от безделья подальше. Дом у Николая был еще очень ладный, для постороннего сошел бы и за новый — обшитый тесом и покрашенный. Но сейчас стоял он не просто с затворенными ставнями, а и забиты были они досками крест-накрест.

Михайловна подтянула-приблизила к себе Егора, сунула его и вовсе на грудь себе и вздохнула, слушая, как запел Егор от удовлетворения: «Ну, вот... а уж мы-то с тобой, Егорушка, так здесь, видимо, свой век и доживем вдвоем. Хоть и напоследними, а доживем. А, Егорка?»

Егор в ответ лишь пожмурился и потерял ухом.

Михайловна не уехала на завтра вечером, как пообещала детям — весь день по дому прокрутилась. Да и еще нашла для себя уважительную отговорку, что уж лучше с утра на следующий день махнуть в город, собрать вещички свои обратно, и как раз Саня после работы сvezет их на «Жигулях».

Но утром уехать она не успела: услышала, как ранним-ранехонько профукала под окошками и остановилась легковушка. И Саня бегом побежал от машины к темному-то дому, и Михайловна тотчас свет в избе включить поспешила, чтоб успокоить — жива, мол, она еще здесь, никуда не задевалась! Влетевши в избу, Саня у порога остановился, оглядел мать, все еще стоявшую перед ним в одной ночной рубашке — только шаль на плечи Михайловна успела накинуть, — и вздохнул с облегчением, определив, что лицо у матери светлое, недугом каким не пораженное и даже вроде — довольное.

— Ну, как говорится, и слава богу! — молвил он, стаскивая шапку и отирая со лба пот. — А то уж Нина мне все уши прожужжала — езжай и езжай! Никак что случилось, если мать сама не приехала, как обещалась... — И только тогда, выговорившись, Саня присел на табуретку у кухонного стола. — Ну, ты и даешь, мам, однако...

Ясно — и доволен, что с матерью все вроде в порядке, но еще, как догадалась Михайловна, уже и досадовать начинал потихоньку на раннюю свою дорогу в полной, считай, ночи, на то, нако-

нец, что сейчас снова ему спешить-мчаться в город, успевать в работу на завод, да и мало ли еще отчего может чувствовать себя пасмурно человек невыспавшийся.

Вдруг хмурый и блуждающий, взгляд Сани этак с недоумением как-то задержался на печи, а в следующий миг Саня, точно глазам своим не веря, встал и, подойдя, заглянул под полог, из-за которого свешивалась безмятежная лапа Егора.

— Егор вот... вишь, Саня, воротился, — вздохнула Михайловна, изготавливаясь невольно к объяснению не столько долгому, сколько неприятному.

— Тыфу ты, ну ты! — изумленно пробормотал Саня, отворачиваясь от печи.

Михайловна догадалась сказать первой:

— Уж есть ли кто в человеческом деле следей животного, а Егор, гляди, каким зрячим оказался, — и осеклась все же.

Саня вдруг потянулся и погладил Егора.

— Ну-ну, Егор! — И хохотнул: — Егор Второй... Эх, вот ведь как! — Следом же энергично взглянул на часы: — Я, мам, полечу сейчас...

— Да хоть чай я тебе поставлю... — пробормотала Михайловна.

— Нет, мам, спасибо... мне ведь еще на работу теперь поспевать надо. А ты уж... — И улыбнулся: — Все ясно, Теперь мне все яснее ясного. В общем, жди: все твоё вечером доставлю в целости и сохранности.

— Не к спеху, — ответствовала она на это.

— К спеху, не к спеху ли, а уже дело-то решенное зачем откладывать, а? — Он поцеловал на прощанье. — Я ведь, мам, и сам начал догадываться, что маятно тебе у нас жить. Так что ездить будем к тебе по-прежнему, а ты живи, живи... как привыкла. Верно я тебя, мам, теперь понял, а?

— Я все боялась — не поймешь, — вздохнула она.

— Не пойму?.. Егор вон какой разумник у нас оказался! — Саня подмигнул. — А сын у тебя — чего, дурней животного? — И Саня исчез в сенках.

Она потушила следом свет в горнице, чтоб видеть машину сына в темной улице, и приникла к стеклу окошка.

Услыхала, как Егор спрыгнул вдруг с печи, а затем, неслышимо пройдя по избе, вскочил на стол, чтобы, как и давеча, быть с ней сейчас рядышком. Словно чувствовал он, что отныне ему здесь почти все, считай, позволено, ибо стало отныне в этом новом и последнем почти что дому поселка два надежных и равноправных хозяина — сама Михайловна и, конечно, он, Егор.

Кар-карыч и Тявка

Эта история случилась у лесника Петровича. Однажды утром увидел он на своем дворе маленького вороненка. Распотырив крылья, тот сидел на земле и только крутил головкой, чуть подернутой сизоватым пушком.

— Э-э-э, Карыч, — Петрович наклонился над вороненком, — какими же ты судьбами ко мне пожаловал?..

У вороненка одно крыло совсем повисло. Осмотрев его, лесник обнаружил перелом. Решил Петрович приютить птицу, а заодно и подлечить. Долго не раздумывая, внес вороненка на веранду. Только отпустил, как из-под дивана выскочила дворняжка и угрожающе зарычала.

Петрович цыкнул:

— И что ты, Тявка, рычишь на Кар-карыча?.. Собачья твоя душа! Вишь, у него несчастье... Надо выручать.

Дворняжка, точно поняв хозяина, отступила от птицы к своей лежанке под диваном.

И все же некоторое время Тявка посматривала на вороненка враждебно. Только через неделю Петрович за-

метил примирение собаки с птицей.

Вороненок оказался покладистым, сидел в углу, не задираясь, но и в обиду себя Тявке не давал. Если же она лезла к нему с неизвестными намерениями, то он начинал сердито каркать. Тогда Тявка забиралась к себе под диван.

А как-то лесник увидел Тявку и Кар-карыча за одним столом, — ели из одной тарелки. Верно, Тявка поскуливала, но Кар-карыч к этому относился равнодушно.

На ночь Кар-карыч поднимался на жердочку, которую смастерил лесник, а Тявка по привычке засыпала все там же, под диваном.

Зажил у вороненка крыло. Петрович решил вывести его на прогулку. Тявка бежала впереди, за ней шагала вороненка, а сзади — Петрович. Так дошли до студеного ручья. Там все пьют светлую воду. Кар-карыч от удовольствия раскрякился и закаркал, а Тявка стала подвывать. Петрович сел рядом на пенек, раскурил трубку и улыбнулся: «Начинается концерт!.. Недавно были врагами, а теперь водой не разольешь...»

Прошло лето. Осенью вот что случилось. Тявка с Кар-карычем вышли на прогулку. Тут вдруг вороненок расправил крылья и взлетел на березу. В это время мимо пролетали вороны. Не выдержал Кар-карыч, сорвался с березы и полетел им вслед. И — улетел. Тявка покрутилась вокруг дерева, поскулила, и повесив свой пушистый хвост, заторопилась на веранду, на свою лежанку. Петрович вслед ей проговорил:

— Каждому свое место!..

Рисунки
С. Сухова

Л. ГОЛУБЕВ

ИМЯ НА БАРЕЛЬЕФЕ

**Стефан
ЗАХАРОВ**

В октябрьские дни 1917 года начальником Центрального штаба Екатеринбургской Красной гвардии стал балтийский матрос Павел Данилович Хохряков.

На флот он попал в самом начале первой мировой войны. На линейном корабле «Император Александр Второй», куда направили Хохрякова, активно действовала подпольная организация. Руководителем ее был Иван Сладков. Именно он из бывшего вятского батрака сделал политически грамотного, убежденного революционера. В 1916 году Павел Хохряков стал членом РСДРП...

В дни Февральской революции команда линкора, как и других кораблей Балтийского флота, приветствовала свержение самодержавия. Старое название корабля по требованию матросов было заменено новым: «Заря свободы».

По поручению судового комитета Хохрякову часто приходилось выступать в Кронштадтском Совете рабочих и солдатских депутатов. Там обратили внимание на молодого матроса, который в спорах с представителями соглашательских партий всегда умело защищал позицию большевиков. Ему начали давать задания, и вскоре он стал одним из популярных ораторов. Как агитатор Хохряков побывал на передовых позициях Рижско-Двинского фронта, на кораблях Северного флота, на своей родине — в Вятской губернии.

Не раз приходилось Хохрякову выступать и в революционном Петрограде. На одном из митингов его заметил Яков Михайлович Свердлов, по рекомендации которого Хохряков после исторического шестого съезда РСДРП(б) был направлен в Екатеринбург. Здесь он многое сделал для организации Красной

гвардии и приведения ее отрядов в боевую готовность...

Советская власть в Екатеринбурге была провозглашена 26 октября (8 ноября) на экстренном заседании местного Совета. Об этом событии С. Щипачев писал в стихотворении «Октябрь на Урале»:

Октябрь...
Двадцать шестое...
Зал аплодирует стоя...
Полны все ярусы,
все балконы,
Рабочие кепки...
Шинели фронтовиков...
В президиуме —
Всем знакомые
Мальшев, Вайнер, Хохряков...
Гуляет по залу балтийский
ветер,
Матрос Хохряков бросает
слова:
«Восстание»,
«Ленин»,
«Рабочий класс».
Он в черном бушлате,
широкоплечий,
Зал снова поднялся
Словам навстречу...

Приходилось Хохрякову принимать участие в организации рабоче-крестьянской милиции, разоружении анархистов, налаживании работы суда, а в декабре 1917 года исполнительный комитет Екатеринбургского Совета доверил ему возглавить отдел по борьбе с контрреволюцией. После выхода декрета о создании регулярной Красной Армии Красная гвардия на Урале была переименована в резерв Красной Армии, а Хохряков назначен в нем начальником Екатеринбургского Центрального штаба.

Погиб Павел Данилович Хохряков 17 августа 1918 года в бою с бело-

Магнитострой литературы

Михаил
ЛЮГАРИН

гвардейцами между станциями Монетка и Крутиха. «Товарищи, не отступайте! Держитесь крепче! Я умираю за революцию!..» — успел он сказать подбежавшим друзьям...

Контр-адмирал в отставке А. Я. Юровский вспоминает о Хохрякове:

— Кочегар с линейного корабля «Заря свободы» в тельняшке, матросском бушлате и бескозырке, он произвел неотразимое впечатление на нас, молодых. Именно тогда я принял решение стать моряком.

Павел Данилович Хохряков родился 17 (29) июня 1893 года. Нынче ему исполнилось бы девяносто лет.

Именем Хохрякова названы улицы в Ленинграде, Свердловске, Перми, Тюмени, Тобольске. Его имя носят пионерские отряды. Такой отряд есть и в свердловской средней школе № 5, которая находится на улице имени Хохрякова.

На снимках: барельеф, посвященный П. Д. Хохрякову, в Свердловске на улице его имени; П. Д. Хохряков в 1915 году, снимок сделан в Вятке; публикуется впервые.

...В 1923 году наша семья из Казахстана переехала на постоянное жительство в казачью станицу Зверинголовскую Курганской области. Еще со школьной скамьи стал увлекаться стихами. Большой радостью было для меня, когда однажды я увидел первое свое стихотворение «Путник» напечатанным в стенной газете. Как часовой на посту, не отходил от нее, наблюдая за моими читателями. Это было поздней осенью 1925 года. Стенгазета висела в клубе, где было холодно и неуютно.

Вечерело. Помню, как сейчас, я стоял, прижавшись к печке, как распахнулась дверь, и в клуб вошли двое юношей. Один из них был рослый, другой — пониже. Переступив порог, они с ходу направились к стенгазете. Под стихотворением стояла моя фамилия и к ней было добавлено слово «поэт». Не будь этого слова, может быть, ничего бы и не случилось...

Тот, что повыше, как я узнал позднее, был Тимофей Немцев, а другой — Борис Кривошеков (будущий поэт Борис Ручьев). Первым к стенгазете подошел Борис — парень в поношенном черном пальто и неглубокой ушанке. Из-за бортов пальто виднелась синяя блуза, которая тогда была в большой моде.

Дочитав моего «Путника», он улыбнулся, а Тимофей Немцев достал из кармана карандаш и начал вносить свои поправки. Я перестал владеть собой, дернул его за руку.

— Научись сперва грамотно писать, а тогда берись за стихи. Тоже мне поэт, — накинулся на меня Немцев.

После «конфликта» в клубе мы стали встречаться с Борисом часто и незаметно подружиться. Борис

познакомил меня со стихами Сергея Есенина, Александра Жарова, Иосифа Уткина, Петра Орешина, Михаила Исаковского. Мы сами подбирали мелодии к стихам Есенина и распевали их на все лады.

В 1929 году я отправился в Москву. Поехал с мешком стихотворений и сухарей. До Кургана пришлось ехать четыре дня на коровах. Перед отправкой в Москву заручился справкой сельсовета, что я действительно являюсь «поэтом» и еду для издания полного собрания сочинений в двенадцати томах.

Деревенская наивность — смешная, но... так было.

В Москве меня свели с поэтом Николаем Полетаевым. Человек он был доброй души, чуткий и отзывчивый.

Бегло ознакомившись с моим «творчеством» и справкой из сельсовета, он посоветовал пожить в Москве, посмотреть ее достопримечательности и тут же позвонил куда-то, чтобы мне предоставили возможность для жилья на 5—6 дней. Стихи же мои признали слабыми.

Осенью этого же года мы с Борисом Ручьевым снова отправились в Москву. К этому времени он уже успел опубликовать несколько своих стихотворений в газете «Красный Курган». Адрес избрали все тот же — журнал «Октябрь». И на этот раз нашим собеседником вновь оказался Николай Полетаев. Стихи Ручьева ему понравились, а что касается моих, то он похвалил только некоторые строчки из одного лишь стихотворения.

Остаться в Москве мы не могли, жить было не на что. Возвращаться в Зверинку не хотелось, стыдились друзей-однокашников: тоже мне «поэты».

Но как-то, гуляя по Москве, мы заметили на одном из домов табличку с надписью «Вербовочный пункт». Зашли. Одни стояли в очереди у открытого окошка, другие упаковывали чемоданы, сундучки и мешки с пожитками. Тут находились вербовщики с Магнитостроя. Они были словоохотливые, как и положено всяким «сватам».

Дошла и до нас очередь. Я стоял впереди, а Борис за мной. Посмотрев на мои справки о рождении, месте жительства, вербовщик спросил, кем я могу работать.

— Плотники нужны. Получай сухой паек и суточные,— сказал он.

Задержалась очередь перед оформлением Бориса. Ему не было и 17 лет. Все в нем было мальчишеское, и это сразу же бросилось в глаза.

— Я тоже плотник. Вместе с товарищем строили в деревне дома и другие помещения,— чуть ли не со слезами упрашивал Борис.

И только когда я сказал, что если Бориса не завербуют, то и я не поеду в Магнитку, нас оформили.

Большим вырисовывался в наших мыслях Магнитострой. Много нам рассказывал о стройке первенца пятилетки вербовщик. Да и газеты тех лет много и подробно писали о Магнитке немало интересного.

Перед закатом солнца, когда из-за поворота показался рыжеватый хребет Магнитной горы, все заволновались. Гора казалась совсем близкой, но на вокзал мы приехали к ночи. До утра оставались здесь, в наспех сооруженном из горбылей вокзальном помещении.

Когда рассвело и погасли ночные огни, будущий город словно провалился сквозь землю: можно было разглядеть только заводоуправление, центральную гостиницу, бревенчатое здание горкома партии, бараки и палатки.

Барак наш был дощатый, не оштукатуренный, холодный. В нем в четыре ряда стояли топчаны, разгороженные тумбочками. Мороз то и дело насаивал серебристые шапки, делал рамы «двойными». Но жили дружно и весело. Мы участвовали в копке котлована первой коксовой батареи и первыми уложили бутовые камни в ее основание.

С кем-то в беседе мы проболтались, что были завербованы плотниками, а работаем не по специальности.

— Кто тебе дал право использовать специалистов не по назначению? — обрушился прораб на мастера и тут же скомандовал: — Сдать инструмент землекопов и получить плотничий!

Переглянулись мы, душа ушла в пятки, но делать было нечего. Пошли следом за прорабом в инструменталку.

...В столовой шла настилка полов. Меня поставили на обтеску бревен, а Ручьева заставили стругать доски. Прораб дояго наблюдал за нами, но вдруг у него лопнуло терпение:

— Вижу, какие из вас мастера,— проворчал он. И пришлось Борису снова вернуться к своим танкам, а я пошел по плотницкому делу дальше.

Борис Ручьев получил травму — на плечо ему свалилось бревно. После празднования Октября на Магнитке он вернулся в родную Зверинку, там оклемался и поступил на работу в районную газету, а весной 1931 года вместе со своим товарищем по работе Георгием Шмаковым отправился в путешествие по Средней Азии. На обратном пути завернули на Аральское море, поработали в рыбацкой артели. В Актюбинске устроились пожарными. Я скучал о своем друге. Вскоре получил от него письмо и тут же выслал ему денег на обратный путь в Магнитку.

Ручьева оформили в Магнитке художником. Он писал плакаты, рисовал карикатуры на лодырей и прогульщиков, выпускал на участке стенную газету. Снова мы жили с ним вместе. Осенью 1932 года горком комсомола отозвал нас на работу в газету «Магнитогорский комсомолец».

Мы стали самыми активными членами нашей литбригады «Буксир», вскоре переименованной в литбригаду имени Горького. У нас был свой журнал «Буксир», позднее названный «За Магнитострой литературы». Он не выходил без наших стихов и рассказов. Все чаще наши стихи появлялись в городских газетах, а затем в журнале «Штурм», выхо-

дившем тогда в Свердловске. Дошли наши стихи и до московских журналов «Огонек», «Красная новь», появились в альманахах «Рост»...

В 1934 году мы с Борисом Ручьевым получили билеты членов Союза писателей за подписью М. Горького, а в 1935 году Борис уехал в Свердловск, а меня отозвали на работу в редакцию молодежной газеты в Челябинск.

Двадцать лет после того мы не виделись. Но вот снова наша родная Магнитка.

Теперь это не Магнитка, а Магнитогорск — огромный новый и прекрасный город и крупнейший в стране металлургический комбинат. Почетным гражданином этого легендарного города стал Борис Александрович Ручьев.

Боря стал знаменитым, по-моему, — так наилучшим нашим поэтом. Его стихи всегда останутся с людьми, они — душа нашего поколения, памятники самой истории.

Эти мои воспоминания очень хочется закончить стихами уже зрелого поэта Бориса Ручьева. А какими? Ну вот эти пришли на память, из поэмы «Индустриальная история»:

...До чего ж это здорово
было!..
Той же самой осенней порой
как пошла вдруг да как
повалила
вся Россия на Магнитострой.
...Шла да грелась чайком
без ззукуски,
по-мордовски в лаптях
напоказ,
сгоряча материлась
по-русски,
по-цыгански бросалась в пляс.
Будто в войске, со всеми
по-братски,
как на битву, союз заключив,
шли отметные шагом
солдатским
то путиловцы,
то москвичи.
И дивился народ, раскрывая
удивленные тысячи глаз:
— Где ж Индустрия тут
Мировая,
та, что из дому требует нас!..

Он остается в строю

**Борис
ЗЕЛИЧЕНКО**

ПРЕДЕЛ МОИХ МЕЧТАНИЙ: КОГДА-НИБУДЬ ЧИТАТЕЛЬ, НАТКНУВШИСЬ НА МОЮ КНИЖКУ СТИХОВ, ПОЙМЕТ НЕ ТОЛЬКО МЕНЯ, НО И ВРЕМЯ, В КОТОРОЕ Я ЖИЛ. А ЭТО МОЖЕТ ПРОИЗОЙТИ ТОЛЬКО В ТОМ СЛУЧАЕ, ЕСЛИ Я ДОРОГИЕ ВСЕМ ЛОЗУНГИ БУДУ НЕ МАШИНАЛЬНО ПОВТОРЯТЬ, БУДУ НОСИТЬ НЕ КАК НОСИЛЬЩИК НОСИТ ТЯЖЕЛЫЙ ЧЕМОДАН, А КАК СОЛДАТ НЕСЕТ СВОЕ ЗНАМЯ.

Михаил СВЕТЛОВ

В Днепропетровске на том месте, где находился дом, в котором Михаил Светлов провел свои юные годы, установлена мемориальная доска. На ней высечены слова:

Комсомол! Я твой поэт —
Песнь одна, и судьбы схожи...

...А началось все с «Гренады». В 1926 году комсомольский поэт из группы «Молодая гвардия» Михаил Светлов написал стихотворение, которое стало самым популярным у молодежи.

О необыкновенной популярности «Гренады» говорят такие факты: ее читал на своих авторских вечерах Владимир Маяковский. «Гренада» стала народной испанской песней. Есть свидетельство и о том, что в гитлеровском лагере смерти Маутхаузен «Гренада» стала гимном заключенных. Ее пели на французском языке.

В. Маяковский говорил:

«Вот натаскают ворох брошюр, пишут, скрипят цитатами об Интернационале, о классовой солидарности, о мировой революции. Пишут скучно... А приходит поэт и говорит:

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать...

И все ясно!»

Помните светловского «Маленького барабанщика»?

Мы шли под грохот канонады,
Мы смерти смотрели в лицо,
Вперед продвигались отряды
Спартакосцев, смелых бойцов...
«Песня о Каховке». Она была написана для фильма «Три товарища». М. Светлов вспоминал, как на фронте солдаты, узнав, что он автор этой знаменитой песни, удивленно спрашивали его:

— Как же вас сюда пускают?

«Итальянец», «Рабфаковка», «Испанская песня», «Из стихов о Лизе Чайкиной», «Россия», «Бессмертие», «Пирушка», «Горизонт», «Друзья» — стихи эти известны и любимы. Пьесы «Глубокая провинция», «Двадцать лет спустя», «Бранденбургские ворота» — произведения, ставшие гордостью советской литературы. Все это — произведения Михаила Светлова.

М. А. Светлов вел творческий семинар в Литературном институте, помогал начинающим литераторам, рецензировал книги поэтов, поддерживал талантливых людей, когда это требовалось.

— Колумб открыл Америку, я — Сергея Смирнова, — говорил он.

Он открыл и Джима Патерсона. Его считал учителем Ярослав Смеляков. Известно, как любили они друг друга и дружили.

Светлов был строгим и справедливым. Выступая на собрании секции поэтов Московского отделения Союза писателей СССР, М. Светлов говорил, обращаясь к Борису Ручьеву:

— Вы понимаете, как дружески мы к вам относимся? Если бы я не считал вас талантливым, я просто не пришел бы сюда... Я вас знал давно, но тогда вы только зарождались, а сейчас вы зрелый поэт и должны с должной требовательностью относиться и к своим стихам и к чужим... Нет сомнения, что в нашей среде появился еще один талантливый человек.

— Я убежден, что в коммунизме будут жить только поэты. Тогда все смогут быть поэтами. Очень вас прошу, мои молодые друзья, — если вы не поэты, станьте ими! — Так говорил, обращаясь к молодым, Михаил Светлов.

В июне 1983 года Михаилу Светлову исполнилось бы восемьдесят лет.

Недаром я молодость отдал,
Россия, за славу твою,
Мои комсомольские годы
Еще остаются в строю.

На снимке: М. Светлов.

Фото Ал. Лесс. 1954 г.

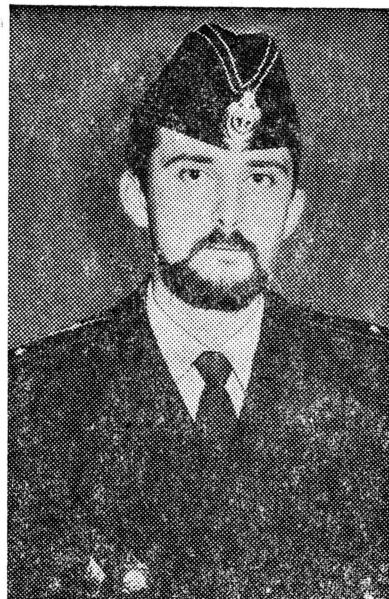
МЕЧ ЧЕСТИ

В 1942 году английская газета «Таймс» предложила отметить мужество Сталинграда особой наградой. «Выдержка, которую показал стальной город, подчеркивала газета, не имеет себе равных и никогда не будет превзойдена.» Идея награждения Сталинграда обсуждалась и в правительственных кругах Англии. Вскоре король Великобритании Георг VI направил телеграмму Председателю Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин: «Для того чтобы отметить глубокое восхищение, испытываемое мной и народами Британской империи, я отдал приказ об изготовлении почетного меча...»

Изготовление его поручили Актонской оружейной компании. Лезвие ковал 83-летний Том Бизли, ему помогал Сидам Ронда, шлифовочные работы выполнял Джон Маппин, полировочные — Артур Вестон. Отдельные детали из чистого серебра и золота изготовили лондонские мастера. Когда меч был готов, его доставили в город Ковентри и выставили для всеобщего обозрения в полуразрушенном соборе святого Михаила. Ковентри стал местом паломничества. Со всех концов Англии туда ехали люди. Часами они выстраивались в очереди, чтобы поклониться мечу, как святыне. Многие плакали, целовали оружие и клялись быть верными своим союзникам.

В Тегеране, во время встречи И. В. Сталина, У. Черчилля и Ф. Д. Рузвельта, 29 ноября 1943 года состоялась церемония вручения меча. А в первую годовщину Сталинградской победы маршал С. М. Буденный передал меч председателю исполкома Сталинградского горсовета. В тот же день посол в Лондоне устроил прием для английских рабочих, принимавших участие в его создании. Газета английских коммунистов писала: «Меч чести, дань английского народа героическим гражданам и защитникам Сталинграда, отныне и навсегда будет храниться там, где был остановлен нацистский натиск».

И. СЕМЕНЧИК

ДВА КАПИТАНА

...Когда усталая подлодка
Из глубины идет домой.

Слушая эту песню, многие, возможно, вспоминают эпизоды фильма «Командир счастливой «Щуки». Я же думаю при этом об одной свердловской семье.

Валерий Федорович Герасимов более двадцати лет отдал военноморскому флоту, провел под водой не один месяц. А сейчас на флоте служит его сын Александр.

Старший Герасимов попал на флот случайно. В Свердловск в 1944 году приехал морской офицер. Он и «сосватал» Валерия и еще нескольких уральских юношей в военноморское училище.

После окончания училища Валерий Герасимов плавал на Черном и Балтийском морях, причем долгие годы — на подводных лодках. В его обязанность входило оказывать медицинскую помощь личному составу. Но этим военному фельдшеру Герасимову приходилось заниматься не слишком часто — люди на флоте служат крепкие, закаленные. Валерий Федорович больше «врачевал» души людей — был на лодке парторгом.

Однажды, в Свердловске, во время отпуска, у него состоялась неожиданная встреча с однокашником. В парке культуры и отдыха имени Маяковского выступал поэт Владимир Сибирев.

— Уж не наш ли? — заинтересовался Герасимов, прочитав афишу. С Сибиревым они вместе поступали в училище, были даже в одной груп-

пе. Владимир Сибирев уже в то время писал стихи. Они-то и стали своеобразным паролем.

Подойдя к Сибиреву, капитан-лейтенант Герасимов процитировал:

Была война. Был страшный год.
Канаты, стиснув кольца рымов,
Держали в бухте русский флот.
Был хмур и сумрачен Нахимов...

Сибирев продолжил:

...Он ждал. Вот-вот — и тишину
Нарушат гулкие раскаты.
И, застонав, пойдут ко дну
Его любимые фрегаты...

Мог ли Герасимов-младший не стать моряком? Отец его говорит:

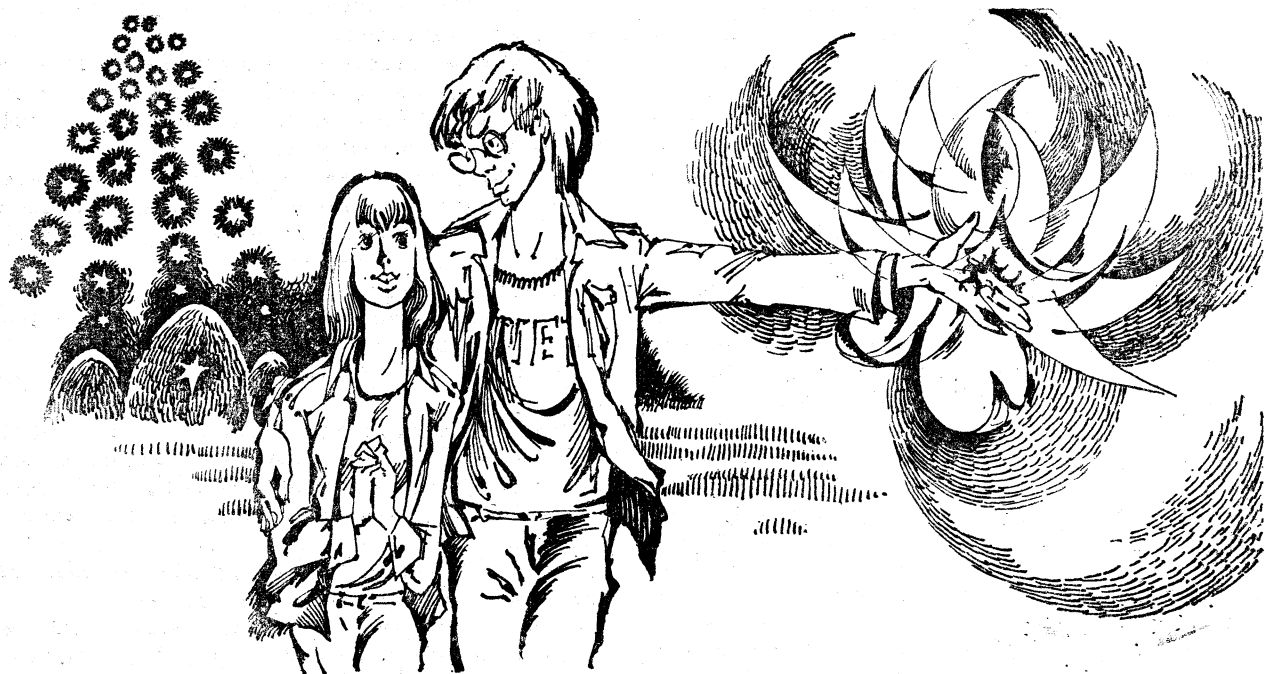
— Вместе с женой — она часто выступала на кораблях в концертах художественной самодеятельности — всегда приходил в гости к морякам и Саша. После школы у него колебаний не было: поступил в Ленинградское высшее военноморское инженерное...

Вот уже пять лет Александр Герасимов служит на Тихом океане. Дослужился до каплея — капитан-лейтенанта. Как и отец — коммунист.

Александр Герасимов приезжает к отцу с семьей в отпуск из Петропавловска-на-Камчатке, где он живет. У него самого уже два сына — Володя и Саша. Кем они станут, когда вырастут? Скорее всего — моряками. И уже совсем не случайно.

А. ВОРОБЬЕВ

На снимках: отец и сын Герасимовы.

Ловушка для падающих звёзд

Рассказ

Евгений
ФИЛЕНКО

Рисунок
Е. Стерлиговой

— Смотри, звезда упала! — с детским восторгом воскликнула девушка Света и поцеловала Тимофеева.

— Да, — сказал Тимофеев и поцеловал девушку Свету. Затем, оправившись от естественного головокружения, добавил: — Это поэтическая метафора. На самом деле звезды не падают. Падают метеориты, раскаляясь и сгорая в атмосфере.

— Все-таки ты ужасный зануда, Витенька, — вздохнула девушка. — И за что я только тебя люблю?

После таких слов душа Тимофеева возликовала, воспарила к ночному небу и запела не своим голосом, в то время как тело пожало плечами и рассудительно заметило:

— Вероятно, потому что я тоже тебя люблю.

Они стояли посреди влажного от росы свежескошенного луга, окруженные ночной тишиной и умопомрачительными запахами земли и трав, увядающих в стогах. Облаченные в зеленую стройотрядовскую форму, они чем-то походили на авиадесантников, только что с боем захвативших неприятельский плацдарм, на самом же деле были всего лишь студентами.

— Будь на твоём месте заурядный влюбленный, — не унималась Света, — он бы давно уже пообещал мне достать с неба звездочку.

— Но я-то отлично знаю, что это невозможно, — произнес Тимофеев. — И потом — зачем тебе звезда?

— Ну, это уж мое дело,— засмеялась Света. Затем сделала капризную гримаску и стала капризничать:— Ну, Витенька, ну только одну... маленькую... вот такуюський метеоритик...

Выражение лица Тимофеева, прежде глуповато-радостное, как у всех влюбленных в мире, резко изменилось, и Света осеклась на полуслове.

— Я пошутила,— торопливо заявила она.

Но было поздно.

Весь обратный путь Света поддерживала Тимофеева за локоть, ибо сам он был уже не в состоянии различать что-либо у себя под ногами и поминутно терял равновесие на разухабистой проселочной дороге. На ходу она пыталась втолковать ему, что ни звезда, ни тем более метеорит ей, конечно же, не нужны, она просто хотела убедить его, что любовь и рационализм — понятия несовместимые, хотя это и так очевидно. Однако ее слова не возымели на Тимофеева, погруженного в инженерно-технические раздумья, никакого действия. В минуты озарения его самоуглубленность приближалась к йогической каталепсии, и потому Света, как мысленно, так и вслух кляня себя за неосмотрительность, дотасила Тимофеева до сельского общежития, подняла на верхнюю ступеньку дощатого крыльца и, привстав на цыпочки, с исключительной силой поцеловала.

Тимофеев очнулся.

— Где мы? — спросил он, озираясь.

— Дома,— пояснила Света.— Пора спать, Витенька.

— Вот как! — изумился Тимофеев, но спорить не стал.

Они нежно простились, после чего Света пошла на девичью половину, а Тимофеев растерянно потоптался на крыльце, затем долго бродил между койками со спящими стройотрядовцами. Добравшись до своей, он повалился на спину и почти час неотрывно смотрел в линялый потолок, на который живописно падали отблески лунного света из окна. В его мозгу со скрежетом проворачивались застоявшиеся в бездействии тяжелые маховики парадоксального мышления, не раз приводившего Тимофеева к самым неожиданным результатам. И с каждым мгновением эти маховики набирали обороты.

Наутро Света обнаружила Тимофеева на чердаке почти построенного кормоцеха. Участвуя в настилке полов, он попеременно ударял молотком то по гвоздю, то по пальцу. Взгляд его был устремлен в никуда. Там уже представляли перед ним изощренные натюрморты чертежей и блок-схем задуманного прибора.

— Виктор,— строго заговорила девушка.— Ты, по крайней мере, должен отдавать себе отчет в том, что эта штука лишена всякого смысла. Она попросту никому не нужна. Она бесполезна для научно-технического прогресса!

— А тебе? — робко спросил Тимофеев.— Ты же хотела метеорит...

— Я уже расхотела,— отрезала Света.— Как всякая женщина, я ужасно непостоянна. В данный момент я хочу, чтобы вечером мы с тобой пошли в сельский клуб на танцы.

— Это невозможно,— вздохнул Тимофеев.— Я уже не могу не думать об этом приборе. Он взял меня в плен, и я должен его сделать. Иначе от него не освободиться.

Света зажмурилась и пошла на откровенную провокацию, которую ни за что не позволила бы себе в иных обстоятельствах.

— Выбирай,— приказала она.— Либо я, либо он.

На горе-изобретателя было жалко смотреть.

— Я люблю тебя, Света,— скорбно промолвил он.— Но ты не права. Изобретений, бесполезных для научно-технического прогресса, не бывает...

— А трамвайные компостеры?! — вне себя закричала девушка и кинулась прочь.

Когда Тимофеев шел из столовой, чтобы провести остаток обеденного перерыва в полезных размышлениях о судьбах открытий, к нему неспешно приблизился кряжистый мужик, плоть от плоти земной, бригадир сельских механизаторов Федор Силуков.

— Тимофеич,— произнес он прокурненным голосом, придав ему сколько возможно задушевности.— Веялка не фурычит. Взбрыкивает, язвы ее, и зерном фукает. Зашел бы...

— Зайду,— рассеянно пообещал Тимофеев.— Федор Гаврилович, у вас, я помню, дома имеется сломанный диапроектор «Экран»...

— Непременно имеется,— обрадовался Силуков, быстро уловив, чем именно он сможет отблагодарить полезного человека.— Забирай его, Тимофеич! Один леший, я себе видеоманитофон покупаю. Только ты учти, парень: мне не треба, чтобы веялка по небу летала. Мне треба, чтобы она зерном, язвы ее, не фукала. А то я тебя знаю — ты рационализатор злостный... Ну скажи на милость, на кой нам картофелесборочный комбайн, что ты из списанной «Нивы» соорудил? Он же, язвы его, бензину сколько жрет, а нам, один леший, по осени шефов из города нагонят — они всю картошку подчистую выберут...

Вечером было совсем плохо. Девушка Света подцепила под руку местного комбайнера Васю и, поджав свеженакрашенные губки, прошла с ним на танцы мимо печального Тимофеева, державшего под мышкой раскуроченный диапроектор. Сердце злостного рационализатора дробилось на мелкие фрагменты, обливаясь при этом кровью. Но он твердо знал, что наука требует жертв.

Так или иначе, он уже представлял себе конкретную реализацию замысла. Вооружившись

гаечным ключом, топором и паяльной лампой, он уединился в подсобном помещении сельского общежития. Лампа горела адским синим пламенем, чадя и воняя бензином. Диапроектор серийного производства мелко вздрагивал, учуяв возможность внести свой вклад в научно-техническую революцию. Топор и ключ мирно лежали на табурете, зная, что не будут обойдены вниманием.

К полуночи каждый получил что хотел.

Лелея на простертых перед собой руках запеленатый в мешковину прибор, возникший на обломках диапроектора, Тимофеев устремился во двор. Путь ему освещали ясные звезды и полная луна, как никогда похожая на плохо пропеченный блин. Тимофеев спешил испытать свое детище в полевых условиях — иными словами, на том самом лугу, где все и началось.

Спотыкаясь на невидимых в темноте кочках и рытвинах, он достиг центра многогектарного луга, значительно удаленного от жилых построек, что светили в ночи кошачьими глазами окон. Тимофеева немедленно охватило чувство нереальности происходящего. Он словно погрузился в иной мир, за рамками которого остались лихие стройотрядовцы с бородами на скорую руку, гитарами в наклейках и хорошими песнями на плохие стихи и бездарную музыку, бригадир Силуков с фукающей и взбрыкивающей вейлкой, комбайнер Вася в фирменных джинсах и кирзовых сапогах военного образца. И даже девушка Света, без которой Тимофеев не мог бы прожить и дня, если бы не полонивший его душу демон научно-технического прогресса.

В этом ином мире существовали Тимофеев, гладко выкошенный луг, чистое черное небо с угольками звезд и прибор, которого еще вчера не было, да и не могло быть в самых смелых замыслах творцов современной техники.

Тимофеев расчехлил диапроектор, новое название которому не успел придумать, и направил объективом в небеса. Затем вставил в клеммы питания поношенную, но еще годную к употреблению батарейку «Крона» и нажал на клавишу пуска. Тусклый луч света устремился в бездну межзвездного эфира, где по неведомым орбитам неслись дикими табунами непуганные метеорные потоки. В конусе этого луча, непрерывно расширяющемся, захватывающем все больший участок неба, пространство стало поляризоваться, стекаясь противоестественными силовыми линиями к исчезающей маленькой в масштабе вселенной точке — самоучке-умельцу с безымянным прибором в руках посреди сельского луга.

Что-то неуловимое изменилось в навеки, казалось бы, устоявшейся картине звездного неба. Потрясенный Тимофеев заметил, как внезапно дрогнула и поползла по небосклону, явно увеличиваясь в размерах, ухмыляющаяся рожица Луны.

— Ого! — воскликнул Тимофеев. — Импульс великоват...

Отрегулировать мощность посылаемого импульса было делом одной минуты, и Луна застыла на месте. Облик ее показался Тимофееву, а также и мириадам астрономов, наблюдавших в эту дикую ночь извечную спутницу влюбленных в точные оптические приборы, слегка размытым. Луна стала ближе к Земле на добрую тысячу километров, и от рывка поднялась столбом вся пресловутая лунная пыль.

Эксперимент между тем продолжался.

Где-то на невообразимой высоте вспыхнул целый рой новых звезд, и, прежде чем Тимофеев успел додумать до конца мысль о том, что не худо бы предварительно оборудовать здесь блиндаж, в холодном полуночном воздухе раздался артиллерийский посвист. Слетевший с наезженной космической колеи метеорный поток минометным залпом накрыл присевшего в испуге умельца. Небесные камни различного калибра с глухим стуком бились о луг, выбрасывая во все стороны фонтаны рыхлой земли. Тимофеев судорожно выключил прибор и, подивившись собственной везучести, извлек из кармана форменной куртки фонарик. Он тщательно обследовал близлежащие воронки, но все заслуживающее внимания зарылось глубоко в недра, а от прочего межзвездного хлама не осталось даже пыли.

Позабыв об угрожающей ему опасности, Тимофеев снова направил луч прибора в космос.

Некоторое время сохранялась зловещая тишина, сменившаяся затем страшноватым гулом и небесными знаменьями. В дыму и пламени на расстоянии протянутой руки от экспериментатора упал на землю раскаленный добела обломок чьей-то давно забытой ракеты-носителя. Тимофеев испытал сильнейшее желание бросить все и бежать прочь, но тут же подавил эту минутную слабость.

В течение последующего часа многострадальный луг был бомбардирован несметными полчищами метеоритов. Однако самое существенное, что нашел Тимофеев на роль подарка девушке Свете, имело вид неопрятной ноздреватой груши серо-стального цвета.

Он уже совсем склонился к мысли, что женщины иногда бывают правы, когда произошло следующее.

Посреди неестественно прояснившегося неба расцвел ярко-синий цветок, стремительно возраставший в размерах. Его трепещущие полупрозрачные лепестки заполнили собой тихую сельскую ночь, потом быстро увяли, сошли на нет, стянувшись в пронзительно сияющую точку, плавно снижавшуюся на перепаханный метеоритами луг. Стоя с постыдно распахнутым от изумления ртом, потрясенный Тимофеев увидел, как рядом с ним, без излишнего шума, без надлежа-

щего в таких случаях грохота тормозных установок, спустилось летающее блюдце.

Дрожащей рукой он выключил диапроектор и на ватных ногах направился к месту посадки космического аппарата заведомо неземного происхождения. В голове у него крутились нелепые обрывки лозунгов наподобие: «Добро пожаловать на гостеприимную землю колхоза «Рассвет!» или «Все мы братья по разуму!», в дивном сочетании с фразами на португальском языке — единственном иностранном, известном Тимофееву на случай международных контактов, поскольку был изучен три года назад главным образом для наведения контактов с девушкой Светой.

В борту летающего блюдца образовался люк, и оттуда неторопливо, почти торжественно, выбрались двое пришельцев. Внешне они разительно напоминали людей, хотя были гораздо выше Тимофеева, а цвет их кожи при тусклом лунном освещении вызывал в памяти красный бархат, занавешивавший сцену сельского клуба.

Завидя Тимофеева, чужаки переглянулись. Умелец-самоучка испытал странное чувство, будто кто-то залез острыми цепкими коготками ему в мозг и вытаскивает оттуда нечто сокровенное. «Набирают словарный запас», — догадался он и, как выяснилось, оказался прав.

— Наш студенческий привет народам иных цивилизаций! — провозгласил он.

— Взаимно, — отозвался один из пришельцев. — Слушай, Тимофеич, как ты исхитрился так лихо нас приземлить?

В речи инопланетянина Тимофееву почудились вполне привычные силуковские обороты, но он тут же сообразил, что они почерпнуты из его же памяти.

— Такое дело, — проговорил он смущенно. — Я не хотел... Я испытывал прибор, своего рода ловушку для падающих звезд, точнее — для метеоритов...

— Погоди, Витенька, — вмешался другой инопланетянин, породив в тимофеевском воображении неожиданную ассоциацию с девушкой Светой. — Ты не подумай ничего дурного, мы не имеем к тебе никаких претензий. Ситуация несколько сложнее, нежели ты полагаешь...

— Вся штука в чем? Наш звездолет потерял управление, — пояснил инопланетный Силуков. — Мы летели по инерции мимо вашей планеты, ни сном ни духом не ведая, что здесь имеются разумные существа, а между собой судили, что неплохо бы сесть, покопаться в движке, чего это он, мол, не фурычит, гравитонами фукает...

— Вероятно, мы были бы обречены на верную гибель, — со странными нежными нотками в голосе продолжил ино-Света. — Но наш неуправляемый звездолет внезапно попал в конус вектора поляризованного пространства, исходящий с поверхности планеты.

— В общем, спас ты нас, Тимофеич, — задушевно сказал ино-Силуков. — Как есть спас.

— Что вы, коллеги, — смущенно и в то же время не без гордости произнес Тимофеев. — Не стоит преувеличивать мою роль. Все произошло совершенно случайно. Признаться, я и не думал, что мой прибор сгодится на что-либо полезное...

— Ты заблуждаешься, Витенька, — возразил ино-Света. — Бесплезных изобретений не бывает. Надо лишь усмотреть их реальное предназначение, а это и есть самое непростое. По сути дела, ты создал первый в этой части галактики звездный спасательный маяк. Поставь на нем пару фильтров, чтобы он не затягивал метеориты и всякий космический мусор, и тебе вся цивилизованная вселенная скажет спасибо.

Тимофеев засмеялся.

— Вообще-то, эта штука задумана именно в качестве ловушки для метеоритов, — сообщил он.

— Бывает же!.. — хохотнул ино-Силуков.

— Кто бы мог подумать, — вслух размышлял ино-Света, — что здесь, на галактической периферии, окажется цивилизация с таким мощным техническим потенциалом! Витенька, где твоя установка?

— Вот она, — скромно промолвил Тимофеев и протянул им еще теплый диапроектор.

— Невероятно, — прошептал ино-Света и протер большие, навыкате глаза. — Такой компактный... Такой простой...

Ино-Силуков тоже был потрясен. Он протянул огромные многопалые ладони и бережно взял диапроектор у Тимофеева. Губы его тряслись.

— Знаешь, что это такое? — спросил он у товарища. — Это же, язви его, ку-линеаризатор в готовом виде!

— Мы спасены, — с тихим счастьем во взоре сказал ино-Света и сграбастал Тимофеева в могучие объятия.

Затем оба пришельца радостно прослезились, умиленно глядя то на прибор, то на Тимофеева, не знавшего, куда деться от смущения.

— Да что вы, ребята, — бормотал он. — Это же пустяковое дело...

— Тимофеич, — проникновенно пробасил ино-Силуков, утирая скупую, истинно мужскую слезу. — Ты подари нам эту хреновину. Мы на ней до ближайшей ремонтной базы в два счета допрем. Один леший, ты еще такую сварганишь.

— Конечно же, — радушно согласился Тимофеев. — Забирайте, если нужно. Главное — не прибор, а сама идея...

— Только фильтры не забудь, — растроганно напомнил ино-Света.

Его товарищ озабоченно поглядел на заметно посветлевшее небо.

— Пора, — сообщил он. — А то еще засекут, хлопот не оберешься...

— Пойдите,— растерялся Тимофеев.— А контакт? А встречи с широкими кругами общественности? А обмен научно-технической информацией? Как же так?

Ино-Света потупил свой взор. Ино-Силуков пристально разглядывал подарок.

— Видишь ли, Витенька,— наконец проговорил ино-Света.— Мы не специалисты по контактам, а всего лишь разведчики. А контакты, должен заметить, дело непростое, тонкое. Могут быть всякие осложнения. Мы просто не готовы к этому. По некоторым твоим мыслям я подозреваю, что и вы — тоже...

— Вероятно, вы правы,— опечаленно произнес Тимофеев, припомнив описанные в фантастической литературе пагубные последствия несовременных действий.— А жаль.

Пришельцы направились к летающему блюду, бережно, в четыре руки, неся ку-линеаризатор. Затем ино-Силуков ловко забрался в люк и принял прибор от ино-Светы, который немного замешкался.

— Послушай, Витенька,— спросил ино-Света.— Я все хотел узнать: зачем тебе понадобились метеориты, эта малоинтересная космическая щебенка?

— Все очень просто,— пояснил Тимофеев.— Я пообещал своей девушке упавшую звезду.

— Глупенький,— проворковал ино-Света.— Твоя любовь побуждает тебя творить подлинные чудеса! Какой еще подарок ей нужен? Впрочем...

Он заглянул в разверстый люк и что-то сказал спутнику на непонятном языке, значительно отличавшемся от португальского. В проеме люка немедленно возник ино-Силуков, держа на ладони маленькую треугольную коробочку.

— Держи, парень,— громыхнул он.— Своей благоверной вез, но для тебя не пожалю. Это мы нашли в одном астральном скоплении. Самая натуральная звезда!

На следующий день Тимофеев достигал пол на чердаке, уверенными ударами гвоздя свежооструганные доски. Работа спорилась, хоть на душе было не слишком спокойно — мешал образ комбайнера Васи.

Пришел бригадир Силуков, примостился рядом и раскопечарил папироску.

— Спасибо, Тимофеич,— благодарно прогудел он.— Пашет, как зверь.

— Линеаризатор? — спросил Тимофеев, мерно действуя молотком.

— Зачем? — спокойно отозвался Силуков.— Я про веялку... Тут, парень, чудеса творятся. С утра понаехало народу — из района, из города! Даже вертолет прилетел, у нас же бездорожье, сам знаешь...

— А что случилось? — поинтересовался Тимофеев.

— Ночью, говорят, феномен был. Выпал на

Хавроньином лугу метеорный дождь, да такой силы, что все ученые, язви их, с ума посходили! Загубят они нам луг, ей-богу. Перероят, что твоя хавронья.

Силуков крепко затянулся папироской, увидел поднимающуюся на чердак по приставной лестнице девушку Свету и, смущенно крякнув в твердый кулак, тактично удалился.

Тимофеев продолжал накладывать пол. Когда кончились гвозди, потянулся к ящику, стоявшему возле стены, и тут заметил Свету. Девушка стояла перед ним, храня на лице строго-официальное выражение.

— Витя,— сказала она.— У меня для тебя новость.

Тимофеев молча разогнул онемевшую спину и встал, ощущая в себе противную пустоту и слабость.

— Вчера вечером после танцев комбайнер Вася предложил мне стать его женой,— отчетливо произнесла Света.

Тимофееву показалось, что его все же настиг шальной метеорит.

Сквозь ватную пелену он услышал собственный голос:

— Что ж, будьте счастливы... Вот вам мой свадебный подарок.

Слабым движением он извлек из кармана инопланетную коробочку и неловко сунул Свете. Девушка взяла ее, не глядя, и подбросила на ладошке.

— Спасибо,— с прохладцей сказала она.— Быть может, тебе интересно знать, что я ему ответила?

Тимофеев собрал остатки самолюбия, но реплики, по возможности пронизанной горькой иронией, сарказмом и уязвленным благородством, у него не получилось.

— Да,— еле слышно промолвил он.

— Я ответила ему,— продолжала Света, поигрывая коробочкой,— что у меня уже есть жених, что его зовут Виктор Тимофеев и что, хотя он пентюх, каких поискать, другого мне не нужно, и вообще... Ой, что это?

Треугольная коробочка с легким щелчком раскрылась, и глазам влюбленных предстало диковинное зрелище. На кусочке матово-черного бархата лежал кристаллик чистой воды, нежно и тепло светившийся изнутри. И это свечение стремительно набирало силу, заливая весь мир голубыми лучами, полными радости, добра и любви.

— Это самая настоящая звезда,— сказал Тимофеев, беря в свои широкие твердые ладони хрупкую Светину ладошку, на которой вершилось чудо.— Ты же просила одну маленькую звездочку с неба...

ВЕСТИ ИЗ КЛФ

Мы — с Камчатки

Наш клуб еще молод: дата его рождения — декабрь 1981 года. Отличительная особенность — большая удаленность от всех культурных центров. Живем мы на Камчатке, в горах, в небольшом национальном селе с поэтичным названием Эссо (что в переводе с эвенкского — лиственничный лес). Еще одна особенность — довольно частая смена жителей. Но несмотря на все это клуб наш прожил год полнокровной жизнью: проведено одиннадцать заседаний, конкурс на название клуба. Единодушное одобрение получил «Эльф» («Эссовские любители фантастики»).

Численность клуба пока невелика (8—12 человек), хотя среди читателей библиотеки, при которой организован клуб, много выпрашивающих «что-нибудь фантастическое». На настойчивые приглашения такие читатели пока не откликаются.

Среди постоянных членов клуба — библиотекари, старшеклассники, рабочие и интеллигенция. Средний возраст — за 30.

Первое, что мы сделали, — стали создавать фонд НФ литературы. «Выловили» все, что было в библиотеке, упорядочили выдачу НФ книг и контроль за возвратом, составили картотеку. Привлекли домашние библиотеки и с согласия владельцев всю имеющуюся у них фантастику включили в сводный каталог, куда вошли и все произведения, напечатанные в периодике за последние два-три года (более старых журналов не имеем). Это один из способов решения «вполне земной» проблемы нехватки НФ книг.

Заседания в основном проходят в районной библиотеке: ей и обществу книголюбивых мы и обязаны рождением клуба.

В наш первый год заседания клуба были в основном посвящены творчеству отдельных писателей-фантастов. Сейчас ищем другие формы работы, чувствуем потребность выхода в массы, продумываем, каким он будет: диспут на киноматериале или что-то другое. Из опубликован-

ных в № 11 «Вестей из КЛФ» понравилось у ростовчан инсценирование НФ книг. Это нам подходит, постараемся взять на вооружение.

Интересными получаются, естественно, не все заседания. Если обсуждаемое задевает за живое, возникает дискуссия, занятие проходит живо и приносит удовлетворение. Поэтому и хочется, чтобы среди НФ литературы было больше проблемных произведений.

Хотелось бы, чтобы о встречах КЛФ, подобных пермской и ростовской, можно было узнать заранее: своевременная информация помогла бы нам осуществить попытку завязать прямой контакт с КЛФ из разных уголков страны.

Н. СЫЧЕВА,
секретарь КЛФ «Эльф».
684310, Камчатская область,
с. Эссо, Библиотека.

Главное — общение

1. КЛФ «Мир наизнанку» создан в 1981 году, 28 октября, при отделении ВОК Пермского политехнического института по инициативе институтской библиотеки и областного КЛФ «Рифей». Клуб наш студенческий, постоянных членов — 15 человек, средний возраст — 20 лет. Клуб посещают также старшеклассники и преподаватели, в том числе — Б. З. Фрадкин, писатель-фантаст, преподаватель кафедры ГСА.

2. Девиз клуба: «Есть только одна роскошь на свете — роскошь человеческого общения». Устав клуба: 1) задачи: пропаганда фантастики, развитие творческого мышления, выработка у будущих специалистов способности выражать свои мысли на хорошем языковом уровне; 2) принцип функционирования — общение; 3) членство клуба: кандидатом в члены клуба является любое разумное существо, умеющее говорить (за исключением попугаев). Основные направления и формы деятельности: обсуждение НФ идей и проблем на внутренних и выездных заседаниях клуба. Организационная структура: официальный представитель клуба; троица наиболее последовательных членов; рядовые члены клуба. Собираемся два раза в месяц, каждую вторую и четвертую пятницу.

3. Коренной чертой нашего клуба является способ общения: только беседа, а не лекция, рассказ, а не доклад позволяют нам в наш электронно-атомный век, когда человек замкнут в телеэкранах, светомузыкальных плафонах и книжных пол-

ках, найти ключик к душе человека. Кроме того, являясь студенческим клубом, мы всегда рады шутке и гениальным до ненормальности идеям.

4. Рассказать в сколько-нибудь сжатом объеме о наших заседаниях практически невозможно, здесь может помочь только фонограмма. К примеру, на одном из последних заседаний были высказаны следующие идеи: о возможности предсказания форм влияния космоса на человечество в целом, о предпочтительной помощи более развитым цивилизациям, проходящим критический этап в своем развитии, об избитости «хэппи эндов» в современной фантастике, о способах производства однополюсных постоянных магнитов. Готовых бесед у нас нет, как нет и методических указаний, это слишком сухо для нас. Беседа рождается сразу, экспромтом, мы даем лишь ее направление и по ходу дела «втыкаем ограничительные столбики». Говорить по какой-нибудь проблеме, копаться, обнажать, доказывать, раскрывать, обвинять, критиковать — сколько угодно. Читать лекцию, доклад, поучать, насаждать, не дать слова сказать — не наш принцип. Люди разобщены, так будем же общаться!

5. Литературной секции как таковой нет, но пишущих хватает. Выход за пределы клуба — страница в институтской многотиражке.

6. Основная трудность — пассивность. Наш загруженный студент, похоже, просто боится, что его «запрыгут» еще, и на все наши экзерсисы смотрит как на очередной акт очевидной провокации и обмана. Это не жалоба, это констатация факта. Но мы распадаемся не собираемся.

7. Информацию о новинках нам дает «Рифей». Библиотекарь Г. А. Тыжай является активным членом клуба, и у нас есть тоненький, но не пересыхающий ручеек НФ литературы. Кроме того, достаем книги у знакомых — где и как придется.

8. Молчащих на наших заседаниях, в силу специфики нашего клуба, на порядок меньше, чем говорящих. Поэтому «молчаливого большинства» нет. В главной работе участвуют все, некоторые, занимаются также тем, что им особенно нравится (писать и читать написанное, разנסить это написанное в пух и прах, рисовать инопланетных захватчиков, открывать для себя прописные истины, которые рождаются в спорах).

9. Нас волнует поиск родственных душ среди КЛФ. Поэтому мы хотели бы узнать: существуют ли КЛФ при других вузах страны?

КЛФ ППИ «Мир наизнанку».
Адрес для связи: 614010, Пермь,
ул. Героев Хасана, № 13, кв. 45,
Д. Баженову.

Изобрели школьники

В начале этого года в Ташкенте состоялась X Всесоюзная неделя науки, техники и производства для детей и юношества.

Сегодня мы публикуем заметки В. Белова и С. Зигуненко, посвященные ей.

Подсказывает жизнь

— Николай Николаевич, посмотрите, что я придумал!..

Н. Н. Гришечко извинился за прерванную беседу и ушел посмотреть, что же там такое сотворил изобретатель десяти лет от роду.

Нет, вы не думайте, что слово «изобретатель» тут надо обязательно брать в кавычки. Ребята из кружка изобретателей и рационализаторов Ворошиловградской областной станции юных техников изобретают серьезные вещи. Доказательство тому — авторские свидетельства, дипломы, которые красуются на стенах. И вот этот инструмент, который лежит сейчас перед нами на столе, — фасонные щипцы. Предназначены они для открывания медицинских флаконов. Тех самых, крышечки которых обязательно придерживаются сверху колпачками из алюминиевой фольги. Начнешь сдирать эту крышечку ножницами или каким другим малоприспособленным для этого инструментом, не успеешь глазом моргнуть — раз! — уже порезался. А сколько таких флаконов в день приходится открывать, скажем, медицинским сестрам в больнице?..

Вот ребята и пришли на помощь взрослым — сконструировали щипцы, для которых открыт любой флакон с лекарством еще проще, чем Щелкунчику раскусить орех. Фасонные губки плотно охватывают крышку, а специальный выступ-зуб тотчас сдирает фольгу. Получается и быстро, и безопасно.

Женя Хорошевский, Юра Краев и другие ребята сделали несколько таких щипцов для местной больницы, и медики остались ими очень довольны.

И это не единственная разработка кружковцев. Они предложили оригинальное устройство для сбора камней с поля, приспособление для очистки льда с рельсов на железнодорожных путях, маленький приборчик для проверки лампочек в елочной гирлянде и устройство для измерения вязкости жидкости в потоке...

Интересно, а откуда ребята берут темы для своих разработок? Именно этот вопрос мы и задали вернувшемуся к столу Николаю Николаевичу.

— Как это откуда? — удивился он. — Да поглядите вокруг, таких тем сколько угодно в жизни!

И действительно, все получается именно так. Мама, которая работает медицинской сестрой, подсказала одному из кружковцев необходимость фасонных щипцов. Летом поехали в подшефный колхоз — убедились в необходимости устрой-

ства для сбора камней. Были на железнодорожной станции — узнали, что зимой стрелки заносит снегом и их приходится чистить вручную.

Да что говорить! Тему для изобретения можно отыскать даже в обычном школьном учебнике.

Вместе с Н. Н. Гришечко — инженером-конструктором и рационализатором, работающим на Ворошиловградском тепловозостроительном заводе, в работе кружка принимает участие и председатель общественного совета ВОИР Ворошиловградской области, кандидат технических наук А. Х. Теплицкий.

И вот однажды, зайдя на одно из занятий кружка, Теплицкий напомнил ребятам историю, которая произошла несколько лет назад. Тогдашние кружковцы Анатолий Кубаш и Сергей Пожаров вместе со своими руководителями усовершенствовали конструкцию всем известного вискозиметра — прибора для измерения вязкости жидкости.

Обычно вязкость жидкости оценивают по скорости падения шарика в стеклянной трубке. Чем медленнее падает шарик, тем, значит, больше вязкость. Время падения засекают с помощью секундомера, а затем ведут вычисления по специальным таблицам. «А что если усовершенствовать эту конструкцию? — задумались ребята. — Неужели так уж обязательно все операции проводить вручную, да еще каждый раз отбирать для оценки вязкости специальную пробу. Нельзя ли вести измерения непосредственно в потоке?..»

Оказалось — можно. Прямую трубку заменила U-образная. Вместо одного шарика стало два — один падал по потоку жидкости, другой — против. Таким образом удалось нейтрализовать скорость самого потока. А система катушек индуктивности позволила засекают время падения каждого шарика автоматически, не прибегая к ручному секундомеру.

Эта разработка кружковцев была признана изобретением, на которое выдано настоящее авторское свидетельство.

— Не хотите ли повторить успех своих старших товарищей? — предложил в заключение своего рассказа А. Х. Теплицкий.

Конечно, захотели многие. Но повезло пока что одному Саше Крохмалю. Да и то, как сказать — повезло? Просто Саша оказался очень пытливым и наблюдательным человеком.

Рисунок, который натолкнул его на изобретение, и вы наверняка видели. А то, может, и саму модель в руках не раз держали. Я говорю о модели молекулярного строения вещества, которая есть почти в каждом школьном кабинете физики. Помните, несколько цветных шариков, соединенных между собой спи-

цами? Вот это та самая модель и есть.

Модель как модель. И мы такую в руках не раз держали. Но вот чтобы усовершенствовать... А Саша усовершенствовал. И помог ему в этом... велосипедный насос!

— Вернее, старый медицинский шприц, который я попросил у бабушки. Она у меня врачом работает,— уточняет Саша.— Хотя и насос на том же принципе работает, но у него зазоры между стенками цилиндра и поршнем велики...

Вот этой самой парой — цилиндр-поршень — Саша и предложил заменить традиционную спицу модели. И все!.. Казалось бы, невелико усовершенствование, но какие значительные выгоды оно принесло! Модель из статической, на которую и посмотреть-то интересно всего лишь раз, стала динамической, способной моделировать некоторые процессы из жизни кристалла.

Вот упругие деформации. Вы чуть растянули шарики, поршень двинулся по цилиндру, а воздушное разрежение его не пускает. Стоит только отпустить руки, и поршень тотчас возвращается на место.

Когда же упругие деформации переваливают некоторый предел, кристалл деформируется, связи в нем нарушаются. И это тоже можно продемонстрировать на модели.

Продолжайте растягивать шарики до тех пор, пока поршень не дойдет до отверстия, специально для этого сделанного в цилиндре. Под поршень тотчас же прорвется наружный воздух, и сопротивления как не бывало — упругие деформации сменились пластическими.

А чтобы можно было вернуть модель в исходное состояние, у дна цилиндра предусмотрено еще одно отверстие, закрытое выпускным клапаном.

Вот, собственно, и все. Просто? Да. Только никто до этого раньше не додумался. А потому авторское свидетельство за изобретение демонстрационной модели кристалла совершенно справедливо получил Саша Крохмаль.

Что же касается его товарищей по кружку, то у них первые изобретения пока еще впереди. Но они не унывают. Жизнь продолжается, и каждый день приносит что-то новое и интересное.

Две лучше, чем одна

Так считает москвич Сергей Шубнов. А речь здесь идет о кабинках портального крана.

По своей конструкции такой кран представляет собой своеобраз-

ный мост, перекинутый через грузовую площадку от одной опоры к другой. Под мостом перемещается тележка, на которой закреплен грузоподъемный крюк. А сам кран перемещается на тележках по рельсовым путям.

Вот Сережа и предлагает:

— Чтобы крановщику было удобно работать, давайте снабдим кран двумя кабинами, по одной на каждой стороне. Тогда ему будет сподручнее наблюдать за всем, что делается на грузовой площадке.

А чтобы убедиться в правильности своей идеи, Сергей Шубнов построил действующую модель такого крана. Управляется она дистанционно, с помощью выносного пульта.

Роторно- лопаточный комбайн

Полностью он называется так — роторно-лопаточный комбайн с виброфрезой для уборки картофеля, редиски, свеклы и других подобных культур. А изобрел его Максим Ларкин, который живет в Новосибирском Академгородке и там же занимается в местной станции юных техников.

Хотя Максим горожанин, он знает, насколько трудно бывает убирать урожай колхозникам вручную. Вот и предложил новую машину для механизации этой трудоемкой операции. В отличие от ныне существующих машин этот комбайн не пашет, не рвет землю, а фрезерует ее. Такой способ намного облегчает работу, а если учесть еще, что фреза при работе еще и вибрирует, становится понятно, почему затраты энергии у нового комбайна будут намного меньше. Ведь не случайно в наши дни виброинструментом пользуются работники самых разных специальностей — шахтеры, бурьльщики, граверы, даже хирурги. Ультразвуковой виброинструмент в самый твердый материал входит, как нагретый нож в сливочное масло.

«Цып-цып-цып, мой цыплятки!..»

Вячеслав Бозаджи из Молдавии тоже решил заняться проблемами сельского хозяйства. Но он не стал строить действующую модель, как это сделали Максим Ларкин или Сергей Шубнов. Он построил самый настоящий автоматический инкубатор! Размеры его невелики — такой

инкубатор вполне размещается на любом столе. Но в нем есть все, что положено иметь настоящему инкубатору — решетка для яиц, обогреватель и автоматические приборы, строго следящие за поддержанием необходимой температуры и влажности.

Работает «Холужок» — так назвал Вячеслав свой инкубатор — от обычной электросети и может найти себе применение в каждом сельском доме.

В помощь школе

И уж, конечно, ребята не обошли своим вниманием школьные нужды. В Ташкенте было представлено большое количество демонстрационных приборов, которые позволяют сделать школьные уроки интереснее, а проводимые опыты — наглядными и познавательными.

Вот, например, бакинец Олег Безенков нашел способ как сделать наглядными даже уравнения Максвелла! Помните, те самые, которые утверждают, что магнитное поле превращается в электрическое и наоборот?

— Но ведь все электромагнитные колебания, за исключением световых, невидимы, — скажете вы. — О какой же наглядности в данном случае может идти речь?

Что нельзя увидеть, то можно услышать. Ведь работают же электромагнитные волны в обычном радиодинамике? Вот на этой остроумной догадке и построена модель Олега.

Прибор возбуждает электрическое поле — раздается звук одного тона. Как только электрическое поле превратилось в магнитное, меняется и тон звукового сопровождения.

НА АРЕНЕ И ЭСТРАДЕ

Из записок старого артиста

**Валерий
ДУЛЬСКИЙ**

*Рисунок
С. Малышева*

Полвека моей жизни отдано цирковому искусству. Есть чем поделиться, что рассказать...

Вспоминаются двадцатые годы. Город Семипалатинск, маленький, пыльный. Наш переулок выходил на высокий берег Иртыша. По соседству в каменном особняке жила мадам Станкевич (так все ее называли). В Семипалатинске она очутилась неведомо как, говорили — родом из семьи польского поселенца. Мне она запомнилась тем, что преподавала девочкам балльные танцы. Летом она делала это прямо во дворе, а дворы наши соприкасались, и мы, ребятишки, бывало, через щели в заборе, а то и прямо забравшись на него, смотрели, не отрываясь, на занятия. Мадам сама напевала мелодии, выкрикивала непонятные нам слова, а девочки, все в белом, как куколки, двигались ритмично и красиво. Мы не видели ничего более прекрасного, чем эти танцы. Хозяйка не прогоняла нас. Наверное, ей самой было приятно, что любят ее уроками.

Других развлечений в городе было мало, правда, уже в ту пору существовали два кинотеатра с

громкими названиями «Прогресс» и «Модерн», два клуба. Летом работали городской сад и цирк. На площади по воскресеньям нередко проводились военные парады, а вечером там же играли в футбол. Цирк и оба кинотеатра принадлежали частным предпринимателям — это были годы нэпа.

Мои родители к искусству относились не безразлично. Отец, по специальности лесной инженер, вечерами играл в цирковом оркестре. Когда у нас в доме собирались гости (в основном сослуживцы отца), то даже разыгрывались домашние спектакли. Мы, дети, иногда в них участвовали. Может быть, не случайно и сестра моя, и младший брат впоследствии стали профессиональными драматическими актерами. Меня же больше увлек цирк.

Однажды отец взял меня с собой на представление. Помню, отправился я туда без особого энтузиазма (цирк находился далеко, и нужно было пешком пройти через весь город). Но то, что я увидел на арене, затмило все впечатления от балльных танцев. Я был буквально потрясен, очаж-

рован, околован. Поразили гимнасты, дрессировщики. После этого посещения принялся я тренировать свое тело, по-новому стал присматриваться к животным. В Семпалатинске в те годы можно было часто увидеть на улицах верблюдов, это был главный «транспорт». У нас во дворе жили лошадь, верблюд и ослик. Мне не возбранялось залезать на них и кататься. Кроме того, отец вкопал во дворе высокий шест для лазания, сделал турник, трапецию. Возможно, если бы родители знали, чем обернется для меня увлечение этими снарядами, они бы их не ставили.

Теперь я уже постоянно приставал к отцу с просьбой взять меня в цирк, пробовал сам повторять за артистами некоторые номера.

Одно выступление мне особенно запомнилось. По этому «номеру» можно судить, к каким фокусам, чтобы привлечь зрителя, прибегал старый цирк.

В городе жил сапожник по прозвищу Яша Черный. Так прозвали его за большую черную бороду и смуглость кожи. Яша, крепкий мужчина, в охотку занимался французской борьбой. А борьба в городе возникала стихийно, прямо на улицах, благо везде был мягкий песок. Яша Черный всегда выходил победителем. К тому же и сапожник он был хороший. Его знал весь город. И вот цирковые деятели, желая поднять денежные сборы, объявили, что в цирке на глазах у публики будет закопан человек и пролежит в земле какое-то время, и этот человек — Яша Черный. Все — стар и млад — повалили в цирк. «Похороны» проходили в третьем отделении. К этому времени в цирке стало буквально нечем дышать. Свет притушен, оркестр как бы нащупывает мелодию похоронного марша. Убирают ковер, затем доски, и под ними открывается заранее выкопанная яма. Выносят гроб, ставят рядом с ямой. Все это делается торжественно, медленно и, конечно, соответственно настраивает публику. На галерке с кем-то истерика, вот уже кого-то под руки выводят из партера. На арене появляется Яша Черный. Его сопровождает женщина и маленькая девочка (жена и дочь), что еще больше вызывает сочувствие зрителей. Цирк замирает. Где-то, как выстрел, лопается от перегрева лампочка. Крышку громко заколачивают, затем гроб опускают в яму и быстро закапывают. Надрывно звучит похоронный марш. Через некоторое время из публики раздаются выкрики: «Довольно!», «Хватит!»... Но трагическое представление продолжается. Наконец, начинают откапывать, многозначительно поглядывая на часы, дескать, отведенное время уже на исходе. Но тут ломается лопата (возможно, умышленно подпиленная). Из публики выкрикивают советы. Наконец, гроб достают, открывают крышку. Яша встает, цел и невредим, раскланивается и, пошатываясь, уходит за кулисы. Публика, подавленная увиденным, молча расходится по домам. Нам, ребятам, Яша представ-

ляется сверхчеловеком. Померкли воздушный гимнаст Красовский и клоун Феррони, эквилибристка на проволоке Ван Шин-хай и дрессированные кони.

Лишь много позднее я понял: все, что делал Яша, не имело никакого отношения к искусству, ибо искусство прежде всего должно радовать. Но это понимание пришло не сразу.

Первый сезон

В 1924 году наша семья переехала в Свердловск. В том же году я пошел в школу. Больших школ в городе было только две, остальные — маленькие, в основном одноэтажные. Но общая культура была по тем временам довольно высокой. Работал оперный театр, на Главном проспекте сияли огнями три кинотеатра. По соседству с моей школой находился коммерческий, как тогда говорили, сад имени Уралпрофсовета (ныне парк Дворца пионеров и школьников), где часто гастролировали приезжие артисты, в том числе цирковые. Мы, дети, не пропускали ни одного представления. Неподалеку от этого сада был расположен еще один (позже его переименовали в сад имени Вайнера), и там можно было увидеть интересные выступления.

В ту пору, бывало, прямо на улицах давали свои представления китайские фокусники и жонглеры. Помню, как с нехитрым реквизитом — шарманкой и попугаем — ходил по дворам какой-то старик.

Как-то в город приехал на гастроли аттракцион Н. Кравченко. В саду были вкопаны столбы с перекладинами, на них подвесили все, что нужно для группового воздушного полета. Натянули еще трос между нашей школой и садом, по которому Кравченко, помимо полета, выполнял спуск, повиснув на зубах, взяв в рот специальный зубник и держа в руках горящие факелы. Школа была высокой, и поэтому, когда артист скользил по тросу, довольно длинному, его видели не только из сада, но и с улиц, особенно в той части, где Вознесенская гора обращена к востоку. Зрелище очень впечатляло, тем более что номер с факелами исполнялся, когда начинались сумерки. Трос крепился через окно в нашем классе, мы упростили школьную сторожиху пускать нас и всегда приходили к моменту полета. Кравченко почему-то прибегал в спешке с уже зажженными факелами. Мы, мальчики, всячески старались услужить ему.

Вскоре наша семья на месяц выехала в деревню Курьи, на летний отдых. Вернувшись домой, я узнал, что Кравченко включил в свой номер двух моих друзей, и все они куда-то уехали. Один за другим уходили мои сверстники в большой цирк. Решили бежать из дома и мы с Андреем Макаровым, моим приятелем.

Самый ближний цирк находился в Нижнем Тагиле. Директор его Борис Владимирович Муратов понял нас, принял работать униформистами, но предупредил: «Милиции я вас не отдам, а родителям сообщите немедленно. По утрам будете ходить в школу».

О Муратове я сохранил на всю жизнь самые светлые воспоминания. Дело в цирке он поставил так, что номера готовили все технические работники. Большинство из них были людьми уже в возрасте, и поэтому мы с Андреем, униформисты поначалу, как легкие «верхние» были просто нарасхват.

Сам директор и его жена жили в цирке и занимались с нами каждую свободную минуту. Вскоре Муратов пригласил знаменитого турниста Евгения Чайченко, и тот занялся нашим воспитанием. По сути дела, Муратов создал студию циркового искусства.

По утрам, часов в шесть, Чайченко заходил к нам в комнату (жили мы при цирке), сдергивал одеяла и заставлял бегать по мапежу пятьдесят кругов.

Хотя одноклассники нам завидовали, но называли нас не иначе как «циркачами», вкладывая в это слово обидный смысл.

Однажды на последний урок наша учительница принесла книжку «Гуттаперчевый мальчик». Читая ее вслух, она часто останавливалась и, обращаясь к нам, спрашивала, бывает ли такое в цирке. Я застенчиво подталкивал Андрея, который отвечал на ее вопросы. И отвечал, на мой взгляд, неплохо. Он говорил, что Григорович писал до революции, а сейчас совсем другая жизнь. Говорил, что у «гуттаперчевого» никого из близких не было, а у нас есть родители (они, кстати, смирились с нашим выбором и даже помогли материально; время было трудное, голодное). Андрей сказал, что наш директор — очень хороший человек и что вообще в цирке никто никого не обижает. Учительнице наши ответы нравились. Да и затеяла она все это, наверное, для того, чтобы показать разницу между прошлым и настоящим.

Из школы мы обычно возвращались в полдень. Вначале под наблюдением Чайченко делали разминку на кольцах и трапеции, потом упражнялись в жонглировании, занимались акробатикой.

Но больше всего любили репетировать вечером, когда после представления наступала тишина и свет убавлялся. Это были, так сказать, свободные репетиции. Каждый делал, что хотел. Я больше нажимал на ручной эквилибр, Андрей увлекался прыжками. Так прошел целый сезон. В то время постоянной работы у артистов не было, и после окончания договорного срока нам, как и всем, предстояло идти на все четыре стороны. Тут уж Муратов ничего сделать не мог.

Цирк постепенно опустел. Все разъехались. Вернулись домой и мы.

В группе Дельворса

Вскоре к моим родителям приехал известный в то время цирковой артист и предприниматель Александр Николаевич Дельворс. Обо мне он узнал от Муратова. Бывший директор нижнетагильского цирка мог смело меня рекомендовать. Школу у него я прошел неплохую, кое-что уже тогда знал и умел.

Дельворс производил впечатление культурного человека. Без особого труда уговорил он родителей отпустить меня к нему в труппу, обещая заботиться, как о родном сыне, и сделать из меня артиста. К моей радости, он согласился взять и Андрея Макарова.

Дельворс — коренастый, сильный. В акробатической группе всегда стоял нижним, хотя к тому времени руки у него были покоченены и он перед выступлениями обычно бинтовал запястья.

На всю жизнь запомнился его оптимизм и неистощимый юмор. Особенно он любил разыгрывать извозчиков. Бывало, приезжаем в новый город, выходим из здания вокзала, и начинается... Чаще всего жертвами его розыгрышей становились извозчики-рвачи, которые заламывали несусветную цену, полагая, что приезжий не знает ни города, ни цен в этом городе.

— Да у тебя лошадь-то еле на ногах стоит, скоро упадет. Хочешь, сейчас толкну, она и не поднимется, — говорил Дельворс.

— Ну, конечно, такой здоровый, ты и слона своротишь, — пикировал извозчик.

— Да я-то и не буду, вон мальчик ее сейчас уложит... Ну-ка, Валя, попробуй.

Дальнейшее было отретировано. Я подхожу к лошади и тяну оглоблю. Затем резко толкаю ее от себя. Лошадь невольно делает шаг в сторону. Дельворс бросается и хватается за хвост, как будто старается удержать ее, хотя та падать и не собиралась. Кругом слышится хохот. Хозяин лошади обиженно отъезжает на другое место.

— Налог платите? — наступает Дельворс на другого. Тот лезет за пазуху, по-видимому, за свидетельство об уплате.

— Ладно, не показывай, — миролюбиво говорит Дельворс. — За сколь довезешь меня до налогового отдела?

— Да чего тут, ерунда, рядом совсем, даром домчу.

— Даром я не хочу, — возражал Дельворс.

— Ну, тогда по таксе.

Разговор этот заводился для того, чтобы извозчики думали, будто пассажир имеет какое-то отношение к финотделу. Дельворс знал, что, как правило, этот отдел находился в здании горсовета, по соседству с другими отделами, где Дельворсу, как администратору, по приезду в город надо было представляться. О работе он умел договариваться где угодно и с кем угодно. Для вы-

ступлений его устраивало любое место — цирк ли, сад или клуб. В большом городе или поселке. Лишь бы работать и работать.

Считалось, что труппа Дельворса состояла из семи человек. В программе же участвовало только пятеро. Жена Дельворса и маленький сын (впоследствии тоже артист) не выступали. Трудно поверить, что пять человек давали целую программу, но это было так. Свояченица Дельворса исполнила номер «Штейн-трапе», то есть баланс на трапеции. Затем балансировала на туго натянутой проволоке и танцевала пару каких-то национальных танцев. Второй участник — Борис — делал всевозможные обрывы на трапеции и вместе с самим Дельворсом комические антре. В нескольких номерах, вместе и порознь, были заняты и мы с Андреем. Андрей работал жонглером, я — эквилибристом.

Во втором отделении шел скетч-водевиль под названием «Иван в дороге», со множеством различных комических ситуаций. Там были «задействованы» все, даже жена Дельворса и его маленький сын. Сюжет сценки строился на том, что некоего Ивана, смешного и нескладного (его играл Дельворс), по ошибке принимали за директора цирка.

Люди моего поколения застали еще ярмарки. Многим артистам довелось выступать на подмостках ярмарочных театров. Выступал и я. Память сохранила и типичную ярмарочную шумливую атмосферу, и те порой балаганные эпизоды, которыми сопровождалась иногда наши выступления.

Вспоминаю такой случай. У квартирной хозяйки, где мы остановились, была прекрасная медвежья шкура с искусно сделанными глазами, зубами, даже языком. Лежала она на большом сундуке и Дельворсу очень нравилась. Долго он присматривался к шкуре, что-то обдумывал, прикидывая, а потом уговорил хозяйку дать нам шкуру напрокат. Достал где-то ржавую большую клетку и поставил ее в театре со стороны служебного входа. Клетка стояла в углу, в полумраке, и ходили возле нее только артисты. С наружной же стороны двери он повесил табличку «Посторонним вход строго запрещен». Незадолго до представления я или Андрей (по очереди) залезали в клетку. Нас накрывали шкурой. Нужно было лежать, иногда слегка шевелиться и подергивать за цепь, которая была привязана к клетке и громко звенела. В полумраке создавалось впечатление, будто в клетке действительно сидел живой медведь. На этом и строился расчет Дельворса. Несмотря на надпись, запрещающую заглядывать за дверь, а может быть, именно благодаря ей (запретное вызывает интерес), в комнатку заглядывали мальчишки, женщины. По ярмарке прошел слух, что в цирке есть медведь. Народ повалил к нам, сборы увеличились. Когда же кончилось представление, разочарованная публика не

могла предъявить претензий, так как в афишах о медведе ничего не говорилось.

Нам, самым младшим, доставалось немало. Мы из кожи вон лезли, упаковывая и таская при переездах тяжелые ящики с реквизитом, выступали в программах, не щадя своих сил. Дельворс говорил: «Артист цирка должен уметь все...» И мы все умели. Когда же делились доходы, то с общей суммы сбора у нас удерживали 10 процентов за костюмы, 15 — за аренду здания, еще за что-то... И лишь остаток суммы делился между всеми поровну, как и было обещано. Но желание стать артистом сидело в нас так прочно, что мы с Андреем готовы были работать вообще бесплатно.

В 1933 году мы расстались с этой труппой, сохранив благодарность Дельворсу за то, что он многому нас научил. Андрей уехал в Москву и поступил в училище циркового искусства. После его отъезда я усовершенствовал свой номер ручного эквилибра. Включил в него один из рекордных по тем временам трюков: сто прыжков на одной руке. Продолжал работать в цирковых труппах под руководством Е. Г. Рени, И. И. Еловицына, А. С. Мурского в цирках Нижнего Тагила, Надеждинска, Березников, соцгорода Уралмаша, Златоуста, Тюмени. Выступал в цирке ЦНКиО Свердловска — все сезоны подряд, пока существовал цирк.

Старое и новое

Первый стационарный цирк в Екатеринбурге был построен на Дровяной площади, на месте нынешнего оперного театра, в конце прошлого века итальянцем Труцци. Вмещал он 900 человек. Договор на аренду места Труцци заключил с городской управой. Открытие при переполненном зале состоялось 20 ноября 1883 года. Представления шли всю зиму, значит, здание было уютно.

Цирк на Дровяной площади несколько раз перестраивался, а возможно, и возводился заново. Есть сведения, что в ноябре 1909 года открылся новый, хорошо оборудованный цирк-театр антрепренера Стрепетова. Кроме манежа здесь была сцена, на ней выступали опереточные артисты и лилипуты.

Когда здание сторе́ло, построили новый цирк, но уже в другом месте, по соседству с ипподромом. Именно там в 1916 году впервые появился И. В. Лебедев, знаменитый «дядя Ваня», организатор профессиональной спортивной борьбы в России.

Свидетелем строительства следующего здания уже был я сам. Помню, как весной 1930 года в городе появился Роман Сергеевич Гамсахурдия, красивый, коренастый, с проседью в голове. Он приехал из Тифлиса по поручению Московского государственного объединения музыки, эстрады и

цирка (ГОМЭЦ) возводить «шапито» — цирк с брезентовым куполом. Было как раз межсезонье, мы жили дома и, узнав приятную новость, крутились около Романа Сергеевича, выполняя кое-какие его поручения.

Цирк построили буквально за три недели. Техника была — лопаты, топоры и молотки. Строило двадцать человек. Материалы подвозили на лошадях. Никаких проектов и чертежей, по-моему, не существовало и в помине. Вначале вкопали два высоких столба на расстоянии в 15—18 метров один от другого. Столбы соединили толстой переключиной, посередине Роман Сергеевич вбил в землю кол. Потом вынули веревочку с петлей на конце и несколькими узелками. Надел петлю на кол и, взявшись за первый узелок, острой палкой очертил круг. Этот круг обозначил внутреннюю сторону манежа. Второй узелок давал диаметр наружной стороны. Третий узелок — первый ряд партера, и так далее — до галерки и основной стены. Крыша была только над местами для зрителей. Над манежем же натягивалось брезентовое покрытие, которое при сильном ветре часто рвало и падало.

Цирк выглядел скромно, но программа была замечательной. В сезон 1931 года мне особенно запомнились жокеи-наездники Серж (два брата и партнер). Каждый трюк, каждое движение их блистали чистотой исполнения.

В 1933 году свердловский цирк перенесли на улицу Куйбышева. Первые два года работа шла в «шапито». В 1935 году конструктор К. Безухов удачно применил для купола деревянные фермы. Цирк стал капитальный, утепленный. Но работал он только летом.

Сейчас в Свердловске недалеко от места, где стоял этот цирк, вознеслось современное сооружение под куполом. Наш новый цирк — один из лучших в стране.

На всем Урале к началу тридцатых годов было до десятка цирковых зданий, закладывались новые. Как правило, цирки строили не в центре города, а на рабочих окраинах. В Свердловске, например, цирк стоял на улице Московской, может быть, потому, что недалеко был ВИЗ — самый крупный из заводов. (Одно время в Свердловске работало сразу три цирка.) В Перми здание цирка возвышалось в рабочей Мотовилихе, новое здание и теперь находится там же. Были цирки в Лысьве, Златоусте, Нижнем Тагиле, Надеждинске, — тоже, как известно, городах заводских, рабочих. В годы первой пятилетки стали появляться они и там, где начинались великие стройки. В 1931 году был построен цирк на Магнитке, вместе с городскими зданиями. Руководил стройкой К. М. Червоткин. Еще раньше в Нижнем Тагиле за 35 дней замечательный по тому времени цирк строит Г. В. Муратов и остается его директором.

Когда началось строительство Уралмаша, по-

строили и цирк в рабочем поселке. В начале тридцатых годов, когда возводили Березниковский калийный комбинат, появилось в городе и здание цирка.

Как правило, все эти сооружения были деревянными, засыпными, с опилом между стенками. Были они на удивление теплыми, удобными — и для зрителей и для артистов, с ложами после двух рядов партера, с фойе по кругу, с раздевалками и буфетами. Правда, такому строительству соответствовал существенный недостаток. Цирки ставили на открытом месте, отчего они быстро высыхали и становились пожароопасными. Пожары и случались. Но главным врагом деревянных цирков Урала с его климатом был грибок, что заводился от сырости на конюшне. Иногда вместе с опилом попадали и древесный жучок, который подтачивал, разрушал дерево...

Образовалось Московское государственное объединение цирков, куда вошло несколько коллективов. Поначалу не все шли туда бодро. Старых артистов новое, незнакомое пугало. Им казалось странным, что станут ездить туда, куда направят, а не туда, куда сами хотят, как было всегда. Что будут получать твердый оклад, а не сколько сумеют выторговать. К тому же в объединении началась «советизация», как тогда это называли, циркового искусства. Многие жанры и номера пересматривались. Случались в этом деле и перегибы. Конечно, бывали номера, от которых следовало избавляться. Но избавляться от репертуара, а не от людей, с молодых лет отдавших себя любимому искусству и кроме него ничего не знавших. Иные артисты оказывались не у дел. Не случайно Анатолий Васильевич Луначарский предостерегал тогда же:

«Побережем традиции циркового мастерства, придем на помощь труженикам цирка, людям огромной преданности своему делу, напряженной работы над собой. Очистим их искусство от грязи, удалим из него постепенно всякие безвкусные трюки и оставим за цирком его великие задачи: демонстрировать силу, ловкость, отвагу, возбуждать смех и восхищение блестящим, ярким и увеличенным зрелищем».

К сороковым годам все ветхие деревянные цирки на Урале были снесены. Оставшиеся здания перешли в ведение Московского управления. Оно же и присылало артистов, состоявших на службе.

В сороковых годах в ведение Московского управления цирками перешли все цирки страны. Позже объединение приняло название «Союзгосцирк».

Многие артисты-уральцы перешли работать на эстраду. Но искусству цирка они не изменили. Они выступали в любимом жанре, неся свое искусство в широкие массы, в самые, как говорится, глубинки, туда, где раньше, скажем, о цирке и понятия не имели. Иногда говорят, что цирковой

манеж — это заколдованный круг, попав в который люди навсегда остаются в нем. Я позволю с этим не согласиться, ибо знаю многих даже потомственных артистов, перешедших на эстраду. И наоборот, немало таких, которые создавали номера на эстраде, а затем работали на арене. Так, на эстраде начинал известный всем Кио (отец). На эстраду из цирка перешла знаменитая группа «Манион», потомственные цирковые артисты Масклюковы, знаменитый «дядя Ваня», акробаты Птицыны, Максименко и многие другие. Время расширило само понятие «цирк». Это — не только здание со специальным назначением, это искусство, независимо от того, где оно создается и показывается.

Как это делается...

В тридцатые годы, когда цирков построили много, а артистов не хватало, на арене часто выступали зарубежные гастролеры. Руководство цирками рассчитывало, что мы кое-чему поучимся у иностранцев. В некоторых случаях так и было. Но именно в некоторых, ибо если костюмы, аппаратура у иностранцев были превосходны, то сама работа блистала не всегда.

Мне запомнились французенка Ля-Рош, греческий иллюзионист Касфикис, итальянец Максимилиан Труцци и другие.

Ля-Рош исполняла единственный в своем роде номер: в центре ставилась высокая металлическая башня, вокруг нее снизу доверху спирально шли две направляющие трубы. Униформисты выносили шар, диаметром примерно с метр, с отверстиями по поверхности. К удивлению зрителей, шар сам двигался по арене, подкатывался к спирали и начинал по ней подниматься. Когда, поднявшись под самый купол, шар медленно и также по спирали скатывался на манеж, из него выходила высокая красивая женщина. Это и была Ля-Рош.

Между прочим, мне удалось разгадать секрет шара и подготовить похожий аттракцион. Уже много позже этот номер мы показывали в народном цирке Дворца культуры имени М. В. Лаврова.

Многие цирковые номера, кажущиеся поначалу очень сложными, на самом деле исполняются довольно просто. Как-то попала мне на глаза книга Перельмана, где, хотя и кратко, были описаны секреты демонстрации феноменальной памяти. Кое-что я изменил, кое-что убрал, кое-что добавил и просто для интереса стал тренироваться. Запоминал слова, числа. Подсчитывал общий итог чисел. Запоминал, взглянув ненадолго, количество нарисованных кругов... Публику легко поразить демонстрацией феноменальной памяти. Память действительно нужна, но в основном лишь для того, чтобы раз и навсегда заучить секреты в виде

шифров и таблиц, необходимых для исполнения номера или облегчающих его исполнение.

«Секреты» передаются из поколения в поколение, но сами номера постоянно совершенствуются, обогащаются новыми деталями.

Когда-то интересный, ищущий артист В. Беляков создал номер с подкидными досками. Номер был основан на рекордных трюках, с ним можно было работать всю жизнь, меняя лишь гастрольные города. В. Беляков решил заменить подкидные доски качелями. Эксперимент удался. Казалось бы, куда эффективнее. Но артистам хотелось сделать выступление еще интереснее. В номер ввели медведей...

Порой казалось, что в акробатике на катушках исчерпаны все возможности. Но С. Черных, наш земляк-уралец, наглядно доказывает, что предела поиску нет. Катушку он заменил шаром, удерживать равновесие на котором значительно труднее. Его номер включает баланс на семи катушках.

Припоминаются и забавные случаи из цирковой практики. Вот один из них, который произошел в бывшем свердловском саду Уралпрофсовета.

Как-то артисты разговорились о знаменитых канатоходцах Блондене и Молодцове, перешедших по канату водопады Ниагарский и Иматру. Один из присутствовавших — Жан Альби — заявил, что все это ерунда, нужна только смелость. И, взяв для баланса шест, он действительно прошел по небольшому заборчику, отгораживавшему места для публики. В то время в саду было хорошее озеро с островком посредине. Осмелев, Жан заявил директору сада, что сможет пройти по канату через озеро с берега на остров и обратно. В то время все решалось быстро, не нужно было утверждать номер на художественном совете. Поставили столбы, натянули над озером канат, организовали шумную рекламу. «Уральский Блонден» — значилось в афишах. Публики собралось много. Взрослые и дети стояли полукругом на берегу, на пригорках в отдалении, везде, где только можно было стоять. Ветви ближайших деревьев заняли мальчишки. Жана (по-видимому, его настоящее имя было Иван) привезли с островка на лодке, устланной ковром. Сад всколыхнулся от аплодисментов. Жан в нарядном белом трико под музыку залез на канат, взял в руки балансир и двинулся над водой. Возможно, он не знал, что когда ходят по канату на большое расстояние, то от середины каната пускают в стороны растяжки. Их он не сделал. Чем дальше отходил канатоходец от берега, тем сильнее провисал и раскачивался канат. Поворачиваться назад с балансиром в руках он не умел, и ему волея-неволей приходилось двигаться вперед, вихляя ногами и корпусом. В конце концов Жан сорвался с каната и скрылся под водой. Подошла лодка, и его, зеленого от водорослей, стали вытаскивать на берег.

В цирковом деле нет ничего случайного, с кондачка ничего не приходит. Все требует знаний, умения, большого труда. Случай с Жаном, конечно, не типичный, но он убедительно напоминает об этой истине.

Одна, но пламенная страсть

За долгие годы работы на Урале мне пришлось встречаться со многими артистами. Разные это были люди, по-разному складывались их творческие судьбы. Но общей для всех была бесконечная преданность цирковому искусству.

Примером такой преданности был и Николай Аристархович Аристархов, долгие годы проработавший на Урале. В последнее время, когда ему стали трудны частые переезды, он устраивался на сезонную работу и выступал только летом.

Жил Николай Аристархович со своей женой Клавдией Андреевной в маленькой комнатке старого деревянного дома на окраине Уралмаша. Часть комнаты была заставлена в два этажа клетками с собаками. Бывало, только вступишь в дом, собаки поднимают невероятный лай. Заходишь в комнату — лай, как по команде, прекращается. На это Аристархов говорил, что собаки чувствуют человека, пришедшего с добром. Он приветливо усаживал меня и выпускал из клеток свою живность. Одна собака все время норовила заскочить мне на колени и лизнуть лицо. Не скажу, что мне это нравилось, но, не желая обижать хозяина, я молчаливо терпел. «Это самая умная собака, — говорил Николай Аристархович, — видишь, как она к тебе относится...» Поняв, что собачьи ласки мне надоели, он загонял всех в клетки, а «самую умную» сажал к себе на колени, возможно, таким образом поощряя ее за внимание к гостю.

В жизни Николай Аристархов был человеком удивительно добрым, скромным и приветливым. Помнится, как-то Клавдия Андреевна нечаянно раздавила дверью голубя, который свободно гулял по комнате и следовал за ней буквально по пятам. Она, конечно, очень расстроилась, а Николай Аристархович, не стесняясь, плакал горькими слезами. Жене не выразил упрека, зная, что та сама переживает. Он только взял свою тужурку, накинул на плечи и вышел из дома. Я догнал его уже на пути к городу. Возвращаться домой он пока не хотел, сказал, что ему нужно подольше походить, успокоиться. По дороге нам встречались дикие голуби. Кстати, погибший тоже был приручен из диких. Желая успокоить Аристархова, я кивнул головой в сторону птиц: вот, мол, сколько их, стоит ли так печалиться из-за одного? «Их-то много, — ответил Николай Аристархович, — но тот верил нам, а мы его погубили». И снова заплакал.

Работая с животными, он порой наказывал их, но любил и ценил безмерно. Однажды товарищи

без ведома Николая Аристарховича добились для него благоустроенной квартиры. Артист от нее отказался, опасаясь, что собаки в большом доме будут беспокоить соседей. «С собаками я выступал, с ними заработал пенсию, и я их никогда не оставлю», — сказал он тогда.

Но его собаки постепенно сами покидали его, уходя из жизни. В конце концов остались только две. А хозяин так и продолжал жить в маленькой комнате — тесной, но уютной, напоминающей ему цирковую артистическую уборную. Он давно не выступал перед публикой, но тем не менее ежедневно репетировал. Один день жал стойки, другой — дрессировал собачек. Играл на гармониках. «Я привык всегда работать и не могу иначе», — говорил он.

Как все мы, Николай Аристархович не любил, если к нему приходили во время этих репетиций, хотя вида не подавал. Когда я заставал его за работой, то выходил в палисадник и садился на скамейку, чтобы не мешать. Закончив репетицию, выходил и Николай Аристархович. Выходил довольный, что я не ушел, что понял его, дождался. Возможно, репетировал он, надеясь еще когда-нибудь, хоть раз, выйти на манеж. А впрочем, вряд ли на это рассчитывал, возраст у него был солидный, да и собач почти не осталось. Скорее всего, занятия повышали у него настроение, поддерживали общий тонус. Цирку он остался предан до конца своих дней.

Был я знаком с двумя поколениями Никитиных из рода основателей первого русского цирка.

Николай Акимович незадолго до приезда в Свердловск вернулся из Италии и демонстрировал дрессировку лошадей, а его сын (тоже Николай, или «Нико»), как он именовался в афишах) выступал жонглером на лошади.

Со стороны артистов отношение к Никитиным было не одинаковым. Порой слышалось: «Хозяички приехали» или «Это им не свой цирк» (имелось в виду прошлое Никитиных, когда они сами были предпринимателями). Но в то время, о котором идет речь, прошлого давно не было, а был большой артистический труд. Причем Николай Николаевич к прошлому и не имел никакого отношения, ему не исполнилось шести лет, когда «хозяев» не стало. Зато как много сделали Никитины для развития русского цирка! В жизни они показывали достойный пример молодым. Помнится, Н. А. Никитин, если ему нужно было пройти с конюшни, скажем, в кабинет директора, никогда не пересекал манеж, а шел вокруг него, считая, что манеж — место только для работы. В таком же духе был воспитан и молодой Николай Никитин.

Однажды в доме, где они жили, случился пожар. В цирке стало об этом сразу же известно. Отец и мать не могли уйти — шло представление. Коля сразу же прибежал домой. Влезть на второй этаж через окно для него ничего не стоило. Он

начал сбрасывать вещи, вначале хозяйки дома, потом свои. Увидев его в саже, с обгоревшими бровями и волосами, я подумал, что в свое время Никитины потеряли куда больше. Они потеряли все свои цирки, которые были национализированы, потеряли, наверное, немалые капиталы. И все-таки Николай Акимович возвратился из Италии, чтобы прожить оставшиеся годы на русской земле. Во время пожара он не побежал за вещами, ибо и мысли не допускал, как это можно сорвать выступление.

Коля рос и воспитывался при Советской власти. Он боялся, что из-за родителей, вернее их прошлого, его не примут в комсомол. Его приняли, и он был счастлив. Как лучшие артисты, Коля имел в Великую Отечественную войну бронь, но добровольцем ушел на фронт. Николая Акимовича не стало в 1963 году. Теперь уже нет в живых никого из династии основателей первого цирка России.

Во фронтовой бригаде

В самом начале войны группа свердловских артистов эстрады и цирка объединилась в бригаду для обслуживания военных госпиталей. Возглавить группу поручили мне. Назывались мы «специальная бригада комитета по делам искусств». Работать приходилось много, ведь госпитали были почти в каждом городе Свердловской области; случалось выступать по десять и более раз в день. Как правило, для ходячих раненых концерты проходили в коридорах, затем мы повторяли свою программу в палатах. Принимали нас с большой благодарностью. Раненые, перенесшие ампутацию руки, часто садились так, чтобы можно было аплодировать вдвоем, здоровыми руками, делали они это очень старательно. Признаюсь, нам, здоровым, сильным людям, видеть такое было тяжело. Много раз женщины плакали после выступлений. Тем больше хотелось работать для этих людей, пострадавших на войне, но жаждущих искусства и благодарных за него. Особенно трогательные встречи случались, когда среди раненых попадались знакомые. Однажды в госпитале я встретил Валентина Маниона, который до войны был верхним партнером в группе акробатов «Манион».

В начале 1942 года в Свердловск приехал представитель Центрального Дома Советской Армии, чтобы организовать фронтовую бригаду артистов. В гостиницу «Большой Урал», где он остановился, началось буквально паломничество. Все боялись опоздать. Но одного желания было мало — шел строгий отбор исполнителей. Руководство области поставило вопрос так, что Урал, зарекомендовавший себя кузницей оружия, должен привезти на фронт большое, настоящее искусство. Для разнообразия в программу был включен акробатический номер. Его исполнителем стал я.

Нам выделили пассажирский четырехосный вагон, и мы заполнили его до отказа, заняв даже верхние багажные полки.

Мы ехали на Волховский фронт, а базироваться должны были в городе Малая Вишера — в ста километрах от блокадного тогда Ленинграда.

После станции Буй война уже на каждом шагу напоминала о себе: разрушенные здания вокзалов, обгоревшие вагоны и взорванные паровозы. Нас постоянно бомбили. Эти частые бомбежки особенно выматывали. Но нашему вагону везло, за все время он не был даже поврежден.

Если раньше репертуар в основном был развлекательным, то теперь во фронтовой поездке программа строилась совершенно иначе. Все было направлено на подъем боевого духа у бойцов. Непередаваемое впечатление производил монтаж известной пьесы Н. Погодина «Человек с ружьем». А появление артиста А. Добротина в гриме В. И. Ленина просто потрясло. Бойцы в этот момент в одном порыве снимали шапки и вставали. Каждое слово в монологе В. И. Ленина и его разговор с Шадриным слушали затаив дыхание.

Случалось и так, что во время действия у входа звучала команда: «Выходи строиться!». И те, к кому относились эти слова, покидали помещение, чтобы двигаться дальше, к фронту.

В конечный пункт своего назначения — Малую Вишеру мы попали в марте 1942 года.

Артистов оберегали. Командование, по возможности, старалось облегчить наш труд и быт, по опасности подстерегали всюду. Выступать приходилось и в лесу, и в палатках, и в землянках. На грузовиках и на танках. Случалось, что концерты прерывались тревогами и бомбежками.

Фронтовая поездка длилась около полугода. Возвращались мы через Москву, затемненную, с противотанковыми ежами и надолбами на окраинах. По центральному улицам столицы девушки, одетые в военную форму, проводили заградительные аэропосты.

Война... Много страданий принесла она советским людям. Попесло урон и цирковое искусство. Многие замечательные артисты ушли на фронт и не вернулись.

Артисты советского цирка... Их искусством восхищаются ныне во многих странах мира. Какой огромный путь проделало это искусство в нашей стране! Американский журналист Эдварс, знаток цирка, посмотрев представление советских артистов на Всемирной выставке в Брюсселе, писал: «Едва ли будет справедливым сравнивать русский цирк и его артистов с другими. Поддерживаемые государством и народом, они имеют неограниченные возможности развивать свои таланты». И это замечено очень верно.

Нет, речь пойдет не о лабораторных лягушках, мученицах науки. В знак признания их заслуг перед наукой поставлены памятники (говорят, один в Париже, другой — в Токио). О чем молчат экспериментальные кваквы и мы помолчим, чтобы не описывать вынужденные мучительства над этими животными ради достижения истин во благо человека. Хотя и вообще об этом не упоминать в рассказе о биологах было бы настоящим ханжеством. Иногда экспериментаторы просто не могут не пропустить лягушек или мышей через мясорубку, чтобы затем, высушив эту массу, сжечь ее и посмотреть золу с помощью спектрографа — какие в ней есть микроэлементы. Так выясняется проникновение из почвы и воды в живое вещество различных химических элементов.

Признаться, на меня произвела оглушительное впечатление эта мясорубка, когда я услышал, как биологи вполне буднично говорили о ней. Это было на конференции молодых ученых, посвященной памяти академика С. С. Шварца, организатора первого в стране института экологии растений и животных Уральского научного центра. На нее приехали также аспиранты из разных мест страны, где развивается экология. Докладывал молодой зоолог из Армении. Он не один сезон изучал структуру и динамику численности популяции грызунов на небольшом нагорье, которое с одной стороны ограничено рекой, а с другой — горами. Словом, здесь можно говорить о существовании относительно постоянной популяции. Исследователь взял под наблюдение не всю округу, а опытный участок площадью двадцать гектаров.

Чем же заинтересовал этот уголок земли молодого ученого? Здесь обнаружено в почве повышенное содержание молибдена. Люди в этом краю издавна болеют подагрой. Треть населения! А когда через молибденовую провинцию прогоняют на пути к мясокомбинату скот, то у животных за один-два дня пастбы успевают расстроиться желудки. У местных же коров выявлено хроническое отравление молибденом. Когда же сюда на лето приезжают издалека биологи или геологи, они, конечно, подагрой не успевают заболеть, но первое время чувствуют недомогание. Молибдена они нахватываются вместе с водой в ручьях...

Молодой исследователь из Армении применил метод морфофизиологических индикаторов (разработанный академиком Шварцем), чтобы обнаружить изменения внутренних органов у кустарниковых полевков и лесных мышей. И увидел, что почки «молибденовых» полевков

О чем молчат лягушки

Юрий
ЛИПАТНИКОВ

Рисунки
Е. Появиной

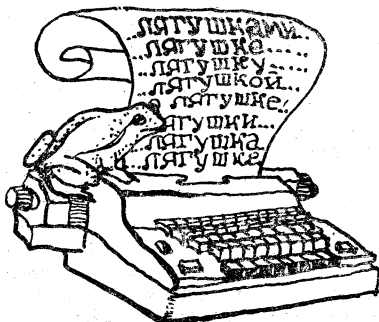
действительно не в норме, но не столь уж не в норме...

Так почему почки у мышей, живущих в необычной химической обстановке, не очень-то увеличены? Возможно, грызуны за свою историю великолепным образом приспособились к молибдену на тканевом уровне? На печально известном острове Бикини после атомного взрыва первыми стали жить мыши, они оказались самыми радиоустойчивыми.

Молодого эколога молодые экологи забросали вопросами... А если в клетках покормить мышей молибденом — ведь так быстрее выявится отравление? Был ли контрольный участок для наблюдений там, где нет молибдена? Тут поднялся профессор Николай Николаевич Данилов, опытный эколог, специалист по биоэнергетике. Он сказал, что исследователь из Армении с достаточной достоверностью выявил реакцию животных на молибден. Мыши — короткоживущие, эфемерные зверьки, и не успевают, в отличие от коров, к примеру, «намолибдениться». А затем Николай Николаевич предложил подумать над тем, что нет ли в этом случае изоляции молибденом? Не может ли быть так, что не горы, не река являются решающими барьерами для мышей-пришельцев, а этот фактор окружающей среды — избыточный молибден.

Кто-то в общем-то верно сказал, что между миром людей и миром животных столько же общего, сколько между клубом дыма и клубом капитанов. Однако нет сил удержаться от соблазна сравнивать животных с людьми... Вот характер национальных кухонь безусловно отражает особенности местной природы и, значит, национальная пища в какой-то мере обособляет человеческие популяции. Легко ли белорусу выдержать огненную кухню грузин или индийцу жирную пищу чукчей? Мне кажется, интересную мысль подарил профессор Данилов молодым экологам на конференции, побудив их подумать над изоляцией популяций не только расстоянием, а и характером пищи.

Сам Шварц, будучи двадцатидевятилетним кандидатом наук, делал похожее исследование летом 1948 года. Шел второй год его работы на Урале. Тогда была экспедиция в район Орска, туда, где добывали горняки руду. Мне о том далеком лете рассказывала кандидат биологических наук, геоботаник с полувековым стажем научной работы Мария Михайловна Сторожева. На сохранившихся у нее фотографиях была видна серая степь, люди в скромной послевосенной одежде, трогательный грузовичок-полуторка, теперь уже не мелькающий по улицам городов... Свердловские зооло-

ги по узкоколейке приехали в тот год к руднику Тай-Кеткен, и высокий, сильный Шварц не позволял женщинам выгружать вещи, а все перетаскал сам. Всех охватило творческое нетерпение: Первое мая провели уже в поле. Жили в сарае, где стояли клетки с сусликами (материал эпидемиологов). Работали здесь и московские ученые, из Института геохимии имени В. И. Вернадского.

Будущий академик Шварц, скинув тапочки и закатав до колен брюки, ходил той весной по лужам и высматривал головастиков...

Что привело биологов в степь? Они хотели выяснить влияние микроэлементов на растения и животных. Здесь медно-никелевая руда близко подходила к поверхности и, очевидно, влияла на все живое.

Вернадский, один из значительных мыслителей нашего века, сочувствовал во взглядах на природу трезвость естествоиспытателя, страстность поэта и масштабность мысленный философа. Он возвышенно писал о том, как жизненный вихрь материи неостановимо пронесит химические элементы среды сквозь живые организмы. Мы славим чудо рождения. Нас печалит чудо смерти. А жатве жизни нет конца. Смерть бессильна уничтожить составные части индивида. Так и идет: восходят из неживой материи разноликие существа и затем растворяются в ней до безликих атомов. Животные — не что иное, как сосуды самой причудливой формы, в коих происходит беззвучное кипение жизни. В эти сосуды биологи должны заглянуть, чтобы понять конкретную суть формулы: все живое — плоть от плоти земли...

Каков же ответ растений и животных на таящуюся под ними никелевую и медную руду? Ботаники в то послевоенное лето довольно скоро заметили, как изменяются, точнее сказать, уродуются околоцветники у анемонов. Шварцу было труднее обнаружить такие очевидные доказательства влияния руды на лягушек. Надо сказать, что эта биологическая работа была задумана для того, чтобы дать способ поиска полезных ископаемых по растениям и животным. Сама эта идея не была новой. Многие народы издревле замечали связь между растениями и рудами. В середине прошлого века отклик живого на тот или иной химический элемент в почве стали изучать уже серьезные исследователи. Так научились, скажем, обнаруживать известняки и серпентиниты. Метод поисков руд по растениям был окончательно признан в начале двадцатого века. Таким образом искал руду знаменитый геолог А. П. Карпинский. Нелишне повторить: живая природа — до удивления многозначна. Оказалось, что есть растения, накапливающие тот или другой хими-

ческий элемент независимо от их места произрастания. Понятно, как легко тут ошибиться. Так, один человек склонен из всего извлекать грусть, а другой — только радость. И суди о человеческих качествах лишь по окружающей обстановке. Словом, биологи несколько охладили геологов, показав им неоднозначность явлений органического мира, но метод тем не менее продолжал совершенствоваться, жив он и поныне.

Через несколько лет после той поездки в степь Шварц опубликует статью о том, как он искал на Южном Урале новые индикаторы полезных ископаемых. За все годы работы в науке академик Шварц делает полтора десятка работ, и я говорю об этой с виду скромной работе потому, что вижу в ней пример той его совершенной неспособности в любую пору своего творчества делать малозначащие, нефундаментальные исследования...

Он ловил зеленых жаб и лягушек, так любезных сердцу его учителя П. В. Терентьева, в карьерах, залитых водой. И установил: многие амфибии болеют. То ли это прямое действие никеля и меди, то ли ослабленный металлом организм лягушки не может устоять перед заблуждениями. Нигде более не встречалось такого числа нездоровых животных. Печень у «медных» лягушек была явно увеличена. Другой бы исследователь этим выяснением ограничился. Шварц обследовал, кроме тысячи амфибий, еще пятьсот млекопитающих да полторы тысячи птиц. Влияние рудного поля на местную живность очевидно. По измененной морфологии и физиологии животных можно уверенно судить о присутствии руды. Практическая рекомендация готова. Однако фундаментальная наука с таких выводов лишь начинается. Шварц на основе тех наблюдений и других придет к мысли о том, что в полевой экологии это вообще должно стать надежным методом определения тех физиологических состояний популяций, которые и являются приспособительными по отношению к переменам внешней среды. И под воздействием Шварца метод морфофизиологических индикаторов овладеет умами многих исследователей не только в нашей стране, но и за рубежом.

А как будто бы летом 1948 года была рядовая поездка в поле, и даже могло кому-то стороннему показаться забавным, как солидной внешности мужчина, закатав брюки до колен, бродит по теплым лужам и ловит лягушачьих головастиков...

В науке о живой природе все взаимосвязано, как и в самой природе. Кандидат биологических наук Владимир Георгиевич Ищенко, ближайший ученик академика Шварца, — подлинный знаток лягушек, изучаю-

щий их популяции. Лет пять назад в стране был издан «Определитель земноводных и пресмыкающихся фауны СССР» для студентов и преподавателей. Ищенко — один из авторов этой в высшей степени строгой книги, в коей недопустима и малейшая неточность. Сорокалетний ученый после двадцати лет биологической работы на Урале стал одним из ведущих специалистов по экологии амфибий. Собрал все серии лягушек страны. На день рождения ему подарил один коллега лягушек, выточенных из уральского камня. Это не значит, конечно, что его квартира переполнена лягушками, в ней много книг. Тут и фолианты по зоологии, и художественная литература. Ищенко — книголюб. Когда закончил в Ленинграде учебу, всего-то имущества было — ружье да рюкзак с книгами.

Родился и рос в Ленинграде. Был юннатом, любил ходить с биноклем по лесу и наблюдать птиц, которые поэтичнее лягушек и, разумеется, больше привлекали мальчишку. И в университете тянулся сначала к орнитологу Мальчевскому, известному теперь собирателю птичьего пения, чья коллекция птичьих голосов славится в кругу биологов и любителей природы. Но однажды профессор П. В. Терентьев предложил студенту Ищенко по специальной методике считать птиц в лесу. Так студент впервые понял, что в природе есть не только поэзия, но и статистика. Терентьев, энтузиаст науки об измерении жизни, биометрии, умел ставить перед учениками не чисто математическую, а биологическую задачу. Профессор попросил Ищенко поймать для него во время летней экспедиции сотню тритонов. Так Ищенко и сам не заметил, как был превращен в исследователя амфибий. Терентьев увлек его бесповоротно. А потом Владимир съездил на Урал, на практику, собрал на Севере материал для курсовой и дипломной работы, ну и чуть позже стал уральцем...

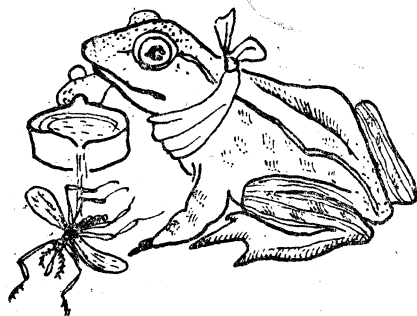
Мы в весеннем лесу, неподалеку от уральского городка Талица. Здесь у экологов стационар. С точки зрения физика, привыкшего к сложному лабораторному оборудованию, у биологов все обезоруживающе просто. Всего лишь бревенчатый дом и никакой аппаратуры. Еще недавно тут был магазин для лесорубов, но хозяева покинули эти места, оставили весь свой поселочек, чтобы жить и работать где-нибудь в другом месте.

Мы с Ищенко идем через сосновый лес. Мой спутник то и дело сворачивает с дороги и там за кустами осматривает травянистые ямы с водой, бочажины. Только потом он объяснил, что эти маленькие водоемы искусственного происхождения. Несколько лет назад к поселку ле-

сорубов делали дорогу и бульдозером то вправо, то влево стлкливали с дорожного полотна лишний грунт. Так и образовалась вдоль дороги на обочинах цепочка ямин, заполнившихся водой, отравянившихся. А я-то думал, что это естественные бочажки. Получилось так, будто люди специально понаделали водоемов для размножения лягушек. Ищенко где-то читал, что за границей даже охраняют такие лужи у дорог, чтобы кто-нибудь их для порядку не засыпал.

И что же в природе происходит после вторжения в нее бульдозера? К дороге, как улицы к главному проспекту, выходят выруба. Лес на них, естественно, возобновляется. Сначала появляются лиственные деревца. Здесь цветет много трав, благоденствует иван-чай. Ясно, что в этих местах масса листогрызущих насекомых, на которых охотятся, в свою очередь, хищные жуки. И вот сюда из придорожных луж выходят молодые лягушки — настоящие львы в мире насекомых. Лягушки (как и человек) — хищники второго порядка. Они бьют не только травоядных, но и хищников. Однажды Ищенко насчитал в ямах у одной проселочной дороги около двух тысяч лягушек, мечущих икру. В небольшой округе сеть мелких водоемов увеличилась в десять раз. Словом, бульдозер вызвал демографический взрыв у лягушек. Так леспромхозы, не ведая об этом, разводят амфибий, которые отчасти и способствуют ускоренному возобновлению леса на вырубах, снижая там полчища листогрызущих насекомых.

Биомасса лягушек на Урале сопоставима с биомассой лосей. Это ведь чистейшая инерция мышления, что мы с вами, биологи, не воздаем должное лягушкам и уж никак не сравниваем их с лосями. А лягушек бывает три килограмма на гектар. Их энергию никак нельзя игнорировать, чтобы понять происходящее в уральском лесу. Попробовал бы какой-нибудь радиоспециалист упорно не придавать значения хоть одной какой-либо детали телевизора. Во-первых, он бы никогда не смог понять, как работает теле-

визор, и, во-вторых, никогда не смог бы его отремонттировать. В точной технике нет ненужных деталей. О природе мы думаем иначе. Не замечаем то, что несъедобно, и считаем: ни того, о чем поют лягушки, ни того, о чем они молчат, знать не обязательно. Лось нас интересует. Он съедобен. Этот древний утилитарный взгляд на природу теперь тревожит экологов. Могушество техники и технологии внушает людям мысль о возможной полной свободе от природы. Уж очень обременительной кажется технократически настроенным современникам забота о животных и растениях. Они как бы хотят отрешиться от земной жизни, мечтая о безоглядном продвижении технической цивилизации в космосе.

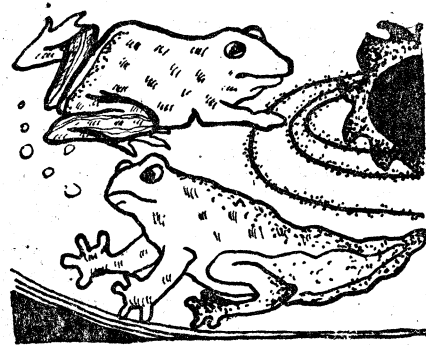
Высшая мудрость — в признании всего многообразия жизни. Поэтому биологи с меньшим воодушевлением изучают не только гордых орлов или таинственную рысь, но и бесхитростную лягушку. Надо знать многое о роли лягушачьих популяций в биогеоценозах. Как, например, происходит их воспроизводство? И представьте, до сих пор в нашей стране фундаментально не изучена с этой точки зрения ни одна популяция лягушек. Повторю, а они — мощная метла, выметающая из лесу вредителей растений. Лягушки уничтожают несколько процентов насекомых. Но этот-то контрольный процент, быть может, и позволяет удерживать насекомых от всплеск размножения. Готовясь к одной научной конференции, Владимир Ищенко просмотрел шестьсот работ, сделанных отечественными зоологами за последние десять лет. Обследованы все тридцать видов земноводных нашей страны. Однако нигде не проведено стационарное изучение воспроизводства какой-то отдельной популяции лягушек. Так-то мы знаем жизнь этих банальных животных! Активнее изучаются промысловые виды животных — соболь, лось, белка. Это и понятно. Но дальновидно ли обходить таким же научным вниманием жаб и лягушек? Да, промысел их в нашей стране развит слабо. Немного продаем за границу, во Францию. И, кажется, это все. Правда, где-то начинают специально выращивать лягушек на экспорт. Наверное, это лишь начало.

Уральские экологи изучают лягушек не ради сиюминутной хозяйственной выгоды. Изучают фундаментально. И наука эта не эффективная, не из легких, потому что лягушка не так уж и проста. Например, у амфибий тоже обнаружен хоминг, инстинкт возвращения в родной водоем. Животных уносили в лес почти на километр. Как же они ориентируются? Им заклеивали глаза — они возвращаются. Их лишали слуха и обоняния — они возвращаются. Кто-

му же скажут к родному водоему не зигзагами, а строго по перпендикуляру к берегу. Может, они улавливают своей голой кожей увеличение влажности воздуха? Но как они при этом отличают влажность именно своего водоема? Загадка...

Лягушки могут быть индикаторами загрязнения окружающей среды. Один из учеников академика Шварца защитил диссертацию, посвященную этой проблеме. Диссертант со всей очевидностью доказал, что лягушки в районе автодорог отравлены свинцом, вылетающим из выхлопных труб. Мы, мчась в автомобилях, даже не подозреваем, что при этом создаем ядостойкие расы лягушек...

Много есть и других интересных работ о лягушках. Нас же интересует популяционный подход к этому животному. Именно он сулит новый успех в познании якобы познанных лягушек. Поначалу в экологии утверждался географический подход к определению популяций: на какой-то территории живет такая-то попу-

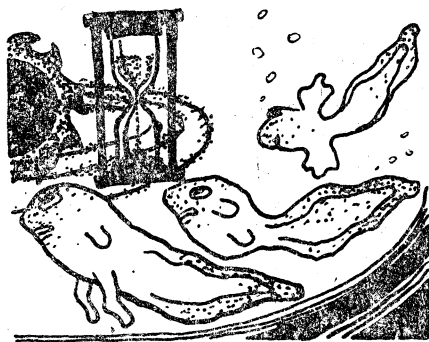

ляция. Этой точки зрения придерживались некоторые крупные московские экологи. Академик Шварц разрабатывал иное объяснение этого природного явления. Он предлагал изучать то, как ей при всей сложности структуры удается сохранить единство жизнедеятельности.

Если говорить с точки зрения охотоведов, то объектом промысла, по Шварцу, надо считать не территорию, а популяцию. Разница во взглядах на популяцию, думаю, ощутима и для неспециалистов. Однажды Шварц на охотоведческом конгрессе показал именно на примере лягушек, как надо воздействовать на промысел ондатровых популяций. Для традиционно мыслящих охотоведов все это было необычным. Однако прогресс биологии — в переходе от изучения отдельных организмов к исследованию отдельных популяций. Популяция — не географическая отдельность, а самовоспроизводящаяся система, функционирующая единица. Академик Шварц

более всего гордился премией имени Северцова, которая дается за развитие эволюционного учения. Награда была признанием его заслуг в том, что он содействовал возвращению биологии от генетики к Дарвину, то есть к исследованию дикой природы.

...Я слушаю доклад Владимира Ищенко на одной из всесоюзных конференций экологов. Он говорит о том, что сама структура популяции амфибий такова, что удобно изучать группы этих животных. лягушки естественно разобщены по лужам, по ямам, по бочажинам. Там можно изучать, скажем, брачные скопления земноводных. Эти скопления варьируют от 60 до 600 особей. И зоолог наблюдает, как в период размножения формируется лягушечья популяция в этой сети водоемов. В каждой луже несколько свои условия. Каждый год к тому же условия меняются. Популяция гуляет в пространстве, в том смысле, что то один, то другой водоем вдруг дает решающий вклад в ее численность.

Один какой-либо центр размножения способен обновить более половины лягушачьего населения. Пересох один водоем, в лидеры по размножению выходит другой. И в командном зачете популяция, борясь за существование, все равно оказывается победителем. В обыкновенных лужах работает закон природы — там творится разнородность популяции. Подвигом мысли можно назвать проникновение ученых в микромир живого. Экологи трудятся, чтобы понять большой мир растений и животных всей планеты, который под непреклонным влиянием Солнца одновременно и разрушается, и воссоздается. Воссоздается генетически чуть иным, чем был вчера. Вот почему надо много весен зорко наблюдать за происходящим в лягушачьих лужах, чтобы уловить тонкости этого явления: как же популяция не только не позволяет себе при всех переменах условий жизни обеднить свой генофонд, но даже и обогащает его. Иначе не будет ни-

какой эволюционной судьбы! Биологи все эти вещи называют перестройкой генетической структуры популяций.

Гены и среда... Это — одна из центральных проблем популяционной биологии. Здесь идет поиск ответа на вопрос: в какой же мере среда определяет гены? С лягушками проводили такие опыты. Закладывали в разные водоемы одинаковую генетику (генетически родственных животных). И что же? Природа дает один ответ: при одинаковой генетике получается разнородная популяция. Значит, экологические условия первичны, следовательно, среда первична, а гены вторичны. И можно поставить точку на долгом споре? Разумеется, нет. Чтобы получить полный ответ, надо задать полный вопрос. Видимо, поэтому экологи приходят теперь к осознанию того, что популяцию животных как единое природное тело надо изучать комплексно, коллективно — и генетикам, и экологам. А не так: генетики изучают одно, а экологи — другое. Так в биологии уже было. Дробили организм животного. Одни изучали морфологию, другие — физиологию. Пока не пришли к взгляду о целостности организма.

Однако вернемся из теоретической экологии в уральский лес... Еще раз похвалим амфибий. Уже личинки амфибий полезны. Они, к примеру, едят остатки органики, питаются также сине-зелеными водорослями. Таким образом они как бы специально чистят водоемы, не даю им зацвести. В степных борах молчаливые амфибии за свой охотничий сезон на одном квадратном километре уничтожают до нескольких тонн опасных вредителей лесного хозяйства — фитофагов. лягушки в борах сильно прореживают ряды долгоносиков и пилильщиков.

Давно говорится, что влюбленная лягушка и Волгу переплывет. Должна она переплыть и эпоху индустриализации. Переплыть — познанной. Чем скорее мы узнаем законы жизни лягушачьего племени, тем серьезнее будем оказывать ему свое покровительство. Впрочем, вернее говорить не о защите тех или иных животных, а о самозащите человека. Без животных мы обеднили бы свою психику, «а, в конце концов, самое главное, что у нас есть — это наша психика». Так говорил академик Шварц. Все понимают, о чем поют весенние лягушки — о жизни, о любви... Надо чтобы больше людей понимало также и то, о чем они молчат, большее-то время своей жизни они молчат. Не только ради науки, но и во имя экологического просвещения людей работают там, в природе, современные натуралисты.

Чудо-лак

В НИЖНЕТАГИЛЬСКОМ ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННОМ МУЗЕЕ ХРАНИТСЯ ЛЮБОПЫТНЫЕ АСТРОНОМИЧЕСКИЕ ЧАСЫ. ИЗГОТОВИЛ ИХ ТАГИЛЬСКИЙ ИЗОБРЕТАТЕЛЬ-САМОУЧКА Е. Г. КУЗНЕЦОВ-ЖЕПИНСКИЙ. ПРИ ВСЕХ МЕХАНИЧЕСКИХ ДОСТОИНСТВАХ — ЧАСЫ ПОКАЗЫВАЛИ СОЛНЦЕ, ФАЗУ ЛУНЫ, МЕСЯЦ, ВРЕМЯ — ОНИ ИНТЕРЕСНЫ НЕОБЫЧНЫМ УКРАШЕНИЕМ. ПО ЦИФЕРБЛАТУ, БОКОВЫМ ЧАСТЯМ ЛЕГКО И СВОБОДНО РАСКИДАНЫ ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ, НА ВЕТКАХ ДЕРЕВЬЕВ СИДЯТ ЗАМОРСКИЕ ПТИЦЫ. ПО КРАЯМ ИДЕТ ОРНАМЕНТ. И ВСЕ СВЕТИТСЯ, ИГРАЕТ КРАСКАМИ. А ВЕДЬ ЖИВОПИСИ БОЛЕЕ 250 ЛЕТ!

ЭТО — САМЫЙ РАННИЙ ИЗ ВСЕХ СОХРАНИВШИХСЯ ОБРАЗЦОВ УРАЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ ЖИВОПИСИ НА МЕТАЛЛЕ. ЯРКАЯ ЖИВОПИСЬ ЧАСОВ ПОКРЫТА СТЕКЛЯННЫМ ЛАКОМ. ПОЭТОМУ ЕЙ И ПОСЧАСТИЛИЛОСЬ УЦЕЛЕТЬ. «А ЛАК ТАКОЙ, — ПИСАЛ П. П. БАЖОВ В СВОЕМ СКАЗЕ «ХРУСТАЛЬНЫЙ ЛАК», — ЧТО ЧЕРЕЗ НЕГО ВСЕ ДО КАПЕЛЬКИ ВИДНО, И СТАНЕТ ТА РИСОВКА ЛИБО КАРТИНА КАК ВЛИТАЯ В ЖЕЛЕЗО...» НЕ ИЗОБРЕЛИ БЫ ТАГИЛЬСКИЕ ХУДОЖНИКИ ПРОЗРАЧНЫЙ, БЛЕСТЯЩИЙ ЛАК, КТО ЗНАЕТ, СМОГЛИ БЫ МЫ СЕЙЧАС ГОВОРИТЬ ОБ АСТРОНОМИЧЕСКИХ ЧАСАХ И ВООБЩЕ О РОСПИСИ ПО МЕТАЛЛУ, КОТОРАЯ ТАК И НАЗЫВАЛАСЬ «ЛАКОВАЯ ЖИВОПИСЬ» И ЕЩЕ ДОБАВЛЯЛИ «СИБИРСКАЯ», ЧТОБЫ НЕ СПУТАТЬ С ВОСТОЧНОЙ. НИ С КАКИМ ДРУГИМ ТАГИЛЬСКИМ ЛАКОМ ПО ПРОЧНОСТИ И ДОБРОТЕ РАВНЯТЬСЯ НЕ МОГ, А АНГЛИЙСКИЙ ДАЖЕ ПРЕВОСХОДИЛ. ПОТОМУ И ДЕРЖАЛИ ТАГИЛЬСКИЕ МАСТЕРА В СТРОЖАЙШЕЙ ТАЙНЕ РЕЦЕПТ ЕГО ПРИГОТОВЛЕНИЯ. ВСЕ МЕНЬШЕ ЛЮДЕЙ ХРАНИЛИ В ПАМЯТИ СЕКРЕТ ЛАКА, А В НАЧАЛЕ НЫНЕШНЕГО ВЕКА ОН ЗАТЕРЯЛСЯ И ОКОНЧАТЕЛЬНО ИСЧЕЗ ИЗ ЛЮДСКОЙ ПАМЯТИ.

Л. КОНСТАНТИНОВА

КРЕЩЕНИЕ ПОЛЯРНЫМ УРАЛОМ

**Анатолий
ОМЕЛЬЧУК**

«Эта экспедиция дала мне очень много. Это было мое первое экспедиционное крещение, которое послужило выработке серьезного характера». Так три десятилетия спустя вспоминал о своем полярно-уральском путешествии выдающийся советский естествоиспытатель Владимир Николаевич Сукачев. За свою большую жизнь в науке (шесть с половиной десятилетий) ему пришлось путешествовать в Приангарье, по Северному Казахстану, Южному Уралу, в Семиречье и Донбассе, по берегам Байкала, он изучал природу Китая и Индии, но эту первую экспедицию всегда выделял особо.

Перечисление заслуг и титулов этого ученого заняло бы не одну страницу. Он был президентом Ботанического общества и старейшего в стране Московского общества испытателей природы, почетным председателем Российского географического общества, ему присвоено звание Героя Социалистического Труда, его избрали своим корреспондентом зарубежные академии и научные общества. Как отмечают биографы, работы Сукачева были «классическими и начинают новые разделы науки, как, например, болотоведение, палеоботаника четвертичного периода, фитоценология и типология леса, селекция древесных растений». О книге Сукачева «Болота, их образование, развитие и свойства» похвально отзывался В. И. Ленин.

В начале 1909 года к Сукачеву обратился академик Н. П. Бородин. Он сообщил, что Академия наук принимает участие в снаряжении экспедиции к Карскому морю, которой требуется ботаник. Идея Сукачеву понравилась, и он согласился. Эта экспедиция заинтересовала его в первую очередь тем, что была комплексной: плечом к плечу здесь трудились биолог, геолог, этнограф, зоолог и агроном. Сотрудничество с представителями смежных наук стало для Сукачева тем плодотворным импульсом, который заставил его взглянуть на природу более обще и многосторонне, включить в систему биологических представлений законы других отраслей знания. И не случайно его называют отцом отечественной биоценологии — науки-предшественницы популярной ныне экологии. Биоценология, как явствует уже из ее названия, родилась как раз на стыке нескольких отраслей знаний.

А начиналось это крупное научное предприятие с затей двух богатых молодых чаоторговцев, братьев Николая и Григория Кузнецовых, которые долго прожигали свою жизнь в Париже, но это им наскучило, захотелось чего-нибудь особо экзотического. Например, захватывающей охоты в Арктике на полярных волков и белых медведей. В конце концов остановились на Полярном Урале. Об их затее узнал доктор Михаил Григорьевич Мамуровский, активный деятель Географического общества, который и предложил богатым следопытам прихватить с собой нескольких исследователей для изучения края, о котором наука знала пока немного.

Чаоторговцы, не лишённые некоторой склонности к благотворительности, откликнулись на просьбу, и энергичный доктор развил бурную деятельность. Военное ведомство выделило в распоряжение «охотничьей» экспедиции коллежского советника, топографа Н. А. Григорьева, горный институт — студента В. Г. Мухина, который, помимо обязанностей коллектора геологических образцов, мог выполнять и регулярные метеонаблюдения. Московский университет в качестве коллектора по этнографии отрядил студента Д. Т. Яновича. Зоологию представлял Ф. А. Зайцев, а в Тюмени к экспедиции присоединился ученый агроном Дж. Як Вардропер. В. Н. Сукачев был в те годы ассистентом лесного института.

И вот когда необходимая смета завершилась, неожиданно заболел и слег доктор Мамуровский. Предприятие повисло в воздухе: благотворительность благотворительностью, но ждать братья-чаоторговцы не хотели, их егерский отряд уже собрался. По совету академика Ф. Н. Чернышева пригласили тридцатилетнего геолога Хельге Гётрика Баклунда (в России его, впрочем, именовали Олегом Оскаровичем), — он был сыном директора Пулковской обсерватории академика О. А. Баклунда. Несмотря на свою молодость, он уже побывал на Таймыре, Шницбергене и в других арктических краях. Он специализировался в тектонике и петрографии, а Полярный Урал в этом отношении все еще представлял белое пятно. Выработывая маршрут экспедиции, он убедил всех, что требуется изучение восточного малонаисследованного склона.

Так экспедиция, задуманная как «охотничья», превращалась в большое научное предприятие. И братья Кузнецовы, компаньоны чайной фирмы, не скупились на расходы — все снаряжение закупалось на их деньги. Позднее в отчете Баклунд писал: «Господа Кузнецовы не удовлетворились тем, что пожертвовали средства на экспедицию: они позаботились и о дальнейшей судьбе коллекций и материала наблюдений, обеспечив издание научных результатов».

Подготовкой на месте занимался тюменский агроном Вардропер — ученый представитель известной в здешних краях семьи пароходовладельцев. Агроном нанял два оленьих каравана и договорился с обдорскими торговцами об организации двух «магазинов» (складов провизии) в верховьях рек Шучья и Кара.

В конце мая 1909 года заведующий Обским казенным пароходством на пароходе «Ангара» доставил охотников и ученых к устью Соби, куда через день подошли и каюры-ханты, а с ними 80 оленей. Обоз получился внушительным — подводчики шли, как древние патриархи, со своими многочисленными домочадцами, а следом за научным аргышем¹ следовало стадо в полторы тысячи оленей. О длинных переходах с таким обозом не могло быть и речи. На первой же стоянке начались распри с каюрами: оленьих погонщиков возмущало, что везут они какой-то несерьезный, по их разумению, груз — «камни», «землю» и «сено». Главным подводчиком был Матвей Григорьевич Кондыгин, по прозвищу Наука, смуглый лицом голубоглазый хант, который даже в мороз с ветром не надевал шапки. Первым его помощником считался Толя — так именовали высокого старика с голым череном, полное имя которого — Василий Константинович Серасхов. Дорогу проводники знали в общем неплохо, но зато совсем не понимали задач путешественников. На стоянках подолгу препирались, паниковали, требовали возвращения в Обдорск, не хотели везти «сор», оставляли нарты с экспедиционным грузом.

При переправе через реку Хадыту олень-вожак бросился впасть в самом неподходящем месте: в обледневшем русле с крутыми обрывистыми берегами течение оказалось особенно стремительным. Стадо бросилось за вожакон, слабые важенки и телята не могли

¹ Аргши — олений обоз.

выбраться на берег, их несло по течению и било о камни. Толя разразился «невиданным доселе ревом», грозно махал хореом, но, пожалуй, ему-то не стоило негодовать: стадные привычки оленей мог знать и менее опытный проводник.

На реке Щучьей путешественники склада провианта не обнаружили. Это сразу их насторожило и заставило пересмотреть намеченный план. Первоначально они намеревались разделиться на два отряда, чтобы один двинулся на запад, к Каре, а другой прямо на север, к горе Минисей. Но если им не приготовили первый склад, то где гарантия, что второй доставлен на место? Несмотря на свежую оленину, припасов было в обрез, поэтому и приняли решение не испускать судьбу, дабы не обречь карский отряд на голодное существование, и идти одним отрядом обратно.

Экспедиция двигалась по долинам рек — сначала Ханымея и Харбея, потом Соби и Лонгот-Югана, прошла притоками Усы и Щучьей. Здесь путешественники увидели озеро Щучье. Скандинав Баклунд, сдержанный на выражение чувств, в описании озера записал в отчете: «Вид, открывающийся с лагеря на запад, поражал своей красотой!».

Путешественники шли самой пустынной частью маршрута: за все время пути не встретили ни одного оленевода, хотя конечная цель экспедиции уже виделась невооруженным глазом. У истока Байдараты Баклунд поднялся на 500-метровую вершину и оттуда «при исключительно прозрачном воздухе видел ее устье и море (юго-западный угол Байдарачьей губы) с противоположным берегом Ямала, поднятым миражем». Здесь на Саурейском плато, путешественники наконец-то увидели чумы кочующих хантов и коми. Надо ли говорить, как обрадовались этой встрече исследователи, которых угнетало безлюдье и одиночество.

Выход к реке Каре был тревожным: проводники от кочующих пастухов узнали, что в этих местах начался падеж оленей... Случайно или закономерно, но все большие экспедиции на Полярный Урал страдали от мора оленей. Спутникам Баклунда тоже довелось увидеть, как олени становятся беспокорными, много пьют и со вздутыми животами падают в предсмертных судорогах.

Вскоре среди горных вершин показалась снежная шапка Минисея, священной горы остяков.

У Минисея сделали большой привал — пять дней дали на отдых измученным оленям. Разочарованные Кузнецовы с егерями и практически бесполезный этнограф Янович двинулись обратно. Падеж оленей, все чаще и чаще попадавшиеся трупы животных нагнали на Науку и Толю такого страха, что они даже не признали реки Кары, на берег которой вышли. До морского побережья оставалось около двух десятков верст, когда каюры наотрез отказались двигаться дальше.

Однако тут у путешественников неожиданно оказалось много добровольных помощников среди коми и ненцев. Особо старался бывший воин Преображенского полка мужчина гвардейского сложения Полиевкт Иванович Чупров, или, как все его величали, — Полуп. Он пользовался большим авторитетом среди тундровиков, хорошо знал ненецкий язык и местные обычаи. Полуп созвал большое совещание окрестных оленеводов, на котором лились потоки чая и было выработано единое решение: назад экспедиция будет возвращаться путем подстав. Ненцы согласились выделить путешественникам необходимое количество оленей и нарт. Все они свое слово сдержали. Когда же случались какие-то затруднения, на экспедиционной стоянке незамедлительно появлялся Полуп и сразу решал все проблемы.

На одной из стоянок на карском побережье в экспедиционном лагере появился старик ненец, который добровольно предложил свои услуги. Он назвался Нондей, сыном Васяды. Как оказалось, его отец служил проводником в экспедиции Гофмана. В подтверждение своих слов старик из недр первобытного кожаного бумажника, обернутого платками, вытащил благодарственную за

оказанные услуги грамоту Географического общества, на которой можно было разобрать подписи маститых деятелей фон Бэра, Гельмерсена, графа Литке, Струве и самого Гофмана! Нондей Лапандер, его братья Арап и Етана хорошо знали тундру и оказались толковыми проводниками. Етана, как выяснилось, кочевал по Малоземельской тундре, знал и Канинскую, бывал на Соловецких островах. Когда топограф Григорьев показал ему карту, Етана сразу объяснил, как вытянут по меридиану полуостров Ямал, как он примыкает к Байдарачьей губе и где находится остров Белый. По сравнению с неуправляемым Наукой и упрямым Толей толковые Лапандеры оказались просто находкой. Вторая часть путешествия заставила исследователей поверить в то, что в тундре можно найти надежных и толковых проводников.

По морскому побережью экспедиция от устья Кары вышла в бассейн Байдараты, а отсюда повернула назад. Начиналось осеннее половодье, и речушки, которые летом выглядели скромно, на глазах превращались в бурные стремительные потоки. В научной амуниции ученых был плот на воздушных подушках — наследие профессора Б. М. Житкова, которое он оставил в Обдорске как раз для будущих исследователей высоких широт. Путешественники применили его при форсировании Байдараты.

Путешествие по Щучьей особыми трудностями не отличалось, если не считать, что на переправу ушло два дня. Здесь, хотя уже стоял сентябрь, путешественники даже искупались, — было +20°. На Обь экспедиция вышла девятнадцатого сентября. Здесь ученых дождался паровой катер «Аркадий» и петербургский коллега, оказавшийся в этих местах, в будущем выдающийся этнограф и антрополог Сергей Александрович Руденко. А в Обдорске на пароходе «Тобольск» экспедицию ждал, сделав все необходимые приготовления, здешний краевед А. А. Дуниг-Горкавич. Столицу нижнего Приобья экспедиция покидала в последний день сентября.

Пока «Тобольск» неспешно поднимался против течения, можно было подвести первоначальные итоги сделанного. В Академию наук Баклунд сообщал:

«В зоологическом отношении Полярный Урал до сих пор не был исследован, особенно что касается беспозвоночной фауны, по которой экспедиция собрала богатый материал. Ботанико-географические исследования значительно дополнили существующие списки, и весьма ценные указания дают исследования по истории развития флоры. По части динамической геологии удалось найти доказательства мощного прежнего оледенения Полярного Урала».

Вот что дала экстравагантная «охотничья» экспедиция, на которую разорились кутилы Кузнецовы. В конечном счете трофеи для науки оказались ценными...

...Секретарь управления триангуляции западного пространства, коллежский советник и классный топограф Григорьев очень постарался: карта, составленная им и приложенная к баклундову отчету, не особо разнится даже с современными. Но целые квадраты на ней пусты — просто чистое пространство, на котором нет ни одного штриха, черточки, никакой привязки. Это и есть те самые классические белые пятна. Существует выражение «стирать белые пятна». Выражение это неверно по сути: как можно стирать там, где ничего нет? Исследователи не стирали, а как раз заполняли эти белые пятна той информацией, которая добывалась с великими трудами.

А карта Григорьева показывала, что за два с половиной столетия изучения Полярного Урала русские исследователи хотя и сделали много, но преуспели далеко не во всем. Советским исследователям досталось в здешних местах еще много географических белых пятен.

**Владимир
ПОПУГАЙЛО**

Николай Коперник

Основным своим трудом «Об обращении небесных сфер» (он увидел свет в день смерти автора) Николай Коперник (1473—1543) совершил переворот в естествознании, показав истинное строение солнечной системы. О нем говорят как о человеке, «остановившем Солнце и двинувшем Землю». Но мало кому известно, что после пятилетнего обучения философии, математике, астрономии и геологии в Краковском университете, а затем в Падуе и Риме он в 1501 году по решению епископального капитула в Вармии, возглавляемого его дядей, направляется в Падуанский университет (Италия) для изучения медицины. Здесь среди других известных профессоров он слушал лекции Джираламо Фракасторо — знаменитого врача, физика, астронома и поэта, считающегося отцом эпидемиологии.

С 1507 года Коперник занимается врачебной практикой, вначале лейб-медиком у своего дяди — епископа в Лидзбарке, а с 1512 года — во Фрауенбурге. В этом городе он и провел свои астрономические наблюдения, сделал математические расчеты, которые затем привели его к величайшему открытию того времени. Хотя в одном из писем его современника, герцога Альбрехта Прусского, Николай Коперник назван доктором медицины, а на памятной доске в кафедральном соборе Фрауенбурга он величается доктором искусств и медицины, но имел ли он степень доктора медицины — документально не установлено, так как архив Падуанского университета тех времен не сохранился. Скорее всего, эта степень ему была присвоена, так как без нее он вряд ли имел бы такую обширную медицинскую практику. Он оказывал помощь высокопоставленным лицам и всем, кто к нему обращался, лечил от малярии и проказы, бесплатно снабжал бедняков лекарствами, консультировал больных далеко за пределами города. Сохранилось много простых

...И великие МЕДИКИ

и сложных рецептов, выписанных его рукой.

Н. Коперник внес существенный вклад в борьбу с эпидемиями, добился улучшения снабжения населения чистой водой путем строительства акведуков. На одном из них во Фрауенбурге были высечены слова: «Его мудрость возвращает людям то, что природа у них отнимает».

На одном из старых портретов Коперника (художник Тобиаш Штimmer) и другом, считающемся автопортретом, он держит в руке цветок майского ландыша, который является одной из старинных эмблем медицинской профессии.

Николай Коперник был не только великим астрономом, математиком и врачом, но и государственным, общественным деятелем: он имел диплом доктора права.

Петр Первый

Датой рождения официального здравоохранения в России можно считать указ Петра Первого от 25 мая 1706 года, коим предписывалось открыть в Москве первый госпиталь европейского типа и при нем — медико-хирургическую школу для подготовки врачей. Руководить учреждением было поручено хирургу и анатому Николаю Бидлоо, приглашенному государем в 1703 году из Голландии на должность лейб-медика.

«Гофшпиталь» открылся «за Яузю-рекой, против Немецкой слободы, в пристойном месте». В анатомическом театре (так называлось учебное помещение при морге) Петр I «сам при разъятии мертвых тел многократно присутствовал». Сейчас в этих зданиях размещается госпиталь имени Н. Н. Бурденко Московского военного округа.

Будучи в Голландии, Петр I, наряду с изучением военно-морского дела и других дисциплин, слушал лекции известного врача Германа Бураве. Он обучался анатомии у знаменитого Фредерика Рюйша, у которого приобрел коллекцию диковинных анатомических препаратов для будущей российской кунсткамеры (где их можно и сегодня видеть), посетил Антонио Левенгука и ознакомился с его исследованиями. После возвращения в Россию он повелел в мастерских

двора изготовить первые в стране микроскопы.

На одном из островов Петербурга в 1714 году по указанию царя был построен домик аптекаря и вскопан огород для лекарственных растений. Теперь этот питомник лекарственных растений на Аптекарском острове входит в состав Ботанического института имени Комарова АН СССР.

Начало развития курортного дела в России также принято связывать с именем Петра I. В 1717 году он предписал Сенату «искать в нашем Отечестве ключевых вод, которые можно использовать от разных болезней». Это было поручено лейб-медику Шоберу, который после проведенной работы описал минеральный источник на Тереке, пятигорские и кисловодские теплые и кислые минеральные воды. По указу Петра I в Карелии был основан первый российский курорт «Марциальные воды».

По проекту Петра I была учреждена Российская Академия наук, начавшая работать в 1725 году. Первым ее президентом был назначен лейб-медик Л. Л. Блюментрост. Интересно, что в числе первых членов академии были математики Л. Эйлер и Д. Бернулли, имевшие медицинское образование, как и М. Ломоносов, ставший академиком в 1742 году.

М. В. Ломоносов

Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765), энциклопедист, ученый, мыслитель-материалист, поэт, имел также и медицинское образование. За границей, в Марбурге, он получил ученую степень кандидата медицины, а затем изучал горное дело во Фрейбурге у И. Ф. Генкеля, врача по образованию.

Свои медицинские познания М. В. Ломоносову приходилось применять на практике. Во множестве своих статей и трактатов он не только излагает результаты медицинских наблюдений, но делает теоретические обобщения и дает на их основе конкретные гигиенические советы и организационные рекомендации.

М. В. Ломоносов обогатил различные теоретические разделы медицины, высказывая мысли, которые лишь много лет спустя нашли подтверждение в работах зарубежных врачей и естествоиспытателей. Так, он писал об органах чувств как об окончаниях соответствующих чувствительных нервов, пытался объяснить механизм передачи раздражения по нервам в мозг, считал, что вкус и обоняние — это результат воздействия молекул материи на нервные окончания, разработал гипотезу цветоощущения, которая через 100 лет будет сформулирована

на как теория Юнга Гельмгольца. Интересно отметить также замечание Ломоносова: «...еще принадлежат к причинам болезней и пристрастия души нашей: понеже довольно известно, что за вред нечаянное испуганье, печаль, боязнь и любовь нашему телу навести могут». Как это переключается с теорией стресса, разработанной канадским ученым Гансом Селье только в середине XX века!

Ратуя за «сохранение людского здоровья и для попечения о нем», М. В. Ломоносов не раз писал о нехватке в России врачей, фельдшеров, повивальных бабок, аптек, предлагая, чтобы наряду с обучением за границей, у нас дома «как в аптеках, так и при лекарях было довольно число учеников». Он добивался учреждения при Петербургском университете медицинского факультета, и при организации Московского университета (1755) такой факультет был предусмотрен, причем обучение разрешалось не только дворянам, но и разночинцам.

Имеется много высказываний о необходимости повышения качества многосторонней подготовки врачей. Сам он в совершенстве знал анатомию, редактировал и сделал перевод терминов для анатомического атласа, подготовленного его учеником, первым отечественным патологоанатомом А. П. Протасовым.

Можно сказать, что М. В. Ломоносов был гигиенистом самого широкого профиля. Он провозгласил: «Несравненно легче настоящее здоровье соблюсти, нежели потерянное возвратить».

А. Н. Радищев

Александр Николаевич Радищев (1749—1802) — мыслитель-материалист. Его труды оказали серьезное влияние на мировоззрение декабристов и А. С. Пушкина.

Мало кому известно, что А. Н. Радищев имел и медицинское образование. В числе двенадцати царей Екатерины II в 1766 году он был направлен в Лейпцигский университет обучаться правоведению, где по своей инициативе пять лет одновременно изучал еще медицину и философию. По свидетельству его сыновей в книге «Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями», их отец «...мог бы выдержать экзамен докторский», «... всю жизнь практиковал медицину с довольном успехом», «...был на практике порядочный медик, лечил удачно. Химия была его любимым упражнением».

Свое основное произведение «Путешествие из Петербурга в Москву» он издал анонимно в 1790 году. Однако авторство было вскоре установлено, и за правдивое описание потрясающей картины

угнетения крестьян «бунтовщик хуже Пугачева» был приговорен к смертной казни, которую Екатерина II «всемилодивейше» заменила ссылкой в Сибирь.

Находясь в Илимском остроге в течение семи лет, он успешно лечил местных жителей. Еще до открытия английским врачом Э. Дженнером оспопрививания А. Н. Радищев делал прививки против оспы жителям Илимска, в том числе своим детям, родившимся в Сибири.

А. П. Бородин

Композитор Александр Порфирьевич Бородин (1833—1887) широко известен как автор оперы «Князь Игорь» и других музыкальных произведений, а также как участник балакревского кружка «Могучая кучка». Но мало кому известно, что он окончил, причем с отличием, Петербургскую медико-хирургическую академию, работал врачом-ординатором в военном госпитале, ассистентом кафедры общей патологии и терапии, а в 1858 году защитил диссертацию на степень доктора медицины на тему: «Об аналогии фосфорной и мышьяковистой кислоты в химических и токсикологических отношениях». Он был одним из организаторов и преподавателей высшего учебного заведения для женщин — женских врачебных курсов при медико-хирургической академии.

По решению военно-медицинского совета академии молодой ученый в 1858 году направляется в город Солигалич (ныне Костромской области) для изучения бальнеологических свойств вновь открытого источника минеральной воды. Результаты своих исследований он опубликовал в специальной статье, после чего северный курорт стал весьма популярным. Сейчас в санатории, которому заслуженно присвоено имя А. П. Бородина, ежегодно поправляет свое здоровье более двух тысяч человек.

В 1862 году А. П. Бородин — уже профессор биохимии в родной медико-хирургической академии, а с 1877 года — академик. Им написано более 40 работ по органической химии.

А. П. Чехов

Антон Павлович Чехов (1860—1904) окончил медицинский факультет Московского университета в 1884 году, уже имел в активе четыре года литературной деятельности. Первая табличка «Доктор А. П. Чехов» появилась на дверях его квартиры в Чижовской земской больнице. Затем в течение трех лет он работает в Звенигородской больнице, а с 1892 года — в деревне Мелихово Сернуховского уезда, вблизи

города Лопасня (ныне город Чехов).

Антон Павлович завоевал репутацию чуткого, отзывчивого и безотказного врача. От больных не было отбоя. В литературной среде его даже упрекали в том, что врачебная деятельность отвлекает от творческой работы. Но, гордясь своей профессией, он отвечал: «Если я врач — мне нужны больные и больница. Если я литератор, то мне нужно жить среди народа... Нужен хоть кусочек общественной и политической жизни».

Посетители Ялтинского дома-музея А. П. Чехова могут и сегодня увидеть на его рабочем столе стетоскоп и другие медицинские инструменты, атрибуты врачебной деятельности замечательного русского писателя.

К. С. Станиславский в книге «Моя жизнь в искусстве» вспоминает: «Однажды А. П. Чехов услышал, что ищет доктора для захворавшего артиста, которого он очень любил и которому он впоследствии специально писал роли в «Вишневом саде» и «Трех сестрах». «Послушайте, я же доктор при театре!» — воскликнул Чехов. Он гордился своими медицинскими знаниями гораздо больше, чем литературным талантом. «Я же доктор по профессии, но иногда пишу в свободное время», — говорил он очень серьезно. Чехов пошел лечить своего любимца и прописал ему валерьяновые капли, то есть то самое лекарство, которое в шутку даст всем доктор Дорн — одно из действующих лиц его «Чайки».

Выполняя свои докторские обязанности, участвуя в санитарном обследовании фабрик, судебно-медицинских экспертизах, в первой всеобщей переписи населения России (1893), А. П. Чехов видел тяжелые условия жизни и труда крестьян и рабочих. В 1890 году он предпринял утомительное путешествие на дальний Сахалин, чтобы изучить условия жизни каторжан и политических ссыльных. Там в течение трех месяцев А. П. Чехов собирал социологический и санитарно-статистический материал для книги «Остров Сахалин». В ней приведены потрясающие сведения о высокой заболеваемости и смертности среди местного населения. Главное обличение писателя-гуманиста вынудило царское правительство снарядить специальную комиссию на Сахалин для расследования приведенных в книге фактов.

В незаконченной диссертации «Врачебное дело в России» Антон Павлович Чехов собрал богатый материал, анализ которого проводил с прогрессивных позиций. По его мнению, врач должен быть общественным деятелем с высоким сознанием долга и ответственности не только перед больным, но и перед родиной.

Гармонь моя...

**Наталья
НЕРУШ**

Коллекция у Ивана Михайловича и Зои Павловны Сараевых удивительная и редкая: собрание голосистых и певучих гармоник — уральская однорядная, саратовская с колокольчиками, русская двухрядная, черепашечка... Все, как на подбор, — красавицы. Глянцевые, полированные корпуса, резные решетки, разноцветные меха, узорчатые деки, инкрустированные перламутром. И коллекция эта — рукотворная.

У каждой сараевской гармоники своя судьба, свой характер и голос. Самая любимая — саратовская с колокольчиками, звонкая, веселая. Эта пятипланочная концертная гармоника изготовлена к Московской Олимпиаде. Корпус ее украшен олимпийской символикой. Над изображением Миши мастера трудились две недели — подбирали из мельчайших кусочков дерева шубку, мастерили глаза-подмигушки, вырезали вручную алюминиевые угольнички на меха. Инструмент этот с секретом, только самому мастеру известно, как повернуть его, чтобы откинулся спрятанный внутри корпуса крючок и развернулись меха — бери и играй.

Русская двухрядная гармоника — поющая память о старшем брате. Он был музыкантом и мастером. Уезжая на фронт, оставил Ивану Михайловичу заготовки и наказал: «Береги, Ваня, вернусь с войны, вместе гармонь мастерить будем». Не вернулся брат, погиб под Ленинградом. Долго мастерил Иван Михайлович эту гармонь. Голос у нее удивительно нежный, чистый и мелодичный, словно созданный для выражения любви и скорби, радости и печали.

Несколько дней слушал лекцию Сараевых художественный руководитель фольклорного хора Талицкого района Е. Ф. Калудский. Вместе с его певческим народным коллективом из поселка Уралец в Москву, для записи на фирме «Мелодия», уезжала одна из сараевских гармоний, та самая поющая память о брате, — лучшей в Свердловской области не нашлось.

В крошечном футляре — в спичечном коробке, выстланном мягкой материей, хранится самое ми-

ниатюрное творение рук Ивана Михайловича — одноклапанная гармошечка «Шуточка». Тонкий и звонкий голосок малютки старательно выводит мелодию «Пионерского марша».

Знакомство посетителей с коллекцией в этом доме — своеобразный ритуал. Сначала из плюшевых футляров разной величины извлекаются гармонь и гармошечки — смотрите-любуйтесь. Потом начинается концерт. Играет Иван Михайлович, словно прислушиваясь к чему-то, а лицо серьезное, ни тени улыбки. Растают звуки — он долго молча улыбается. Такой концерт открывает слушателю секрет сараевских гармоник: слесарь, столяр, художник лишь подмастерья у главного мастера — музыканта Сараева, для которого цель работы — горячая душа инструмента.

«...С детства я гонялся за любым звуком. Птичий гомон, шелест листьев, весенняя капель, треск огня в печи ранним утром, даже скрип половиц под неслышными шагами матери — все это откликалось во мне, все тревожило и звало куда-то... Бывало, растянет гармонист меха в одном конце села — меня уж ничем не остановить: бегу со всех ног. Стою, слушаю переборы, частушки, песни, а сам весь дрожу, то ли смеяться, то ли плакать хочется — не пойму.

Было мне 10 лет, когда приехали в наше село городские, рассказывали о Февральской революции. Слушали их мужики, гудели, о свободе рассуждали. А я запомнил только, как пела в руках одного из них наша саратовская с колокольчиками. Несколько дней жили приезжие люди в нашем селе, и все это время я ходил по пятам за гармонистом-агитатором... Мне всегда казалось, что внутри корпуса гармони живет какое-то загадочное существо, которое так по-разному откликается на человеческие руки. Смогу ли я заставить его говорить со мной?»

...Село Садовка, где родился и вырос Иван Михайлович, было малоземельным. Чтобы прокормить семью, мужчины отправлялись на заработки. Большую часть населения села составляли ремесленники.

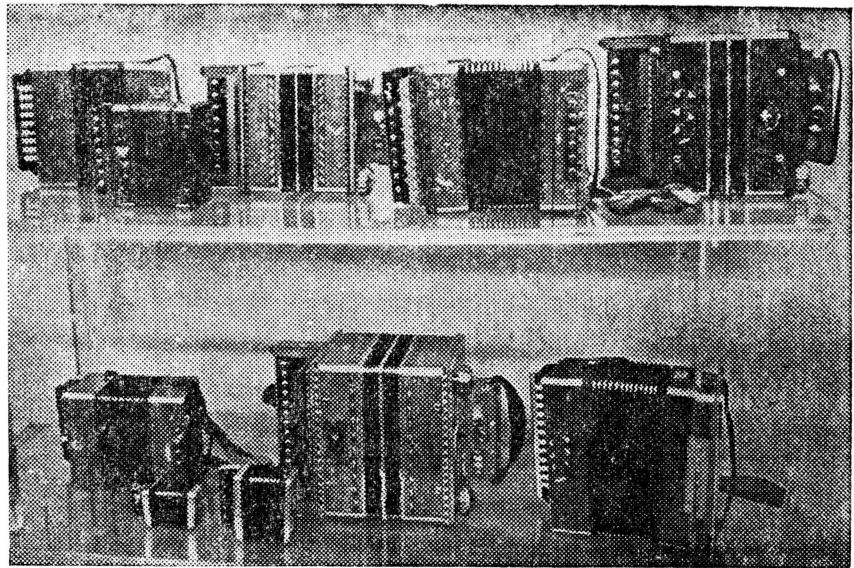
Обучившись у местных умельцев плотницкому и столярному ремеслу, И. М. Сараев в 1926 году тоже покинул родительский дом. Он плотничал, столярничал, строил нефтешерогающую станцию, наводил мосты через реку, учил ребятшек в школе труду... Но как только представлялась возможность — играл. Музыка по-прежнему была для него очищением и отдохновением, а гармонь — таинством, которое хотелось не просто понять, а сотворить это голосистое чудо своими руками.

«Задумал я сделать свою первую гармонь. Смастерил верстачок, изготовил долоточки, стамески, приобрел тиски, дрель, рубанок, угольники, пилу, ножовки... Ночей недосыпал, а гармонь сделал: однорядную, любимую уральскими старателями. Только душа моя тосковала по другой — саратовской. И ведь получилось!»

...Гармоники еще нет. В кухне, на узеньком верстачке лежат кусочки зачищенного металла — ее голоса. Каким звучанием будет обладать его новое чудо? А чудо возникает из самого обыкновенного материала. Берется древесина ореха и липы для дек, березы и бука для корпуса. Березу приносит из лесу, а ореховые планочки выпиливает из старого фортепиано. Привезут в поселковый магазин фрукты, И. М. Сараев торопится к открытию: уж больно ценная для мастера тара — буквые ящички.

Более полувека мастерит Иван Михайлович гармоники. Рассылает их любителям народной музыки. Они звучат сегодня в разных уголках страны. Свообразное художественное оформление, тонкая столярная работа, приятные серебряные голоса музыкальных инструментов говорят о высокой квалификации мастера, об его удивительном трудолюбии и терпении. Заказы он получает отовсюду и никому не отказывает, потому что ни одна музыкальная фирма такой народной инструмент не изготавливает.

...Из села Липовки приехал в поселок Уралец Н. А. Михалев, привез Ивану Михайловичу дорогую реликвию — гармонь, подаренную лихому армейскому гармонис-

ту маршалом К. К. Рокоссовским. Не зря ехал гость: запела гармонь еще краше, чем прежде.

Мастер и музыкант и жена Сараева — Зоя Павловна. Стол накрыт вышитой скатертью, на стенах висят панно, портреты В. И. Ленина, пейзажи, натюрморты — все это ее работа. Рисунки для инкрустаций гармоник делает также она. Кто сошьет ремни и чехол для новой гармоники? Опять она. Зоя Павловна выучилась играть на гитарочке, на ложках, стала аккомпанировать мужу на концертах.

С 30-х годов хранит Иван Михайлович выписку из протокола заседания жюри:

«И. М. Сараев виртуозно сыграл народные песни и наигрыши на гармониках собственного изготовления. Оценка выступления — «хорошо».

С тех пор его инструменты не раз звучали в залах клубов, дворцов, на районных и областных смотрах народного творчества. Трижды побывал Иван Михайлович в Москве, выступал в филармонии, в Большом театре. В 1975 году стал лауреатом всероссийского смотра самодеятельного творчества. И всегда рядом с ним была его жена.

В домашнем дневнике Сараевых немало записей, оставленных гостями этой дружной семьи. Пи-

шут ученики Ивана Михайловича — бывшие участники его музыкальных кружков, музыканты, счастливые обладатели сараевских гармошек и совсем незнакомые люди. И в каждом из этих писем признания: «Зоя Павловна и Иван Михайлович! В вашем доме удивительно легко дышится... Спасибо вам за ваш труд и щедрый талант, который вы отдаете людям!»

На снимках: И. М. Сараев, гармоники еще нет... Коллекция И. М. и З. П. Сараевых.

Фото
А. Лаптева

Твой сверстник в странах капитала

25 лет назад, тренируясь на случай ядерной атаки, школьники США весело залезали под парты. Юным американцам еще не был знаком тот патологический страх перед ядерной угрозой, который сегодня становится естественным для все большего числа граждан страны. Теперь американские школьники уже безо всяких тренировок готовы к худшему, они «очень боятся ядерного удара», как утверждают исследователи американской Ассоциации психиатров.

11-летняя девочка из Бостона, которую привели на прием к врачу, рассказала, что страшится не успеть покончить с собой, когда начнется ядерная война. Юный Тим Вуд из Санта-Моники заявил психиатрам: «Лучше вообще ничего не знать, чем знать, что через 24 часа ты можешь погибнуть». 70 процентов опрошенных учащихся считают, что США не уцелеют в ядерной войне; у большинства американских детей нет веры ни во взрослых, ни в будущее. Доктор Р. Лифтон из Йеля указывает на то, что свойственное детям ощущение абсолютного отсутствия будущего вредно вдвойне, потому что оно порождает цинизм и крайне эгоистическое поведение.

□

Школьник Пол Уиттерс из Дерри (Северная Ирландия) оказался британскому патрулю «подозрительным», и в него выпустили пластиковую пулю. Когда в палате общин британского парламента лейборист Деннис Кэневен заметил, что за последние годы от пластиковых пуль погибли 14 человек, половина из них — дети, министр по делам Северной Ирландии Д. Прайер ответил: «Если маленькие дети используются для организации уличного мятежа, им приходится страдать...»

Североирландцы — взрослые и дети — борются за свои законные права.

□

Дядя Сэм «одарил» подростков Малайзии, Сингапура, Индонезии, Филиппин новыми игральными видеоавтоматами. Бросай в щель монетку — и ты, например, за рулем автомобиля, мчащегося на бешеной скорости по улицам города. Твоя задача — не объезжать препятствия, а сбить как можно больше пешеходов.

Насилию, разрушениям, войне (в том числе войне в космосе) «учат» и другие подобные игрушки из-за океана. Полиция очень скоро зафиксировала: чтобы добыть деньги для игровых автоматов, подростки стали заниматься грабежами, собираясь в банды.

□

И снова США. В штате Теннесси четырехлетняя девочка была избита отцом и через пять дней умерла. В штате Мериленд пятилетний мальчик был утоплен в ванной. Это сделала мать.

По данным американской благотворительной ассоциации, число зарегистрированных случаев жестокого обращения с детьми возросло от 413 тысяч (1976 г.) до почти 789 тысяч (1980 г.). Эти случаи множатся из-за того, что родители, находящиеся в бедственном материальном положении, вымещают на детях свое отчаяние.

Детям из многих бедных семей в ФРГ просто не в чем ходить. Воспользовавшись этим фактом, владельцы одной транспортной конторы основали «Общество помощи детям». Агенты общества, разъезжая по стране, собирали у зажиточного населения ненужную детскую одежду и «заработали» миллион марок, продавая ее... в развивающихся странах.

□

Разбитые окна, трещины в стенах, протекающие крыши — так выглядят многие государственные начальные школы в Великобритании. Национальный союз учителей выяснил также, что многие школы не только не ремонтировали в течение последних пятнадцати лет, но в них и простой уборки ни разу не было.

□

Вот что случилось в Канаде. Трое дружков — Мартин Джин, Бертран Сен-Желе и Бенуа Ларош решили вместе покончить с жизнью. Мартин и Бертран отчаялись найти работу, а Бенуа, который еще не закончил школу, заранее не верил в то, что сможет получить где-нибудь рабочее место. 19-летний Бертран застрелился. У его товарищей попытка самоубийства оказалась неудачной.

Безработица, инфляция подорвали моральное состояние канадцев, признал недавно премьер-министр страны П. Трюдо. Сейчас каждый восьмой трудоспособный гражданин страны не имеет работы.

□

50 тысяч американских мальчишек и девочек исчезают бесследно каждый год, сбегаая из дому (а всего в год убегают около 1,8 миллиона детей). Средний возраст юных беглецов 15 лет.

Эксперты утверждают, что число пропавших без вести детей в США будет расти, поскольку экономический спад приводит многие семьи на грань отчаяния.

Три четверти детей-беглецов в США — белые. Более половины — девочки.

□

Французские магазины игрушек еще недавно считали своим самым ходовым товаром ковбойские шляпы и колты. Теперь ковбойским атрибутом пришлось потесниться на прилавках. Детям 6—12 лет предлагается новинка (и она имеет большой успех) — «железный человек», оснащенный всевозможными видами смертоносного оружия. В том числе реактивными снарядами. Эти снаряды запряганы в корпус.

Приучить детей к тому, что смерть, война всегда рядом, — вот цель заправил даже игрушечного бизнеса.

По материалам телеграфных агентств мира

ЯКОРЯ НА ПОСТАМЕНТЕ

Огромный, изъеденный солью океанских глубин четырехпалый якорь. Рядом с великаном на бетонном постаменте притулился якорь-кошка поменьше. Оба они были подняты со дна бухты Южная. Тщательно очистив находку от многолетнего ила и бесчисленных ракушек, рыбаки решили установить якоря как памятник в центре своего села Южная Лифляндия.

Здесь в местном рыболовецком колхозе «Новый мир» живет много эстонцев, предки которых переехали в Приморье из бывшей Лифляндской губернии еще в начале нынешнего века. В советское время в поселке выросло одно из крупных в крае специализированных рыболовецких хозяйств.

Исследовав металл и форму якорей, специалисты доказали, что они были изготовлены два столетия назад, ими оснащали галеры, грёбные военные суда, которые строились в Петербурге. Якоря ковались в кузнях села Липцы — ныне города Липецка.

ТАИНСТВЕННЫЕ ПЛЕМЕНА

В Рондонии — одном из отдаленных, глухих районов Бразилии существуют индейские племена, с которыми у цивилизованного человека пока не было встреч. Так считают бразильские сертанисты — люди, занимающиеся просветительской и благотворительной деятельностью. Один из них — Апоэна Мейрелес занят сейчас тем, что вместе с помощниками ищет возможность привлечь к мирной жизни индейцев уру-эу-вау-вау, которых считают опасными из-за постоянных стычек с собирателями каучука. Об этом племени известно только одно: оно ведет бесконечную войну за свои земли. Храбрые, гордые индейцы уру-эу-вау-вау даже при встречах с сертанистами (такие встречи очень редки) ведут себя недоверчиво.

САМАЯ ЮНАЯ СУША ПЛАНЕТЫ

Суртсей, островок в сорока километрах от Исландии, — самая молодая суша нашей планеты. Он возник после извержения подводного вулкана двадцать лет назад (ноябрь 1963 года). Лишь птицы имеют «право» посещать его. За два десятилетия все еще горячие камни островка избрали для своих гнездовий уже более 60 видов пернатых.

В 1965 году, меньше чем через два года после рождения Суртсея, на нем было обнаружено первое растение — морская горчица. Теперь на островке зарегистрированы уже 19 видов постоянных растений. Их семена приносят волны моря, ветры,

птицы и даже рыбы. Самая молодая суша планеты предоставила исследователям исключительные возможности для изучения возникновения и распространения жизни.

Обнаружилось и другое — то, что совсем не порадовало, не удивило ученых. Очень быстро плато Суртсея, напоминающее лунный ландшафт, оказалось заваленным хламом — пустыми железными бочками, бревнами, досками... Все это выбросило на островок море. Насколько же человечество уже погрязло в своих отходах!

РИСУНКАМ — 6 000 ЛЕТ

Множество гигантских наскальных рисунков нашли ученые на полуострове Кейп-Йорк (север Австралии). Эти произведения первобытного искусства созданы, как оказалось, более шести тысяч лет назад. Рядом были обнаружены и каменные инструменты древних художников. До сих пор Австралия считалась страной, где ничего подобного нет.

ОХОТА ЗА КЛАДАМИ МОРЯ

На потопленный английским фрегатом 175 лет назад неподалеку от Картахены (Карибское море) испанский галеон «Сан-Хосе» вновь началась охота бывшей «владычицы морей». Одна из английских компаний решила теперь поднять сокровища, которыми был загружен галеон: слитки золота и серебра, жемчуг, изумруды, общая ценность которых не поддается определению — так велика.

Считается, на дне Карибского моря покоятся до пятидесяти испанских судов с драгоценностями, некогда принадлежавшими колумбийским индейцам. Сама Колумбия претендует лишь на четвертую часть национальных богатств, что могут быть подняты со дна моря, и это подогревает энергию и аппетиты морских кладоискателей. Американцы, например, предложили колумбийскому правительству осуществить подъем драгоценностей сразу с пяти находящихся под водой судов.

ВЕЛИКАНША ЧЭН

Самой высокой в мире является китаянка Чэн Цзинлянь. Рост этой шестнадцатилетней девушки из провинции Юньнань 240 сантиметров. Впрочем, и весит Чэн немало — 147 килограммов. В ее жизни нет проблем с одеждой, обувью, — их шьют по специальному заказам. Девушка не страдает отсутствием аппетита: «Я постоянно мечтаю наесться досыта».

КАМЧАТСКОЕ ЧУДО

Камчадалы отметили недавно столетие Кронодского заповедника.

...В середине прошлого века местные жители-охотники, видя, как быстро сокращается численность соболя, договорились: самим карать нарушителей неписаных охотничьих правил, оберегающих ценного зверька во время размножения. В 1882 году камчадалы добились и официального признания Кронодского заповедника.

Среди природных богатств заповедника — знаменитая долина гейзеров. Здесь расположены 9 из 28 действующих на Камчатском полуострове вулканов.

МУЗЕЙ «МИЛОСЕРДИЕ И ОТВАГА»

Музей «Милосердие и отвага» организован и открыт в Кокчетавском медицинском училище. Музей посвящен лауреатам медали Флоренс Найтингейл (знаменитая английская сестра милосердия). Международный комитет Красного Креста награждает такой медалью медицинских сестер, отличившихся особой самоотверженностью при уходе за больными и ранеными. Среди лауреатов медали Флоренс Найтингейл сейчас имена тридцати трех советских женщин. Им в основном и посвящена экспозиция кокчетавских студентов.

● Несколько десятков жителей графства Ланкашир в декабре минувшего года наблюдали в небе три необычных светящихся треугольника. Они испускали цветное сияние и двигались с небольшой скоростью. Погода в графстве в день появления этих НЛО была неустойчива.

● В Антарктиде американские исследователи нашли небольшой метеорит зеленоватого цвета. Анализ состава указывает на лунное происхождение его.

● На юге Аргентины обнаружены останки ископаемого китообразного животного, длина которого 35 метров. Гигант жил почти 40 миллионов лет назад.

● 6 декабря 1922 года многие жители Заволжья наблюдали явление огненного змея. Но лишь в наше время близ села Царев были найдены первые осколки метеорита. Оказалось, они рассыпаны в круге диаметром более шести километров. Сейчас в коллекции из Царева уже 44 образца. Самый крупный осколок метеорита весит 284 килограмма. Таких щедрых посылок из Вселенной было немного.

● Неожиданные способности открыл у себя 40-летний врач-американец Артур Линген. Как подтвердила группа исследователей и музыкантов, Линген может... читать граммофонные пластинки. Взяв в руки диск, он по виду бороздок на нем определяет музыкальное произведение. Ученые предполагают, что существует какая-то связь между ухом человека и глазом.

● На Кубе крестьяне обнаружили неизвестный ранее вид ящерицы, способной менять свою окраску. Длина рептилии 20 сантиметров, а с хвостом — 45. Ее спина покрыта твердым панцирем. Кубинский «хамелеон» питается в основном насекомыми.

● Австралийские ученые открыли остатки сверхновой звезды, взорвавшейся 200 лет назад. Тогда она была самой яркой звездой Южного полушария. Сейчас исследователи заняты поиском свидетеля очевидцев этого события, — все же времени прошло не так много.

В этой же стране найден метеорит-загадка. Специалисты пришли к заключению, что он с Марса. 1200 миллионов лет назад на красную планету упал огромный метеорит. Произизошел взрыв, который выбросил множество осколков. Один из них — австралийский и притянула земля.

Автоград встречает ребят

Елена
СЕНЧЕВА

Фото
О. Капорейко

Машина шла на «красный». Казалось, несчастья не избежать. Но в самый последний миг дорогу лхачу преградил инспектор с железом в руке. Взвизгнули тормоза...

Идет обычное занятие со школьниками в автогородке «Сигнал» города Верхняя Пышма. И пусть машины здесь детские, pedalные, а инспектору ГАИ всего 13 лет, правила дорожного движения изучаются серьезно, по-настоящему. Водители игрушечных машин совсем по-взрослому ориентируются в дорожных знаках, жестах регулировщика, правилах поворота и обгона.

Нужны ли детям такие углубленные знания дорожной грамоты? Может быть, достаточно того, что изучается ими на школьных занятиях? Вот что говорят сводки ГАИ: в 1982 году в Свердловской области в дорожно-транспортных происшествиях пострадали 644 ребенка в возрасте до 16 лет. В 644 семьи пришло горе. Что же делать, чтобы эти тревожные цифры не увеличивались в этом году? Ответ один: учить и учить ребят правилам дорожного движения. Но учить не по старинке, зазубривая азы дорожной грамоты, не выходя из помещения, а в условиях улицы, в различных дорожных ситуациях. Эти ситуации лучше всего разыгрывать на специальных детских автодромах-автогородках. Таких автогородков в нашей области семь. Посещают их каждый год десятки тысяч детей. Так, только в одном автогородке «Зеленый огонек», расположенном в Центральном парке культуры и отдыха Свердловска, за 1982 год побывало более 13 тысяч школьников и дошколят. Программа работы автогородка очень насыщенная, здесь проводятся игры, праздники, викторины, соревнования.

Самое главное для каждого автогородка — сочетание практических занятий на улице с теоретическими. Для этого при автогородках имеются специальные классы-помещения и оборудованные действующими светофорами, дорожными знаками учебные улицы и перекрестки. Как же на деле изучаются здесь правила дорожного движения? Вот простой пример: нельзя неожиданно выходить на проезжую часть из-за стоящего транспорта, сооружений, деревьев. Это — непреложная истина.

Дети выходят на учебный перекресток и смотрят, как реализуется это правило в различных дорожных ситуациях. Оказывается, на дороге все намного сложнее. Стоящий транспорт одинаково опасно обходить и спереди, и сзади. Остановившаяся машина может скрыть другую, едущую. Машины остановились перед светофором. Одна из них, не замедляя движения, «проскакивает» перекресток на желтый сигнал... Все эти иллюстрации к простому, на первый взгляд, правилу дети наблюдают на учебном перекрестке автогородка. Причем юные водители и пешеходы все время меняются ролями. Польза от таких занятий несомненна. После них дети не растеряются на улицах города, вовремя заметят скрытую опасность.

Автогородки нашей области превратились в центры работы по профилактике детского дорожно-транспортного травматизма. Здесь проводятся ежегодные соревнования школьников-велосипедистов «Волшебное колесо», финалы соревнований на лучшее знание правил дорожного движения, городские праздники для детей «Дорога и я — верные друзья», «Школа светофорных наук» и многое другое.

Первые помощники Госавтоинспекции при проведении всех этих мероприятий — юные инспекторы движения. В летнее время отряд ЮИД постоянно дежурит в автогородке. Малыши с удовольствием исполняют указания девчонок и мальчишек на перекрестках автогородка, а те штрафуют «провинившихся» пешеходов, разъясняют правила дорожного движения. Дел им хватает. Не случайно сотрудники ГАИ называют юнцов будущей смелой. Конечно, не многие из этих ребят действительно придут на службу в ГАИ. Но не вызывает сомнения, что большинство сегодняшних школьников, как мальчишек, так и девчонок, будет сидеть за рулем современных «Волг» и «Жигулей». И готовиться к этому нужно уже сейчас. С каждым годом потоки автотранспорта на дорогах становятся все полноводнее. И очень радостно, что наши дети с самого раннего возраста дружат с правилами движения, любят технику, понимают язык дороги.

...Где в гору подымается дорога,
 Изрытая дождями, три сосны
 Стоят — одна поодаль, две другие
 Друг к дружке близко, — здесь,
 когда их мимо

Я проезжал верхом при свете лунном,
 Знакомым шумом шорох их вершин
 Меня приветствовал. По той дороге
 Теперь поехал я и пред собою
 Увидел их опять. Они все те же,
 Все тот же их, знакомый уху шорох —
 Но около корней их устарелых
 (Где некогда все было пусто, голо)
 Теперь младая роща разрослась,
 Зеленая семья; кусты теснятся
 Под сенью их как дети. А вдали
 Стоит один угрюмый их товарищ,
 Как старый холостяк, и вокруг него
 По-прежнему все пусто.

Здравствуй, племя
 Младое, незнакомое! не я
 Увижу твой могучий поздний возраст,
 Когда перерастешь моих знакомцев
 И старую главу их заслонишь
 От глаз прохожего. Но пусть мой внук
 Услышит ваш приветный шум, когда,
 С приятельской беседы возвращаясь,
 Веселых и приятных мыслей полон,
 Пройдет он мимо вас во мраке ночи
 И обо мне вспомнит.

А. С. ПУШКИН.

1835 г.

Рисунок Юрия Северухина (г. Каменск-Уральский)